128

قازاعستاندى زەرتتەيتۇن قوعامىنىڭ ەڭبەكتەرى.
ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КАЗАКСТАНА
т. VIII, вып. III.

В. Н. Шнитников.

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ СЕМИРЕЧЬЯ

◆◆◆

Travaux de la société pour l'étude
sur Kazakstan (Pays Kirghiz).
Vol. VIII, livr. III.

Издание Общества изучения Казакстана.
1928.
КЗЫЛ-ОРДА.

Настоящая работа является результатом обработки, главным образом, материала, собранного мною во время моих постоянных поездок по Семиречью в период с 1907 по 1915 г. включительно. Литературными данными я воспользовался лишь косвенным образом, и список видов составлен мною, по причинам, о которых подробно будет сказано ниже, исключительно на основании тех материалов, которые мне удалось добыть самому.

Во время своих поездок мне пришлось об'ехать почти всю область, исключая крайнего северо-восточного ее угла, т. е. Тарбагатая и Сергиопольского района, а также части Джаркентского уезда между р. Или и Джунгарским Алатау и некоторых менее значительных кусочков, главным образом, в Верненском и Пишпекском уездах. Особенно хорошо я успел познакомиться с Копальским и Пржевальским уездами, по которым пролегают самые большие мои маршруты.

Приехав в этот крайне интересный и мало исследованный в фаунистическом отношении край весною 1907 года, я совершенно не имел в виду заниматься изучением местных пресмыкающихся и предполагал детально познакомиться исключительно с орнитофауною Семиречья.

Однако, первая же моя поездка, во время которой мне пришлось попасть в пески, где я встретил целый ряд ящериц, до тех пор невиданных мною и поражающих жителя Европейской России или своим странным неуклюжим видом и повадками, как круглоголовки, или, наоборот, своим изяществом и необыкновенною быстротою движений, как скаптейры (особенно Sc. scripta), заставила меня настолько заинтересоваться этою совершенно новою для меня областью, что я тогда же собрал и привез все, что мне удалось найти, и с тех пор уже не переставал собирать пресмыкающихся.

Мало того, не полагаясь на одни свои силы, я обратился к некоторым своим сослуживцам с просьбою помочь мне в этом отношении, и кое-кто из тех, к кому я обращался, действительно, пошел мне навстречу, т. ч. при содействии этих лиц мои герпетологические сборы быстро увеличились.

Я не нахожу возможным называть здесь всех, кто в той или иной мере оказал мне помощь, т. к. таких лиц было много, но не могу не поблагодарить особо одного из них, гидротехника Переселенческого Управления, Н. В. Ураева, которому я обязан особенно многим, т. к. он в течение трех лет привозил мне все, что, по его мнению, могло мне оказаться интересным, и, таким образом, весьма значительно пополнил мою коллекцию.

Результатом всех этих сборов явилась спиртовая коллекция пресмыкающихся больше чем из 100 экземпляров змей и около 500 ящериц, обнимающая собою 8 видов первых и 21 вид последних, т. е. заключающая не только все найденные до сих пор в Семиречье виды, но и дающая возможность несколько пополнить список последних.

При описании отдельных видов мною подробно указывается распространение в области каждого из них, но т. к. некоторые змеи и большинство наших ящериц являются обитателями строго определенных станций, то я нашел целесообразным приложить к настоящей работе карту Семиречья, на которой схематически нанесено расположение в последнем главнейших естественно исторических районов, т. ч. уже при первом взгляде на карту становится приблизительно ясным распространение у нас большинства видов.

Само собою разумеется, что из общего числа найденных здесь видов одни являются вполне обыкновенными и широко распространенными, другие более или менее обыкновенны в районе своего распространения, но зато последний является ограниченным довольно узкими пределами, наконец, третьи хотя и найдены в Семиречье и даже имеются у меня в коллекции, но, тем не менее, должны считаться здесь весьма редкими, т. к. случаи их находки известны наперечет, и все найденные экземпляры могут быть точно указаны, т. к. считаются единицами.

К числу первых принадлежат все наши змеи, кроме Zamenis rawergieri, а из ящериц—Eremias arguta, Eremias velox, Lacerta agilis, Phrynocephalus caudivolvulus, Phr. helioscopus, Scapteira grammica Eremias multiocellata, Phr. mystaceus Phr. kuschakewitschi, Agama sanguinolenta, Scapteira scripta, Eremias nikolskii, Ablepharus alaicus, Alsophylax pipiens и Ablepharus deserti. Ко второй группе из змей я не отношу ни одной, из ящериц же—Gymnadactylus russowi kopalensis, Eremias intermedia, распространение которой носит, вообще, какой-то неопределенный и трудно уловимый характер, Gymnadactylus russowi типичного и Teratoscincus scincus. Наконец, к третьей группе относятся из змей Zamenis rawergieri, а из ящериц Scapteira grum-grzimailoi и Ophisaurus apus.

При перечислении ящериц я сделал попытку расположить их в каждой группе, приблизительно, в порядке их распространенности и, если так можно выразиться, «обыкновенности» в Семиречье, причем учитывались и широта распространения, в смысле территории, и многочисленность индивидуумов в местах обитания. Само собою понятно, что это только попытка, да и то лишь весьма приблизительной характеристики, т. к. в этом случае слишком большую роль неизбежно играет чисто субъективное впечатление наблюдателя.

Приступая к обработке собранных рептилий, я, естественно, должен был начать с их определения, для чего мне пришлось прибегнуть к новейшей большой работе по пресмыкающимся, а именно к тому тому «Фауны России», который посвящен ящерицам. К сожалению, мне с первых же шагов пришлось убедиться, что эта работа А. М. Никольского имеет много дефектов, в некоторых случаях лишающих даже возможности пользоваться ею для определения. Я не имею, конечно, в виду останавливаться здесь на критической оценке этой работы, но в тех случаях, когда это окажется необходимым по ходу изложения, я остановлюсь более подробно на выяснении тех затруднений и недоразумений, с которыми мне пришлось столкнуться при пользовании упомянутым томом «Фауны России». Впрочем, само собою разумеется, что наличность дефектов и пробелов не лишает этой работы того значения, которое она имеет в качестве сводки всех наших сведений об отечественных пресмыкающихся и в качестве необходимого пособия при определении для каждого начинающего герпетолога; но при пользовании ею последнему надо быть очень внимательным, и тогда в скором времени он сумеет разобраться в слабых пунктах и избежать могущих возникнуть на этой почве ошибок и недоразумений.

Именно, с целью устранения хотя части подобного рода недоразумений я и нахожу необходимым указать ниже на те погрешности и ошибки, с которыми пришлось столкнуться мне, и в которых мне разобраться было, сравнительно, легко исключительно благодаря особо благоприятным условиям работы, а именно—благодаря возможности пользоваться всем тем материалом, которым пользовался А. М. Никольский плюс еще мои собственные сборы, относящиеся к одному более или менее ограниченному району и потому дающие, в некоторых отношениях, особенно ценный материал.

Помимо целей систематического характера я воспользовался трудом А. М. Никольскаго также для определения распространения найденных мною видов, как это распространение выяснялось до сих пор в б. Российской Импе-

рии, вообще, и по отношению к Семиречью, в частности, чтобы, таким образом, иметь возможность судить, изменяют ли добытые мною данные до того времени известную картину распространения тех или других видов и, если изменяют, то—как именно.

При этом, в тех случаях, когда данные о местонахождении, приводимые в «Фауне России», почему-либо казались мне основанными на ошибке, я каждый раз особо указываю на это, приводя мотивы своих сомнений по этому поводу.

Все цитируемые в «Фауне России» экземпляры Зоологического Музея Р. А. Н., происходящие из Семиречья, почему-либо заинтересовавшие меня, просмотрены мною, и ознакомление с ними, между прочим, об'ясняет, как это будет подробно указано в своем месте, почему мною не помещены в список некоторые виды ящериц, указываемые А. М. Никольским для Семиречья и, притом, иногда исключительно для этого последнего (как Ablepharus kucenkoi и A. tenuis).

Прилагаемая карта, масштаба 100 верст в дюйме, имеет схематический характер, т. к. нанести вполне точно распределение станций при таком масштабе, понятно, не представляется возможным. Впрочем, для тех целей, какие преследует эта карта, и при тех материалах, какие мне удалось собрать по вопросу о распространении в Семиречье отдельных видов пресмыкающихся, той степени точности, какую дает карта, мне кажется, вполне достаточно.

Насколько мне удалось выяснить, до настоящего времени в русской литературе данные биологического характера по рептилиям были крайне скудны, и соответственный том «Фауны России», к сожалению, совершенно не пополняет этого пробела, т. к. в нем не использованы даже те немногие данные, которые имеются: совершенно отсутствуют, например, сведения биологического характера относительно таких исключительно интересных по своей биологии ящериц, как представители р. Ophiomorus.

О распространении наших ящериц, в смысле избираемых ими для жизни станций известно, обыкновенно, так мало, что в обозначения местонахождений, подчас, вкрадываются ошибки насколько грубые, что они резко бросаются в глаза каждому, сколько-нибудь знакомому с биологиею данного вида и с местными условиями, и иногда могли бы быть отмечены даже при одном взгляде на самые мало точные карты, в роде, хотя бы, той же общеизвестной сорокаверстки. Некоторые примеры таких явных ошибок будут указаны ниже, прилагаемая же карта имеет целью помочь быстро, с первого взгляда, ориентироваться в общем характере распространения в Семиречье отдельных видов пресмыкающихся, более детально выясняемого при описании каждого вида в частности.

На карте выделены три наиболее характерные, с точки зрения распространения пресмыкающихся, типа природных условий: горный район, песчаные пространства и промежуточные между этими крайностями станции, основу которых составляют равнинные полынные степи и к которым я отнес также солонцовые пространства, невысокие горные отроги, сохраняющие—благодаря своей незначительной высоте—степной характер растительности и фауны,—весь культурный район степной полосы (поливной), поймы больших рек и саксауловые леса Прибалхашья, т. е., вообще, всю низменную, но не занятую песками часть области.

Кроме районов, обследованных мною непосредственно, во время моих постоянных поездок по области, в моем распоряжении имеются материалы и из мест мною лично не посещенных, т. ч. фактически, нет почти ни одного уголка в области, откуда у меня не было бы материала, коль скоро там есть представители рептилий. Замечу, что последняя фраза имеет вполне определенный й смысл, т. к. мне пришлось посетить, между прочим, и такую часть Семиречья, где на протяжении трех недель пути и на площади около 15 т. кв.

верст мы не встретили ни одной змеи и ни одной ящерицы и где, по словам киргиз, ни тех, ни других нет совершенно. Район этот расположен в восточной части Пржевальского уезда и прилегающей части Джаркентского, в бассейне рек Сарджаса, Кок-Джара и верховьев Текеса и захватывает также прилегающую с севера площадь, до гребня Кетменского хребта, на которой ящерицы, повидимому, тоже почти отсутствуют, т. к. найдены мною лишь в двух отмеченных на карте пунктах.

Возвращаясь к природным условиям Семиречья, замечу, что изображенное на карте деление области на естественно-исторические районы представляет из себя лишь общую схему, которую необходимо понимать в том смысле, что в каждом данном районе значительное преобладание имеют характеризующие данный район условия; но что, в то же время, на общем фоне, определяемом этими характерными условиями, могут попадаться, и в действительности попадаются, более или менее значительных размеров пятна с иными природными условиями, которые, однако, не поддаются возможности быть отмеченными, благодаря, все-таки, сравнительной ничтожности своей площади.

Так, в показанном на карте горном районе, конечно, далеко не вся площадь представляет из себя сплошные хребты и плоскогорья с узкими ущельями между ними, а здесь же мы встречаемся и с многочисленными, иногда довольно обширными и широкими, долинами. Но, во-первых, площадь этих долин сравнительно с площадью гор оказывается, все-таки, весьма незначительною, а во-вторых, они всегда оказываются настолько поднятыми над уровнем моря, что обыкновенно приобретают климатические условия и общий характер природы совершенно отличные от тех, с которыми мы встречаемся в низменных частях Семиречья.

Кроме того, долины эти часто бывают наглухо отрезаны от низменностей, иногда же соединяются с ними лишь узкими ущельями, благодаря чему возможность проникания в такие долины животных форм из низменных частей области оказывается весьма затрудненною, а иногда и совершенно устраненною.

В результате, герпетологическое население таких долин складывается из видов горных, заменяющих здесь иногда весьма близкие виды, свойственные полосе типичных полынных степей.

В тех же немногих случаях, когда высокая горная долина оказывается соединенною с остальною частью Семиречья, сравнительно широким и хорошо доступным проходом, как это имеет место, например, в долине озера Иссык-Куль, и когда, при этом, климат ее не носит резко выраженного горного характера, мы можем встретить здесь и обычные для низменной полосы виды, а именно, в Иссык-Кульской долине—Eremias arguta и Lacerta agilis. Этих же двух ящериц я нашел и в окрестностях выселка Охотничьего.

Для бо́льшей ясности, перейду теперь к общей краткой характеристике отдельных естественно-исторических районов, как они приняты мною для карты.

I. Горный район, начиная, приблизительно, с высоты 1000 метров над уровнем моря, и выше в нижнем поясе характеризуется еще, сравнительно, мягким, довольно влажным климатом, допускающим возможность сельско-хозяйственной культуры (без орошения), ковыльным, ковыльно-типчаковым или же гораздо более разнообразным уже настоящего лугового характера, растительным покровом, каштановыми и черноземными почвами, мягкими очертаниями рельефа, бедностью высшими представителями животного мира и особенно, бедностью пресмыкающимися, из которых мы встречаем здесь, обычно, одну Lacerta agilis, да из змей—Coluber dione, Ancistrodon halys и, конечно, Tropidonotus tesselatus.

Выше климат становится более влажным, более холодным, с известной высоты сельско-хозяйственная культура становится не такою надежною, несмотря на благоприятные почвенные условия (чернозем), растительность делается еще более сочною, появляются кустарниковые заросли из жимолости

разных видов, шиповника, можжевельника и малины, на затененных склонах появляется древесная растительность из лиственных пород (яблоня, абрикос, береза, ива, осина, боярышник, рябина, черемуха), рельеф принимает более резкие очертания, животный мир, благодаря большему разнообразию условий и появлению некоторых горных форм, становится более разнообразным, и из пресмыкающихся, мы здесь на скалистых или покрытых травою местах, встречаем уже наших горных ящериц—Ablepharus alaicus, Eremias multiocellata, Eremias nikolskii, а из змей—Tropidonotus tesselatus и Ancistrodon halys.

Еще выше, в полосе хвойного леса, то-есть, приблизительно, с высоты 2000 м. н.у.м., климат делается еще более влажным и суровым, сельско-хозяйственная культура обыкновенно становится уже невозможною, склоны гор поднимаются круто, прорезываются более или менее узкими и глубокими ущельями, животный мир обогащается целым рядом типичных видов, но зато многие виды пресмыкающихся исчезают окончательно, и на этой высоте мы встречаемся уже лишь с нашими горными ящерицами, а из змей—с исключительно неприхотливыми и выносливыми: щитомордником и водяным ужом.

Указанная общая схема горного района разнообразится более или менее широкими долинами, обладающими, подчас, довольно сухим и мягким климатом и соответственным растительным покровом (с преобладанием серой полынки—Artemisia maritima - и типца), и в таких случаях мы здесь иногда можем встретить даже представителей фауны пресмыкающихся, типичных для низменностей, как мы это видели на примере долины Иссык-Куля, где, повидимому, вполне хорошо себя чувствует Eremias arguta.

Кроме Иссык-Кульской долины, дающей ответвления к востоку по р.р. Тюп и Джергалан и к западу по течению Чу (Джуван-Арык), можно упомянуть еще о нескольких наиболее значительных долинах, разбросанных там и сям в пределах показанного на карте горного района. Так, нижняя часть течения р. Нарын расположена в широкой волнистой долине, известной под названием Тогуз-Торау; довольно широкую и ровную долину образует тот же Нарын выше одноименного укрепления; большою известностью в качестве хорошего летнего пастбища пользуется высоко расположенная широкая долина р. Арпы, невысоким перевалом отделенная от широкой же долины Каракоюна; хорошо выраженные долины образуют также р.р. Б. Кебень, Джумгал, Кукумерен, Сусамыр, З. и В. Караколы, Чолкуде и, местами, Чилик. Некоторые из этих долин, особенно ближайшие к Фергане, обладают сравнительно, довольно мягким климатом, допускающим даже возможность сельско-хозяйственной культуры, другие же лежат на такой высоте, что климатические условия делают в них совершенно невозможною жизнь рептилий, которые в таких долинах отсутствуют. Из таких долин я назову долину р. Чолкуде, ниже известной под названием Кегени, где, между прочим мне, совершенно неожиданно для меня, пришлось встретиться на большой высоте (около 2000 м.н.у.м.) с настоящими песками. Пески эти производят весьма странное впечатление, во-первых, своим положением среди совершенно неподходящей к ним горной обстановки, а во-вторых—полным отсутствием ящериц, которых в Семиречье обыкновенно привык видеть особенно многочисленными, именно, в песках.

Таким образом, в районе, нанесенном на карте в качестве гор, мы встречаемся и с большими долинами, из которых многие представляют из себя настоящую полынную или полынно-типчаковую степь, и даже с песчаными пространствами. Но, повторяю, на общем фоне горных пространств даже самые обширные долины представляют лишь незначительные пятна, совершенно не меняющие общей физиономии района, не говоря уже о песках, которые в принятом масштабе можно было бы изобразить лишь в виде едва заметных точек и линий.

То же самое приложимо и к обоим следующим естественно-историческим районам. Из них ни один, в действительности, конечно, не представляет сплошной непрерывной площади с совершенно однородными природными условиями, а оба во многих местах прерываются участками с иною физико-географическою физиономиею.

II. Район низменных полынных степей. (На карте изображен незаштрихованным). Основными чертами всего этого района является: сухой, теплый климат, светлые глинистые или суглинистые (реже - супесчаные) почвы, довольно бедная полу-пустынного характера растительность, основу которой составляет серая полынь (Artemisia maritima) и бедность фауны, в том числе —герпетологической. Совокупность всех этих условий и об'единяет между собою, повидимому, столь разнородные местности, как те, которые отнесены мною к этому району, применительно к интересующей нас точке зрения—вопросу о распространении пресмыкающихся.

Само собою разумеется, что изменение голой полынной степи на саксауловый лес не может не отозваться на составе герпетологической фауны, но выделять саксауловые леса в основной район я, все-таки, нахожу неудобным, в виду сравнительной незначительности площади занимаемой настоящими хорошими лесами черного саксаула, произрастающими на более плотных почвах и имеющими свою особую крайне своеобразную физиономию, с одной стороны, и типичную герпетологическую фауну—с другой.

Не имея возможности выделить такие места на карте в виде особых естественно-исторических районов, я, тем не менее, отметил своеобразный характер их герпетологической фауны нанесением на карте найденных здесь видов.

Район преобладания полынных степей, переходя то от мягкой степи к каменистой, то засоляясь в той или другой степени и, соответственно этому, меняя свой растительный покров, то изменяя свой рельеф в пределах от идеальной равнины до невысоких гор, то покрываясь кустиками чингиля (Halimodendron argenteum), ак-тыкена (Nitraria Schoberi), таволожки (Spiraea sp.), боялыша (Salsola arbuscula) или тамариска (Tamarix разных видов) и, таким образом, варьируя в смысле ландшафта и общей физико-географической физиономии в довольно широких пределах, вместе с тем заключает в своих пределах и такие станции, которые не являются характерными для данного района ни по флоре, ни по фауне.

К таким станциям, в общей сложности, занимающим, опять-таки, конечно, сравнительно ничтожную площадь, должны быть отнесены все понижения рельефа с высокими грунтовыми водами и берега многих речек, ручьев и ключей, частью заболоченные, частью образующие просто свежие, ярко зеленые луговинки, резко выделяющиеся на общем сероватом фоне присущем преобладающим растительным формам данного района, как Artemisia maritima Ceratocarpus arenarius, Atriplex canum, Obione verrucifera, Eurotia ceratoides, Kochia prostrata, а из кустарников—Halimodendron argenteum и Nitraria Schoberi.

Такие богатые влагой и покрытые ковром разнообразной свежей растительности места бывают заняты и соответственным представителем пресмыкающихся, а именно Lacerta agilis, которая в качестве характерного вида свойственна уже иному району, принятому нами. Замечу, что такие же лугового характера участки попадаются и в III-м нашем районе—песках, где они бывают расположены, главным образом, по берегам рек и озер и где они населены, обычно, тою же Lacerta agilis

Что касается видов пресмыкающихся типичных для нашего II-го района, то к ним принадлежат, как это видно на карте, всего два—Eremias arguta и Phrynocephalus helioscopus, из которых первую мы можем встретить почти в любом пункте на протяжении всего района, исключая мест, заросших кустарниками или имеющих песчаную почву, где место Eremias arguta

заменяет Eremias velox. Вторая же, то-есть, Phrynocephalus helioscopus, придерживается участков степи каменистых, то-есть, более или менее, густо усеянных на поверхности почвы щебнем или галькою, а также охотно держится по сухим руслам, на песчано-галечном грунте, покрытом скудною растительностью.

Из остальных ящериц, отмеченных на карте для данного района, о Lacerta agilis сказано выше, Eremias velox встречается по кустарным зарослям и на участках с более легкими почвами, что же касается Alsophylax pipiens, Agama sanguinolenta, Ophisaurus apus и Eremias intermedia, то все они являются не характерными для данного района, а или, вообще, редкими (Ophisaurus apus) или распространенными более или менее спорадически (Alsophylax pipiens) и даже более или менее случайно, на пятнах настоящих песков (Eremias intermedia), или же, наконец, населяют специальные формации, как Agama sanguinolenta, приуроченная к зарослям саксаула.

Из змей безусловно типичною для II-го района является Vipera renardi и здесь же чаще всего встречается Eryx miliaris и, пожалуй, также Taphrometopon lineolatum.

III. Район песков. Характеризуется еще меньшим количеством осадков, сухим и в значительной степени континентальным климатом, песчаными почвами, на огромных площадях переходящими в бугристые или даже чистые барханные глубокие пески, со своеобразною и, притом, довольно богатою типично-песчаною флорою (саксаул разные виды Calligonum, Ammodendron Sieversi, Atraphaxis. Astragalus Ammodendron, Eremurus inderiensis, Eremurus Korolkowii, Aristida pennata, Kochia arenaria, Eurotia ceratoides, Phelipea Salsa и многие другие), характерною фауною и, наконец, особенным богатством пресмыкающихся, как в смысле разнообразия форм, так и в смысле количества индивидуумов, так как многие песчаные виды местами встречаются в огромном количестве.

Само собою разумеется, что и песчаный район карты не представляет из себя сплошного песчаного моря, а попадаются здесь и пятна более плотных почв с соответственною растительностью, но равнинный характер местность сохраняет неизменно на всем своем протяжении.

Наиболее обширный район с плотными почвами, в котором последние играют доминирующую роль, будучи, притом, заняты саксауловыми зарослями, местами принимающими вид настоящего леса, расположен в низовьях Баканасов и, приблизительно, выделен мною на карте из района преобладания песков. Все же остальные места с глинистыми или суглинистыми почвами, частью более или менее засоленными, разбросанные в границах, указанных на карте для песков, точно также теряются на общем фоне последних, как теряются ровные, хорошо выраженные, с мягким климатом долины на общем фоне типичного горного района.

Как упомянуто выше, в III-м районе мы встречаемся с особенно богатою и разнообразною герпетологическою фауною. Действительно, здесь обитают целых 12 из числа 21 видов семиреченских ящериц, при чем большинство этих 12 видов являются вполне характерными и типичными для данного района, и лишь меньшинство живет здесь в качестве более или менее случайного элемента, как некоторые из них живут и в других районах. К числу первых видов принадлежат: Scapteira grammica, Scapteira scripta и Scapteira grum-grzimailoi, Phrynocephalus mystaceus, Phrynocephalus caudivolvulus, Phrynocephalus kuschakewitschi, Alsophylax pipiens, Teratoscincus scincus и Eremias intermedia. Из этих 9 видов Alsophylax pipiens попадается спорадически и вне песков, а Teratoscincus scincus имеет, повидимому, крайне ограниченный район распространения в Семиречье и вообще немногочислен, как немногочисленна здесь и Scapteira grum-grzimailoi, остальные же 6 видов являются вполне обыкновенными и попадаются в большом количестве.

К этой же группе можно было бы отнести и Eremias velox, так как она местами бывает крайне многочисленна в настоящих песках, но так как она, вместе с тем, часто попадается и в других природных условиях, то ее, вообще, приходится исключить из числа видов типичных для какого бы то ни было из принятых районов.

Lacerta agilis в III-м районе встречается, так же как и в остальных двух, на любимых ею зеленых луговинках, но так как последние здесь, вообще, попадаются реже и, кроме того, часто занимают совершенно изолированное положение среди окружающих их обширных песчаных пространств, то и Lacerta agilis попадается здесь гораздо реже, чем в остальных двух районах, и на подходящих для нее станциях в III-м районе ее часто заменяет Eremias velox.

Наконец, последняя, отмеченная для данного района ящерица, Agama sanguinolenta, как приуроченная в своем распространении к саксауловым зарослям, идет всюду, куда идет хороший саксаул, а так как последний иногда заходит и в пески, то вместе с ним сюда заходит и агама.

Из числа змей типичных для песков в Семиречье нет, и, вообще, в песках змей я встречал крайне редко, а именно—раза два встретил Taphrometopon lineolatum, раза три—Eryx miliaris и однажды—Ancistrodon halys. Я не говорю здесь о Tropidonotus tesselatus, которого у воды можно встретить решительно везде, так как он весьма мало обращает внимания на обстановку, которую найдет на берегу.

Переходя теперь к нанесенным на карте местонахождениям пресмыкающихся, должен сказать, что я нашел лишним наносить таковые для змей, считая, что сказанного выше, в связи с подробными данными при описании отдельных видов, вполне достаточно для того, чтобы разобраться в их распространении, тем более, что самое число видов наших змей весьма невелико.

В самом деле, нанесение на карту местонахождений и для змей, мне кажется, явилось бы излишним балластом для нее, так как одни из семиреченских змей, Ancistrodon halys и Tropidonotus tesselatus, являются у нас настоящими космополитами (конечно, так сказать в «областном» смысле), и попадаются во всех районах, так что распространение их не представляет ничего характерного, другие, как Zamenis rawergieri оказываются, вообще, крайне редкими, третьи, наконец—Vipera renardi, и Coluber dione—наоборот, настолько обыкновенными, что известные мне местонахождения их лишь испещрили бы всю карту до невозможности ориентироваться в ней.

Что касается местонахождений отмеченных на карте для ящериц, то по этому поводу необходимы некоторые предварительные общие пояснения.

Сплошным кружком отмечались местонахождения, установленные мною самим, частью при личном посещении соответственных пунктов, частью же по имеющимся в коллекции экземплярам, доставленным мне разными лицами; пунктирным кружком отмечены местонахождения по данным, приводимым А. М. Никольским в «Фауне России»; двойным кружком показаны местонахождения в тех случаях, когда мне не удалось ни самому найти данного вида где-либо, кроме единственного отмеченного на карте пункта, ни получить для коллекции экземпляра от кого-либо из собиравших для меня.

Само собою разумеется, что на карте не могли быть отмечены все пункты, где мною были находимы ящерицы, так как для некоторых более обыкновенных и широко распространенных видов пришлось бы привести слишком много отметок.

Все известные мне местонахождения показаны только для тех видов, которые или являются более или менее редкими, или распространены спорадически, или же, вообще, не имеют больших сплошных районов распространения.

Впрочем следует заметить, что к этой категории принадлежит большинство наших ящериц, и лишь меньшая часть из них распространена, местами, сплошь на протяжении больших площадей. В таких случаях соответственная цифра на карте подчеркнута в кружке чертою, которую надо понимать в том смысле, что данная цифра относится ко всему однородному окрестному району.

Такие подчеркивания цифр имеют место лишь у 7 видов, и значение их в каждом отдельном случае мне кажется достаточно ясным, в связи с более подробными данными о распространении того или другого вида, приведенными в соответственном месте ниже. Цифры на карте соответствуют порядковому № данного вида в общем списке видов ящериц найденных в Семиречье (стр. 16).

Что касается литературных данных (по «Фауне России»), то я воспользовался ими во всех случаях, когда местонахождение было указано с достаточною точностью, и когда я не имел оснований сомневаться в правильности указания места находки, или же определения вида.

Последние во всех сомнительных случаях были проверены мною по подлинным экземплярам и в некоторых случаях оказались правильными, в других же—безусловно неверными. В последних случаях я, конечно, тоже использовал данные о местонахождении и лишь отнес их не к тем видам, к которым они отнесены в «Фауне России», а к тем, к которым они относятся в действительности.

Из таких исправленных дат я упомяну о следующих: 1) Ablepharus deserti № 6765, Mont. Talgar. Kuschakewitsch. 1881 в действительности оказался, как я и предполагал, судя по местонахождению, Ablepharus alaicus 2) № 6753. Ablepharus deserti. Circ. Wernoje. Kuschakewitsch. 1881—тоже; 3) № 9517 Eremias multiocellata. Prope lac. Issyk-Kul Kucenko. 1901—среди нескольких E. multiocellata оказалась 1 E. arguta; сюда же принадлежат, конечно, все данные, отнесенные к Ablepharus kucenkoi, которого я считаю синонимом Abl. alaicus и дата Abl. tenuis, так как последний есть не что иное, как аномальный экземпляр Ablepharus deserti.

Наконец, для некоторых экземпляров Зоологического Музея, доставленных Поляковым, приведены местонахождения, которыми я вовсе не нашел возможным воспользоваться, так как считаю их или безусловно неверными, или же—крайне сомнительными. К числу первых принадлежат № 4856. Phrynocephalus caudivolvulus. Lepsinskaja Staniza. Poljakow 1877 и № 4860. Eremias velox. Lepsinskaja Staniza. Poljakow 1877, к последним же я причисляю № 4855. Lacerta vivipara—тогда же и оттуда же.

Определения видов во всех этих случаях, конечно, оказались верными, но уже самое сочетание Phrynocephalus caudivolvulus с Lacerta vivipara в одном пункте невольно наводит на сомнение, для меня же, хорошо знакомого с природными условиями Лепсинской станицы, кажется более правдоподобным нахождение здесь Lacerta vivipara (хотя лично я ее в Семиречье не нашел), чем Eremias velox и, особенно, Phrynocephalus caudivolvulus

Дело в том, что Лепсинская станица расположена на высоте около 3000 ф. н.у.м. в замкнутой холодной котловине среди гор уже в районе черноземных почв и обладает настолько суровым климатом, что там иногда еще к 1 мая едва начинают распускаться первые березки и показывается первая травка.

При таких климатических и почвенно-ботанических условиях, какие имеются налицо в Лепсинской станице, скорее можно ожидать встретить там северную Lacerta vivipara, чем южную, любящую жару Eremias velox или чисто песчаную Phrynocephalus caudivolvulus, тем более, что ни о каких песках в Лепсинске нет и помина.

Таким образом, лично я убежден, что указания местонахождений у названных выше экземпляров не верны и могут быть об'яснены тем, что По-

ляков, остановившись в Лепсинской станице и приводя здесь в порядок свои сделанные перед тем сборы, по ошибке приложил не те этикетки, которые следовало, или же просто приурочил свои находки, оказавшиеся случайно без более точных этикеток, к Лепсинской станице, как к ближайшему в те времена наиболее крупному административному центру.

Что же касается двух экземпляров Lacerta vivipara, то здесь, вероятно, ошибка уже не со стороны Полякова, а позднейшего происхождения, возникшая при разборке поступивших в Зоологический Музей его сборов из разных мест. Действительно, среди экземпляров Lacerta vivipara Зоологического Музея Академии Наук под №№ 3099 и 3100 показаны ящерицы, собранные тем же Поляковым за несколько лет перед тем на Витиме (приток Лены), так что весьма возможно, что два витимских экземпляра как-нибудь по ошибке были отнесены к семиреченским сборам Полякова.

Однако, считая безусловно неверными данные относительно Eremias velox и Phrynocephalus caudivolvulus, я не могу с такою же уверенностью говорить о Lacerta vivipara, так как природные условия Лепсинской станицы для нее являются вполне подходящими, и я мог, просто, просмотреть ее здесь. Впрочем, не отрицая категорически возможности нахождения здесь этой ящерицы, я, все-таки, сомневаюсь в ней, так как Лепсинская станица расположена еще в Джунгарском Алатау, совершенно отрезанном от более северно расположенного Тарбагатая, в котором Lacerta vivipara могла бы оказаться с большею вероятностью, тогда как отсутствие ее во всем остальном Тянь-Шане и присутствие в одной из ветвей последнего—Джунгарском Алатау—мне кажется мало вероятным, почему я пока и не включаю ее в список семиреченских видов, несмотря на существование прямого указания в литературе и—сделав это необходимое отступление, возвращаюсь к пояснению приложенной карты.

В виду мелкого масштаба и ее схематического характера я, конечно, не имел возможности делать надписи для всех пунктов, указанных в списках экземпляров коллекции, а также наносить с абсолютною точностью каждое местонахождение, так как в многочисленных надписях не было бы возможности разобраться, а кружки с цифрами приходилось бы во многих случаях укладывать друг на друга. Поэтому положение кружков, показывающих их местонахождения, надо рассматривать, как более или менее приблизительное, тем более, что по литературным данным не всегда и возможно вполне точно выяснить указываемое местонахождение.

Однако, и такое, более или менее схематическое, показание на карте распространения наших пресмыкающихся, мне кажется, имеет свой смысл, так как дает возможность представить себе общую картину, во всяком случае, гораздо легче и быстрее, чем это можно было бы сделать только на основании данных, имеющихся в тексте. Для удобства же ориентировки я все-таки нашел необходимым сделать надписи, хотя бы для главнейших пунктов. Вот те общие замечания по поводу карты, которые мне казались необходимыми; более детальные пояснения, касающиеся отдельных видов, будут сделаны в надлежащих местах, в дальнейшем изложении.

Для выяснения того положения, какое занимает Семиречье в общем районе распространения каждого упоминаемого вида, я во всех случаях привожу распространение данного вида в России, как оно указано А. М. Никольским в «Фауне России».

Для иллюстрации ниже дан подсчет общего числа видов ящериц для Европейской России, для некоторых отдельных ее губерний, а также для Туркестана, вообще, и для наиболее богатой пресмыкающимися его части—Закаспийской области, в частности.

Оказывается, что Семиречье по своей герпетологической фауне, несмотря на необыкновенно жаркий климат, благодаря разнообразию станций, все-таки,

довольно богато, так как заключает в своих пределах 30 видов, то-есть, приблизительно, 21% общего числа русских видов. Приводимые цифры получены на основании данных того же неоднократно цитированного тома «Фауны России». Во избежание постоянного повторения, замечу здесь же, что данные о распространении каждого вида в России, вообще, и в Семиречье, в частности, заимствуемые мною целиком из «Фауны России», будут приводимы просто в кавычках, без ссылки каждый раз на источник.

Общее число видов ящериц (с подвидами и разновидностями) в Семиречье, по данным, приводимым А. М. Никольским, равно 25:

Teratoscincus scincus
Alsophylax pipiens
Gymnodactylus russowi
Agama sanguinolenta
Phrynocephalus helioscopus
,, mystaceus
,, caudivolvulus
,, ocellatus
,, incertus
,, kuschakewitschi
,, alpherakii
Ophisaurus apus
Lacerta agilis exigua
,, vivipara
Eremias velox
,, intermedia
,, ,, transcaspica
,, arguta
,, multiocellata
Scapteira scripta
,, grammica
Ablepharus alaicus
,, kucenkoi
,, deserti
,, tenuis

Однако, из этого числа в моем списке исключены, по детально изложенным в соответственных местах основаниям, 7 (Ablepharus kucenkoi, Ablepharus tenuis, Phrynocephalus caudivolvulus ocellatus, Phr. caud. incertus, Phr. alpherakii, Lacerta vivipara и Eremias intermedia transcaspica), но, с другой стороны, добавлены три, так что общее число видов в списке получается равным 21:

1. Teratoscincus scincus
2. Alsophylax pipiens
3. Gymnodactylus russowi
4. ,, russowi kopalensis
5. Agama sanguinolenta
6. Phrynocephalus helioscopus
7. ,, mystaceus
8. ,, caudivolvulus
9. ,, kuschakewitschi
10. Ophisaurus apus
11. Lacerta agilis exigua
12. Eremias velox
13. ,, intermedia
14. ,, arguta
15. ,, multiocellata
16. ,, nikolskii
17. Scapteira scripta
18. ,, grammica
19. ,, grum grzimailoi
20. Ablepharus alaicus
21. ,, deserti

При составлении прилагаемых для сравнения списков я, с целью получения более удобосравнимых результатов, везде исключил формы сомнительные, как, например, Eremias transcaspica и Scapteira transcaspica, а также такие, относительно которых данные о местонахождении являются лишь предположительными (Ablepharus bivittatus—для Закаспийской обл.). Для большей наглядности я взял для сравнения одну из более или менее северно расположенных губерний—Московскую и одну из южных—Киевскую. Южною границею для Европейской России я принял Кавказский хребет. В результате, после указанных поправок, получились такие отдельные списки:

Московская г.	Киевская г.	Семиречье.	Евр. Россия.	Туркестан.	Закаспийская область.
Anguis fragilis	Anguis fragilis	Teratoscincus scincus.	Alsophylax pipiens	Teratoscincus scincus	Teratos. scincus
Lac. agilis exigua	Lac viridis viridis	Alsophylax pipiens	Gymnod. danilewskii	Crossobamon ewersm.	Crossobamon ewersmanni
3. ,, vivipara	,, agilis agilis	Gymnodactyl. russowi	Phr. mystaceus	Alsoph. pipiens	Alsophylax pipiens
	,, ,, exigua	,, ,, kopalensis	,, helioscopus	,, loricatus	,, loricatus
	,, vivipara	Agama sanguinol.	,, caudivolvulus	Gymnod. caspius	,, spinicauda
	6. Eremias arguta	Phrynoceph. helioscop.	Ophosaurus apus	,, fedtschenkoi	,, laevis
		,, mystaceus	Anguis fragilis	,, russowi	Gymnodactylus caspius
		,, caudivolvulus	Lac. viridis viridis	Agama sanguinol.	,, fedtschenkoi
		,, kuschakewitschi	,, ,, strigata	,, lehmani	,, russowi
		Ophisaurus apus	Lac. agilis agilis	,, himalayana	Eublepharis macularius
		Lacerta agilis	,, ,, exigua	,, bokchariensis	Agama sanguinolenta
		Eremias velox	,, vivipara	Phr. helioscopus	,, lehmani
		,, intermedia	,, ,, stenolepis	,, strauchi	,, himalayana
		,, arguta	,, praticola	,, mystaceus	,, caucasica
		,, multiocellata	,, derjugini	,, caudivolvulus	Phr. helioscopus
		,, nikolskii	,, taurica	,, nikolskii	,, strauchi
		Scapteira scripta	,, saxicola	Ophisaurus apus	,, rossikowi
		,, grammica	,, ,, saxicola	Yaranus griseus	,, mystaceus
		,, gr.-grzimailoi	,, ,, brauneri	Lac. agilis exigua	,, interscapularis
		Ablepharus alaicus	,, ,, caucasica	Er. velox	,, raddei
		21. ,, deserti	Eremias velox	,, nikolskii	,, caudivolvulus
			22 ,, arguta.	,, intermedia	,, nikolskii
				,, arguta	Ophisaurus apus
				,, multiocellata	Varanus griseus
				Scapteira scripta	Lac. agilis exigua
				,, grammica	Eremias guttulata
				Mabuja septemtaen.	,, velox
				Ableph. brandti	,, intermedia
				,, bivittatus	,, arguta
				,, alaicus	Scapteira scripta
				,, deserti	,, gr. grzimailoi
				32 Eumeces schneideri	,, grammica
					Mabuja septemtaeniata
					Ablepharus brandti
					,, deserti
					Eumeces scutatus
					,, schneideri
					38. Ophiomorus brevipes

В приведенных списках поражает крайняя бедность герпетологической фауны еще даже в такой, сравнительно южной губернии, как Киевская, где число видов достигает едва 6.

Вторая особенность, резко бросающаяся в глаза при сравнении списков, эта—та огромная роль, которую играет в составе герпетолологической фауны Европы род Lacerta, имеющий во всем Туркестане всего лишь единственного представителя.

Совершенно обратную роль играют роды Phrynocephalus и Eremias, из которых первый представлен в Европейской России всего тремя видами, а последний—даже двумя, тогда как в Азиатской России они представлены уже очень хорошо. Наконец, границу Азии совсем не переходят представители целого ряда родов: Teratoscincus, Crossobamon, Eublepharis, Agama, Varanus, Scapteira, Mabuja Ablepharus Eumeces и Ophiomorus.

Выраженная в приблизительных процентных отношениях к общему составу фауны роль отдельных родов рептилий для соответственных районов представлена в следующей табличке.

	Москов-ская г.	Киевская губ.	Европ. Россия	Семи-речье	Турке-стан	Закасп. обл.
Lacerta	67	67	60	5	3	2
Eremias	—	17	10	25	17	10
Phrynocephalus	—	—	15	20	17	21
Ophisaurus	—	—	5	5	3	2
Anguis	33	17	5	—	—	—
Scapteira	—	—	—	15	7	8
Alsophylax	—	—	5	5	6	10
Gymnodactylus	—	—	5	10	10	8
Agama	—	—	—	5	12	10
Ablepharus	—	—	—	10	12	5
Eumeces	—	—	—	—	3	5
Teratoscincus	—	—	—	5	3	2
Crossobamon	—	—	—	—	3	2
Varanus	—	—	—	—	3	2
Mabuja	—	—	—	—	3	2
Eublepharis	—	—	—	—	—	2
Ophiomorus	—	—	—	—	—	2

Продолжая сравнение по отношению к Семиречью, мы увидим, что герпетологическая фауна последнего имет уже чисто азиатский характер, так как из р. Lacerta здесь водится всего лишь та же одна Lacerta agilis, Ophisaurus apus является крайне редким, заходя лишь в самый западный угол области, и, таким образом фауна оказывается состоящею почти исключительно из чисто азиатских родов, причем особенно хорошо представленным является род Eremias и несколько хуже—круглоголовки.

Но, вместе с тем, не оказывается без влияния на состав фауны и сравнительно северное положение Семиречья, представляющего как бы переход от коренного Туркестана к Сибири. Это положение отозвалось на фауне исчезновением из ее состава целых родов, свойственных коренному Туркестану. Так, в Семиречье пока не найдены представители родов Crossobamon—Varanus, Mabuja и Eumeces, не говоря уже о более южных, но заходящих еще в Закаспийскую область Eublepharis и Ophiomorus. Да и из представленных родов некоторые представлены весьма слабо, как Alsophylax и Agama, имеющие здесь всего по одному представителю. Общее число родов в Семиречье —10 против 14 вообще туркестанских и 16 закаспийских, причем, конечно, нет ни одного рода, который не встречался бы в остальном Туркестане Таким образом, переходное положение Семиречья не дало переходной физионо-

1664

мии ее герпетологической фауне, и последняя представляет из себя ту же фауну, какую мы видит в остальном Туркестане, лишь несколько более бедную. Очевидно, непосредственное соседство с коренным Туркестаном и отсутствие на большом протяжении между ними естественных преград сыграли в данном случае большую роль, позволив многим песчаным видам расселиться далеко к северу и востоку, в каковых направлениях некоторые из них дошли до границы Лепсинского уезда, т. е. до 46° с. ш. и 80° в. д., некоторые же расселились еще дальше, т. е. до границы песчаных пространств вообще в Семиречье.

Повидимому, соседство с Сибирью не дало Семиречью ничего, и для отличия от остального Туркестана, кроме указанной большей бедности фауны, мы можем установить лишь более или менее мелкие детали.

Так, Ophisaurus apus, распространенный во всем Туркестане, едва лишь доходит до западного угла Семиречья; Ablepharus deserti, очень широко распространенный и крайне многочисленный в коренном Туркестане, опять-таки заходит в Семиречье лишь в юго-западный угол, да и здесь нигде не бывает особенно обыкновенным; Teratoscincus scincus оказывается очень редким, т. ч. по крайней мере мне, местонахождение его известно лишь в одном пункте, причем он проник к нам, очевидно, не с запада, а с востока, через Китай; Gymnodactylus russowi в типичной форме попался мне тоже лишь в одном пункте, как раз близ границы с коренным Туркестаном, а именно—с Ферганскою областью, в глубине же Семиречья он выработался в особую форму, которую я нахожу возможным выделить в качестве подвида; род Eremias, представленный особенно хорошо, а именно пятью видами, дал одного представителя (E. nikolskii) до сих пор бывшего известным всего лишь в единственном экземпляре (с Алая), в Семиречье же живущего в довольно большом количестве; наконец, род Phrynocephalus дает особый вид (Phr. kuschakewitschi), пока неизвестный ни откуда кроме Семиречья, да и здесь найденный мною только в восточной части области, а именно в Лепсинском уезде, откуда происходят и типичные экземпляры.

Соседство с Сибирью, как упомянуто выше, не дало Семиречью ничего, но оно и не могло дать много, т. к. герпетологическая фауна Сибири, как известно, не отличается богатством. Отсюда могла бы зайти Lacerta vivipara, и, как это отмечено выше, существуют даже экземпляры, доставленные в Зоологический Музей Поляковым и помеченные Лепсинскою станицею. Возможно, что эти экземпляры, как раз, и представляют из себя дар Сибири, но лично я пока в этом сомневаюсь и до посещения крайнего востока области, т. е. отрогов Тарбагатая, или получения оттуда материала считаю вопрос о присутствии в Семиречье живородящей ящерицы открытым и в список ее не вношу. Кроме Lacerta vivipara из Сибири, а именно из Семипалатинской области, могла бы зайти указанная для тех мест особая форма такырной круглоголовки, но у меня есть экземпляры из местности к востоку от Ала-Куля, т. е. расположенной уже недалеко от границы с Семипалатинскою областью, и они не подходят к описанию, данному в «Фауне России» для Phrynocephalus helioscopus saposchnikowi.

Закончив на этом с вопросами систематического и зоогеографического характера, я хочу коснуться теперь одного вопроса, имеющего общий биологический интерес. При вскрытии ящериц с целью определения состава пищи и количества откладываемых яиц я совершенно неожиданно наткнулся сперва у Ablepharus alaicus, а затем—у Eremias multiocellata на факты полного развития зародыша внутри материнского организма. Оба эти факта являются крайне интересными, т. к. решительно меняют существовавшие до сих пор сведения относительно способа размножения у двух родов ящериц, притом принадлежащих к различным семействам. Правда, у одного из этих семейств—Scincidae—живорождение было известно давно и даже считалось нормальным для него, но до сих пор считалось установленным, что исключение из этого правила,

общего для всего семейства, представляет, как раз, род Ablepharus (и тропический Macroscincus). Теперь оказывается, что и этот род должен быть из'ят из числа исключений, т. к., по крайней мере, Ablepharus alaicus должен несомненно оказаться живородящим, судя по той степени развития, какой достигают зародыши уже в организме матери. Но еще интереснее второй факт, относящийся к Eremias multiocellata, т. к. в семействе Lacertidae до настоящего времени известно было только одно исключение, и считалось общепринятым, что все остальные представители этого семейства откладывают яйца.

Это единственное исключение, которое мы видим в лице Lacerta vivipara, известно, конечно, давно, и ему даже существует вполне определенное об'яснение, справедливость которого теперь блестяще подтверждается указанным фактом существования живорождения у Ablepharus alaicus и Eremias multiocellata. Признавалось, что рождение живых детенышей или откладывание яиц со вполне сформировавшимися, готовыми к выходу из яиц зародышами у Lacerta vivipara об'ясняется суровыми условиями, в которых приходится жить этой самой северной из ящериц, и при которых оказалось бы невозможным дальнейшее развития зародыша в яйце, вне организма матери, лишь под влиянием действия солнечного тепла, т. к. этого тепла в местах ее обитания, подчас, бывает слишком мало. С совершенно аналогичными обстоятельствами мы сталкиваемся и в обоих интересующих нас случаях—у Ablepharus alaicus и у Eremias multiocellata—причем здесь неблагоприятные условия, с которыми приходится бороться нашим ящерицам, иногда бывают выражены еще резче, чем у Lacerta vivipara. Дело в том, что оба упомянутые вида в Семиречье являются жителями гор, причем поднимаются иногда на довольно значительную высоту, где климатические условия сплошь да рядом бывают настолько суровы, что условия, в которых живет Lacerta vivipara, могут считаться еще, сравнительно, благоприятными.

В самом деле, как ни сурово бывает иногда лето, хотя бы где-нибудь в Финляндии, но понижение t^0 ниже 0^0 бывает крайне редко, да и то лишь ночью, а выпадение летом снега и вовсе не наблюдается, тогда как в горном районе Семиречья на известной высоте, но еще в сфере обитания Eremias multiocellata и Ablepharus alaicus, мне самому приходилось попадать под снежный буран в июле месяце, и такое явление в этих местах не представляет чего-нибудь исключительного.

Точно также и понижение t^0 до точки замерзания наблюдается не так редко даже днем, по ночам же, вообще, бывает настолько холодно, что вряд ли возможно развитие яйца вне материнского организма, не говоря уже о том, что ночные минимумы ниже 0^0 бывают сплошь да рядом.

Таким образом, размножение ящериц в горном районе с известной высоты, на которой они, между тем, еще встречаются, оказалось бы невозможным по климатическим условиям, если бы природа не обеспечила существование горных видов путем выработки для них такого способа продолжения рода, при котором оказалась бы наиболее легкою борьба с неблагоприятными климатическими условиями. И вот, теперь оказывается, что именно такой же способ размножения, какой выработался у пасынков природы из пионеров класса пресмыкающихся на севере—Lacerta vivipara, Anguis fragilis и Vipera berus—присущ таким же пионерам этого класса в горах—Ablepharus alaicus и Eremias multiocellata, т. к. иначе им не пришлось бы подняться до той высоты, на которой мы их находим теперь (выше 2 т. м. н. у. м.)

Правда, в других близких классах—рыб и амфибий—мы видим беспрепятственное размножение приблизительно на той же высоте и, следовательно, при тех же климатических условиях; но в последних случаях развитие яиц происходит в воде, и, следовательно, зародышу является обеспеченным известный минимум температуры, во всяком случае, выше 0^0, чего были бы лишены яица ящериц, развивающиеся на суше, т. к. именно поверхностный слой почвы

особенно сильно и охлаждается за ночь, и здесь чаще всего температура бывает отрицательною. При этом, развитие яиц в воде, помимо обеспечения указанного минимума, связано также с наименьшими колебаниями температуры, несомненно, особенно вредными для развивающегося зародыша; тогда как, при крайне резкой и быстрой, часто почти внезапной в течение каких-нибудь нескольких минут смене чуть ли не жары температурою, близкою к нулю и наоборот и таких переходах, как—6° рано утром +25—30° к полудню и +2—3° ко времени захода солнца, колебания температуры, которым подвергались бы яица ящериц, связанные с поверхностным слоем почвы, где эти колебания выражены особенно резко, сделали бы несомненно немыслимым развитие зародыша.

В результате, оба семиреченские горные вида, не имеющие в остальных отношениях друг с другом ничего общего и принадлежащие к совершенно различным семействам, оказываются связанными между собою одною общею, крайне интересною биологическою особенностью и именно тою которая естественно вытекает из одинаковых условий их жизненной обстановки, и которой лишены их ближайшие родственники, живущие в иных климатических условиях, где эта особенность являлась бы совершенно излишнею.

Теперь мне остается сказать только несколько слов по поводу приложенных таблиц. В виду крайней бедности герпетологической литературы данными биологического характера, я нашел целесообразным пополнить для большинства видов приводимые мною данные снимками характерных для того или другого вида станций. Не для всех видов мне удалось это сделать, т. к. для некоторых я не мог подобрать снимков (Teratoscincus scincus), для других же, по тем или иным причинам, трудно установить вполне характерную обстановку (Als. pipiens. Ophisaurus apus. Eremias intermedia Scapt. grum-grzimailoi, Abl. deserti) или же, наоборот, она настолько понятна и общеизвестна, что не нуждается в иллюстрации (Lac. agilis).

Далее, для еще более полной иллюстрации я для некоторых видов прилагаю фотографии, сделанные с натуры в естественной обстановке. Наконец, одна таблица преследует, главным образом, систематические цели и в пояснениях не нуждается, т. к. об изображенных на ней ящерицах каждый раз говорится в соответственном месте, при описании данного вида. Большинство снимков сделано мною, но некоторые фотографии станций принадлежат агроному В. С. Воротникову, а прекрасные снимки агамы на саксауловом пне, полузарывшейся в песок и сидящей у норки круглоголовок предоставлены в мое распоряжение В. А. Дубянским.

Что касается номенклатуры, то я всецело придерживался принятой А. М. Никольским в «Фауне России».

В заключение, мне остается принести свою искреннюю благодарность тем лицам, которые, в той или иной форме, оказали мне содействие при обработке собранного материала.

Прежде всего, наибольшею благодарностью я конечно, обязан академику Н. В. Насонову, предоставившему мне самую широкую возможность, со всеми мыслимыми удобствами, работать в Зоологическом Музее Академии Наук. Не сомневаюсь, что, при иных условиях, я вряд ли в состоянии был бы разобраться в некоторых наиболее темных из встретившихся мне вопросов. Затем, не могу не поблагодарить также заведывавшего герпетологическим отделением Музея, С. Ф. Царевского, с исключительною готовностью шедшего мне навстречу всегда, когда мне приходилось к нему по тому или иному поводу обращаться, и В. А. Линдгольм, много помогавшего мне своим опытом и обширными сведениями по герпетологии. Наконец, само собою разумеется, что крайне обязан я В. С. Воротникову и В. А. Дубянскому за любезное предоставление в мое распоряжение прекрасных снимков, пополнивших те пробелы, которые имелись в моем собственном материале этого рода.

Класс Reptilia.

Отряд CHELONIA.

Сем. TESTUDINIDAE.

Род TESTUDO.

Testudo horsfieldi Gray. Степная черепаха.

«Водится в центральной Азии от Каспийского моря до Алтая на восток и до Афганистана включительно на юг..... Не менее обыкновенна эта черепаха и в степях Балхашской котловины, в большом количестве встречается она по правому берегу р. Или—в нижнем ее течении, по берегу Балхаша между Аягузом и Лепсою, в низовьях последней реки до пересечения ее с почтовым трактом..... Финш (1879) находил этот вид на берегах Сассык—Алакуля.... ..... Л С. Берг привез эту черепаху с гор Кулан-Басы на правом берегу р. Или (Елпатьевский 1906), а проф. Сапожников—из солончаковой степи на р. Каратале Копальскаго уезда (Кащенко 1909)».

В Семиречье степная черепаха распространена в низменных частях Пишпекского, Верненского, Копальского и Лепсинского уездов, причем в последнем не может быть названа особенно многочисленною, в первых-же трех местами встречается во множестве. Относительно Джаркентского уезда у меня сведений не имеется но, несомненно, она должна там встречаться в долине р. Или, в Пржевальском же уезде она, конечно, совершенно неизвестна, и ездившие со мною на Балхаш пржевальские каракиргизы, встретив в первый раз черепаху, с величайшим интересом и удивлением рассматривали невиданного зверя.

При этом, распространение черепахи в Семиречье определяется, приблизительно, границами района, не превышающего 500—550 м н. у. м., при чем и в этом районе я ни разу не встречал черепах по соседству с реками или озерами (Каратал, Аксу, Балхаш), а всегда подальше от водоемов, в средине безводных пустынных пространств.

Следует заметить также, что деятельную жизнь черепахи у нас ведут очень недолго и рано закапываются в землю, попадаясь только весною, приблизительно, до конца мая. Так, во время экспедиции на Балхаш в 1913 году я в огромном количестве встречал их в полынных степях книзу от Илийска 2-го мая и затем, в последующие дни, во многих местах нашего пути. Но уже начиная со средины месяца они стали попадаться реже, причем чаще всего в это время я находил их сидящими в ямках, вырытых ими в песке.

В двадцатых числах мая 1909 г. изредка встречал черепах в районе озер Уч-Куль и позже этого срока я их не находил ни разу, если не считать экземпляра пойманного VII. 17. 16 в долине р. Биже, который, несомненно, был потревожен киргизами при рытье арыков на пашнях. Эта черепаха найдена пьющею воду из арычка т. е. при совершенно необычных для нее условиях, т к. нормально черепахи у нас решительно избегают близости воды.

Относительно времени размножения степной черепахи у меня данных почти нет: совсем маленькие черепашки мне не попадались ни разу, что же касается яиц, то V. 3 09 в песках между Ащели Узеком и р. Аксу была встречена черепаха, занятая откладыванием яиц в выкопанную ею во влажном песчаном откосе неглубокую ямку, в которой уже было отложено 3 яйца; V. 22. 09 1 яйцо было найдено в песках около озера Уч-Куль.

Что касается станций, обитаемых в Семиречье степною черепахою, то чаще всего она попадалась мне в полынной степи, но встречается она также в песках и на солонцоватых местах.

Отряд SQUAMATA.

Подотряд Sauria. Ящерицы.

Сем. GECKONIDAE.

Род TERATOSCINCUS.

1. Teratoscincus scincus (Schleg.) Сцинковый геккон.

Экземпляры коллекции: № 300. 4 штуки VII. 2 и VII. 3. 1912. Или около Дубунской переправы.

«Водится в северной Персии, Афганистане, Туркестане, Закаспийской области и Бухаре».

Подобно Gymnodactylus russowi, эта ящерица встречена мною тоже только однажды, несмотря на постоянные поиски ночью с фонарем, т. ч. распространение ее в Семиречье мне кажется несколько загадочным. Действительно, я нашел ее в Джаркентском уезде около р. Или, по соседству с Дубунскою переправою, и никогда не встречал в подходящих для ее жизни местах, хотя бы по той же Или ниже, в Копальском уезде.

Остается предположить, что в окрестности Дубуна она попала из Китая и не распространилась дальше, встретив на пути препятствие в виде сплошных полынных степей выше Чингильдов, а, может быть, и в виде значительно более суровых климатических условий Копальского уезда по сравнению с тою очень жаркою частью Джаркентскаго уезда, где я ее встретил.

Но и здесь эта ящерица оказалась немногочисленною, т. ч. за две ночи (VII. 2 и VII. 3. 1912) я успел поймать их всего 6 штук, несмотря на то, что в поисках мне помогали некоторые из моих спутников по поездке.

Держались ящерицы на почти голых такыроподобных местах между песчаными грядами, поросших редко разбросанными кустиками полукустарных растений и покрытых частью камешками, частью разноцветными кусочками разбившейся глинистой корки такыра.

Все встреченные ящерицы проявляли довольно мало подвижности, так что ловить их не представляло особенного труда, но зато они обладают настолько нежными покровами, что хватать их следует с большою осторожностью и, притом, на совершенно чистом месте, т. к. они повреждаются даже стеблями растений, если схватить ящерицу под кустиком травы. Я не говорю уже о том, что ни у одной их наших ящериц хвост не обламывается так легко, как у этой.

При приближении человека с фонарем, ящерица пыталась заблаговременно скрыться из светлого круга в темноту, но, если ее успевали заметить и подносили к ней фонарь, то она сперва делала попытку подойти к огню еще ближе, но затем замирала на месте совершенно неподвижно в довольно оригинальной позе: вытянувшись на ногах и с наклонно поднятым кверху совершенно прямым хвостом, как у собаки, делающей стойку. На бегу хвост держится немного изогнутым кверху. Вблизи от фонаря ящерица, повидимому, ничего не видит, так как совершенно не реагирует, когда подносишь палец к самой ее морде. В то же время она делает попытку бежать при малейшем шуме. Желудки у трех из числа четырех вскрытых ящериц оказались со-

вершенно пустыми, т. к. они, видимо, еще не успели ничего себе промыслить, в четвертой-же найден 1 жук и какие-то светлые хитиновые остатки.

Род ALSOPHYLAX.

2. Alsophylax pipiens. (Pall) Геккончик пискливый.

Экземпляры коллекции: 2 шт. Кол. Ак-Тыкен, по Агач-Аякской дороге. V. 12. 08. 1 шт. берег Балхаша V. 908. № 228. Кол-Тумарча V. 7. 13. № 233. Голова Баканаса. V. 5. 13. № 265. Степь, между Эмиль-су и Ргайгами. VIII. 11. 15.

«Водится в восточном и русском Туркестане, Закаспийской области и степях, прилежащих к левому берегу Волги. В нашем Музее имеются экземпляры..... Харк Укюра (Семиреченской обл.), берега Балхаша и Джаркента. Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) привез более 30 экземпляров из уроч. Мин Арал на зап. бер. Балхаша, 10 экз. с мыса Коржун Тюбек там же и с острова Тас-Арал на Балхаше..... Таким образом, область распространения этого вида в пределах России простирается от степей нижнего течения Волги включительно до Семиречья; а с севера на юг—от степей по р. Иргизу до южной границы Туркестана».. Здесь следует заметить, что неоднократно называемый в качестве местонахождения тех или других видов Харк-Укюр уже десятки лет не находится в пределах Семиречья и, вообще, России, т. к. он расположен выше Кульджи, т. е. в Китае и даже довольно далеко от русской границы.

В Семиречье мною эта ящерица найдена в Прибалхашье Копальского уезда и затем, в совершенно иных природных условиях, в Лепсинском уезде, к востоку от оз. Ала-Куль.

Alsophylax pipiens является чуть-ли не единственною нашею ящерицею, которая сумела приспособиться к весьма разнообразным природным условиям. Так, в Прибалхашье я встречал ее, с одной стороны, в саксауловом лесу на глинистой почве (по Баканасам), а с другой—в настоящих, весьма мало заросших песках (у устья Каратала); в Лепсинском же уезде она мне в большом количестве попалась в почти голой каменистой степи у восточного бер. Ала-Куля. Повидимому, именно в последней обстановке она найдена в Семиречье и Л С. Бергом. Насколько я могу судить, условия каменистой пустыни для нея оказываются даже более благоприятными, т. к здесь она, видимо, более обыкновенна, чем в песках. Впрочем, одного присутствия камней в степи еще тоже недостаточно, т. к. таких каменистых участков в Семиречье попадается много в разных местах, а наша ящерица мне попалась лишь в одном указанном пункте.

Возможно, что для расселения в таких местах Alsophylax pipiens требуется соседство песчаных пространств, из которых она сюда первоначально проникла, чтобы, затем, быстро размножиться здесь, или же необходимым условием является более или менее обширная площадь таких каменистых пространств, но несомненно, что огромное большинство найденных в Семиречье этих ящериц добыты, именно, в каменистых полупустынных степях, соприкасающихся с песками.

По внешнему виду ящерицы из таких мест отличаются от песчаных значительно более темною окраскою.

Относительно периодических явлений в жизни ящерицы мне не удалось собрать никаких данных и могу здесь только указать, что среди добытых VIII.11.15 на восточном берегу Ала-Куля шести штук преобладали молодые особи, из которых некоторые достигали едва 36—38 m/m в длину.

В экземпляре с колодца Тумарчи, при вскрытии оказалось одно, сравнительно, очень больших размеров яйцо, в желудке же—1 лжескорпион, 2 очень мелких личинки кобылки, 1 гусеница и еще немного каких-то остатков.

Из числа экземпляров моей коллекции два найдены в песках под мертвым саксаулом, одного я поймал ночью с фонарем в саксауловом лесу, один найден в песках, в норе тушканчика, из остальных 6 штук найдены под камнями и один—под сухим коровьим пометом.

Ящерица, пойманая с фонарем, не побоялась показаться из своего убежища, несмотря на то, что в эту-же ночь (V. 81. 3), попозже, температура опускалась до—6°С.

Род GYMNODACTYLUS.

3. Gymnodactylus russowi. Str. Геккон серый.

Экземпляры коллекции: № 196. 4 шт. Чаманды VII. 12. 13.

«. . . в нашем музее имеются экземпляры . . . . из Джаркента . . . Таким образом, описываемый вид водится в пределах всего Турана от Каспийского моря до Семиречья включительно».

Мне этот геккон попался только в одном месте, а именно, в нижней части долины р. Чаманды, вытекающей из Кабакских гор и впадающей слева в Кукумерен. Но я не сомневаюсь, что он есть не только в одном Чамандинском ущелье, а, вероятно, также—везде в подходящих местах в районе, по крайней мере, северного склона Кабакских гор, куда он зашел, очевидно, из Ферганской области и где нашел благоприятные условия для своего существования.

В долине Чамандов я нашел его в количестве нескольких экземпляров на огромных конгломератовых глыбах, оторвавшихся от стен ущелья и лежавших там и сям на дне долины. Здесь ящерицы в жаркий и ясный июльский день держались на отвесной поверхности этих глыб, довольно зорко следя за приближением человека и ловко перебегая на противоположную сторону камня или скрываясь в трещинах, при попытке поймать их.

По своей окраске они удивительно гармонировали с цветом и внешним видом тех конгломератов на которых держались, так что неподвижно сидящую ящерицу заметить было бы невозможно, и я, вероятно, так их и прозевал бы, если бы при моем проезде одна из них не вздумала спасаться бегством.

Поиски за этой ящерицей в более высоких частях долины Чамандов, а также в долине соседней речки—Табалдыкты, не дали результатов, дальше же в Кабакском хребте мне быть не пришлось. Высота над уровнем моря того пункта долины, где найдены гекконы—около 1700 м.

Вскрытие пойманных ящериц показало, что они днем не только греются на солнце, но и охотятся за добычею, т. к. в желудках у всех оказалось очень мало переваренная пища, состоявшая, главным образом (у трех экземпляров), из кобылок и, отчасти—из мелких жуков и таракана.

4. Gymnodactylus russowi kopalensis subsp. n. Копальский серый геккон.

Экземпляры коллекции: № 192. 6 шт. Кол. Алча. V. 16 и 17. 913. № 193. 3 шт. Кол. Мамбет V. 21. 13. № 194. 2 шт. Кол. Кара Мергень. V. 23. 13. № 217. 4 шт. Между Кок Узеком и Корс-Баканасом. V. 18. 20. 13. № 220. 6 шт. Корс Баканас. V. 18 20. 13 № 228. Кол. Тумарча. V. 7. 13. № 230. Кол. Тумарча. V. 8. 13. № 231. Кол. Тумарча V. 18. 13. № 233. Голова Баканаса V. 5. 13.

Differt a typo membris brevioribus, digitis brevioribus tenuioribusque, capite longiore et depressiore, oculis minoribus, colore fundamentali tergi grisescente.

Добытые мною в довольно большом количестве в саксаулах Прибалхашья гекконы, при сравнении с гекконами, добытыми мною в том-же году в Чамандинском ущелье, и затем при сравнении с типичными экземплярами G. russowi Зоологического Музея, показались мне заметно отличающимися от последних по своему наружному виду. Более детальное сличение тех и дру-

гих долгое время не давало мне поддающихся точному учету отличительных признаков (я не принимаю во внимание окраски), хотя, в то же время, различие между ними было настолько явным, что по общему habitus'у все кто их видел вместе, признавали их за несомненно разные формы.

Действительно, помимо значительно более темной и совершенно иного оттенка окраски, бросалась в глаза разница в высоте головы и длине морды, в величине глаз и целый ряд других признаков, которые, однако, трудно поддаются точному выражению на бумаге И только сделанная мною попытка применить к измерению статистический метод, выразив в %% те или другие отношения между различными измерениями, дала, как мне кажется, достаточно определенные результаты, которые сведены в помещенной ниже таблице. В этой таблице I графа показывает процентное отношение длины морды, от глаза до конца, к длине 4-го пальца задних ног, II—отношение длины задних ног к длине туловища (до заднепроходного отверстия), III—отношение диаметра глаза к длине головы от ушного отверстия до ноздри и IV—отношение диаметра глаз к длине морды.

Экземпляры	I	II	III	IV	Экземпляры	I	II	III	IV
№ 217 Корс Баканас	117,00	47,78	24,10	43,54	№ 10516 (З. Муз.) Ф. Александровский	98,30	55,22	26,41	48,27
,, ,,	115,51	47,64	22,80	38,80					
,, ,,	118,00	50,34	23,00	39,00	№ 5147 (З. Муз.) Чиназ. Руссов. .	85,07	56,43	26,73	47,34
,, ,,	114,28	44,89	25,00	43,75	,, ,,	90,78	54,50	27,45	47,44
№ 192 Кол. Алча	118,18	48,70	24,62	44,23	,, ,,	90,78	57,00	27,62	49,15
,, ,,	101,92	49,89	25,27	44,23	,, ,,	84,61	57,92	26,26	47,27
,, ,,	113,46	53,28	24,00	40,67	,, ,,	88,88	56,50	27,27	48,21
,, ,,	111,54	50,72	25,25	43,10	,, ,,	87,09	55,68	27,27	50,00
№ 193 Кол. Мамбета	118,86	49,12	24,76	41,27	,, ,,	85,48	55,82	27,83	50,94
,, ,,	114,81	51,47	23,85	41,93	№ 11317 (З. Муз.) Н. Ургенч . . .	92,86	56,52	26,66	46,35
,, ,,	105,66	52,45	22,22	39,29	,, ,,	89,28	55,03	26,66	48,00
№ 10516 (З. Муз.) Ф. Александровский	108,47	51,17	25,44	45,31	№ 10560 (З. Муз.) Кызыл Кум. . .	98,14	54,35	29,23	49,06
,, ,,	117,54	52,32	25,00	43,28	№ 136 Чаманды. .	90,62	57,82	—	50,00
,, ,,	110,34	51,69	24,13	43,75	,, ,,	80,00	59,55	—	52,03
№ 4194 (З. Муз.) Ходжент. . . .	105,00	48,93	22,02	38,09	,, ,,	86,76	59,34	—	50,84
№ 5800 (З. Муз.) Харк Укюр. .	106,66	52,30	23,42	40,62	,, ,,	85,71	59,52	—	53,70

Из таблицы видно, что у первой группы измеренных ящериц длина ног сравнительно невелика, ни в одном случае не превышая 53,28% длины туловища, а иногда не достигая даже 45%, тогда как у второй группы она во всех случаях превышает 54%, доходя у некоторых экземпляров почти

до 60%; пальцы ног у первой группы тоже более короткие, длина же морды, наоборот, больше чем, у второй группы, так что отношение длины 4-го пальца задней ноги к длине морды, от глаза до конца, у первой группы всегда превышает 100% (минимум 101,92%), доходя до 118,86%, тогда как у 2-й группы она всегда меньше 100% (максимум—98,30%), иногда опускаясь до 80%. Далее, у 1-й группы глаза, сравнительно, малы, длина же головы (измерявшейся, для большей точности, от ушного отверстия до ноздри), наоборот, относительно велика, в результате чего отношения диаметра глаза к длине головы и к длине морды, тоже выраженные в %%, еще более дополняют картину различия между двумя группами, выразившихся уже в первых двух столбцах цифр. Действительно, отношение диаметра глаза к длине головы у 1-й группы не превышает 25,44%, опускаясь иногда до 22%, тогда как у 2-й группы оно всегда больше 26%, доходя до 29,23%; такое же отношение между диаметром глаза и длиною морды дает, пожалуй, еще более наглядную картину, т. к. соответственные цифры здесь будут: максимум у 1-й группы 45,31% и минимум у 2 й—46,35%; минимум у 1-й—39% и максимум у 2-й—53,70%.

Те же отношения выраженные в средних числах будут:

I. 112.33 и 88.95. II. 50.17 и 56.75 III. 24.05 и 27.22. IV. 41.90 и 49,28.

Не довольствуясь своими экземплярами для 1-й группы, я добавил к ним несколько экземпляров из разных других местностей, но и при этих условиях не нашлось данных переходного характера, которые лишали бы возможности найти точно учитываемые отличительные признаки между двумя группами, так что я считаю возможным отметить указанную совокупность отличительных признаков выделением собранных мною в саксаулах Прибалхашья гекконов в качестве особого подвида—Gymnodactylus russowi kopalensis subsp. nova.

Таким образом, отличительными признаками новой формы будут: более короткие ноги, короткие и, вместе с тем, тонкие пальцы, более длинная голова, более длинная морда, образующая в продольном вертикальном сечении значительно более острый угол, меньшего размера глаза и, наконец, обычно иного характера окраска, не имеющая желтоватого оттенка, а приспособленная к цвету мертвого саксаула, т.-е.—сероватых тонов. В качестве менее постоянного признака, однако, хорошо заметного при сравнении с типичными экземплярами G. russowi из Чиназа, можно указать на то обстоятельство, что у последних бугорки на спине совершенно не образуют правильных рядов, а расположены довольно беспорядочно, тогда как у копальских экземпляров два средних ряда бугорков всегда выражены хорошо.

Мне не удалось достаточно выяснить себе условия, в каких держится типичный G. russowi, и потому я имею возможность делать сравнения лишь с теми экземплярами последнего, с которыми мне пришлось иметь дело лично, т.-е. с чамандинскими. Это сравнение, мне кажется, довольно удовлетворительно об'ясняет не только различие в окраске моих семиреченских экземпляров p. Gymnodactylus, но и различие некоторых других упомянутых выше признаков.

Действительно, вполне типичные гекконы, найденные в Чамандах, держатся там на скалах, тогда как гекконы из Прибалхашья живут среди саксаулового валежника, на котором, главным образом, и держатся.

Естественно, что передвижение по отвесным и более или менее гладким каменистым поверхностям требует совершенно иных приспособлений, чем лазанье и даже беганье по наваленным на земле мягким, шероховатым, покрытым бесчисленными трещинами, желобками и другими углублениями стволам и ветвям мертвого саксаула. Да и стоящий на корню, еще не упавший и

даже свеже-растущий саксаул представляет такую массу шероховатостей и неровностей, дающих сколько угодно точек опоры при лазаньи, что передвижение по нему не может представлять ни малейших затруднений, и для живущих здесь гекконов совершенно лишними оказались бы такой длины ноги и пальцы, какие должны явиться необходимыми для родственных ящериц, живущих на скалах. Вместе с тем, чем тоньше пальцы, тем легче уцепиться ими за бесчисленные мельчайшие трещины на поверхности дерева, и мы, действительно, находим у саксаульного геккона гораздо более тонкие пальцы, чем у скалистого, для которого большая поверхность соприкасания с камнем явится даже желательною.

Гораздо труднее представить себе об'яснение других отличительных признаков саксаульного геккона, но возможно, что, сравнительно, небольшая высота головы, являющейся более плоскою, чем у типичного G. russowi, находится в связи с тем, что эта ящерица день проводит преимущественно под лежащими на земле стволами саксаула; и только относительно меньшие размеры глаз трудно подцаются об'яснению.

Возможно, что накопление и обработка более обширного материала по р. Gymnodactylus изменит делаемые мною здесь выводы, но тот материал, которым я воспользовался, повидимому, дает возможность даже проследить, изменение каких именно условий жизни отразилось на изменении признаков животного. А обитание обоих подвидов, хотя и не совместно, но сравнительно, все-таки, недалеко друг от друга, свидетельствует о том, что вновь описанная, форма не представляет из себя географической расы, а является результатом изменения окружающей жизненной обстановки.

Впервые описываемая ящерица попалась мне в виде молодого экземпляра около 60 m/m длиною под лежавшим на земле куском сухого дерева на глинистом месте у головы Баканаса. При дальнейшем движении вниз вдоль р. Или к Балхашу, по мере появления на нашем пути все более и более густых и хороших зарослей саксаула, чаще стали попадаться и эти гекконы, пока, наконец, в царстве настоящего, почти непроходимого девственного саксаулового леса в низовьях Корс Баканаса мы не попали в место, где эти ящерицы оказались не только вполне обыкновенными, но даже многочисленными.

Правда, если не подозревать об их существовании и не искать их, то можно прожить здесь долго и не увидеть ни одной, но обусловливается это не недостатком в них здесь, а их чисто ночным образом жизни. В противоположность типичному Gymnodactylus russowi, который иногда выходит из своих убежищ днем, как мне об этом приходилось слышать от лиц, знакомых с ними из мест, где он вполне обыкновенен и как мне удалось видеть на немногих экземплярах, найденных мною в Чамандинской щели, здешний, прибалхашский, геккон совершенно не показывается днем, проводя все время под саксауловым валежником или в глубоких трещинах еще растущих саксауловых деревьев.

И только с наступлением темноты он покидает свои дневные убежища и отправляется на охоту, становясь довольно подвижным и живым Впрочем, следует заметить, что, будучи потревожен в своем убежище, геккон этот и днем не оказывается беспомощным, а с большою ловкостью и быстротою стремится скрыться от преследователя, так что добыть его оказывается делом не всегда особенно легким.

Искать его приходится, поднимая лежащие на земле сухие стволы и ветки саксаула причем бесполезно делать это в таких местах, где валежник занимает сплошь большие площади, так как здесь ящерицы будут без конца перебегать все дальше вглубь такой завали из мертвого саксаульника (см.фот.), и добраться до них будет невозможно. Надо выбирать отдельно лежащие кучи валежника, которые можно перебрать по ветке, целиком, и тогда ящери-

це, в конце концов, некуда будет спасаться. Кроме того, ловить их почти необходимо вдвоем, т. к. при поднимании ветки или ствола, под которыми пряталась ящерица, она с такою быстротою и ловкостью перебегает на противоположную от вас сторону дерева, что вы иногда не успеваете даже заметить ее и, во всяком случае, не имеете возможности поймать, так как, при поворачивании ветки, ящерица, непрерывно перебегая, очень искусно держится на невидимой для преследующего поверхности.

При наличности же помощника поймать геккона неособенно трудно, т. к. он, помня о первоначальном враге, сравнительно мало внимания обращает на второго человека и, полагаясь на свою идеальную покровительственную окраску, обыкновенно, если не двигать ветки, сидит неподвижно, довольно легко давая себя схватить, если только приближаться медленно, без резких движений.

Но зато, если не видеть, как ящерица перебежала и замерла на месте, заметить ее почти невозможно—до того гармонирует она и цветом своим и рисунком с поверхностью мертвого саксаула. Встреченный ночью на земле геккон пробегает несколько вершков и затем замирает на месте, вполне основательно надеясь на свое полное сходство с валяющимися всюду на земле кусочками саксаула, среди которых он, действительно, делается как бы невидимым.

Будучи схвачена, ящерица обыкновенно издает слабый писк.

При ловле этих ящериц необходимо помнить, что они обладают крайне легко обламывающимся хвостом, который они, будучи посажены в банку со спиртом, сплошь да рядом сами сбрасывают при посредстве резких боковых движений; во избежание такой порчи об'ектов я вынужден был или быстро сдавливать между пальцами пойманную ящерицу и потом только класть ее в спирт, или же сажать ее головою вниз в пробирку, где она, по недостатку места, не могла уже делать опасных для целости хвоста движений. Среди взрослых гекконов % особей с регенерировавшим хвостом весьма значителен.

V.21.13 ночью пойманы около ключа Мамбет сразу два экземпляра, у меня на глазах свалившихся с дерева и продолжавших лежать на земле и барахтаться, пока я не взял их обоих, причем одна из ящериц держала другую за верхнюю челюсть.

Относительно времени появления этого геккона весною и времени исчезновения его на зиму у меня данных не имеется. По вопросу о размножении я могу привести тоже лишь косвенные соображения. Так, у нескольких экземпляров, пойманных около 20 мая, при вскрытии обнаружены по 2 круглых яйца около 8 m/m в диаметре, а в то же время на земле под валежником постоянно попадались белые с довольно плотною скорлупою и, в огромном большинстве случаев, пустые яйца геккона. Очень немного попалось цельных, но никаких признаков зародыша ни в одном из них не было, т. ч. возможно, что это были и „болтуны". Вместе с тем, в то же время в достаточном количестве попадались молодые геккончики иногда не больше 43 m/m длиною, т. е., весьма возможно,—родившиеся в этом же году. Но мне кажется более правдоподобным, что это было перезимовавшее потомство прошлого года, и что ящерицы эти откладывают яйца позже—в июне или июле.

Что касается пищи нашей ящерицы, то я вскрыл несколько экземпляров, и вскрытие дало такие результаты: 1) паучек, жук и еще какие то трудно определимые остатки; 2) клоп, таракан; 3) большая гусеница и остатки жуков; 4) мелкие жуки, клоп, червь и песок; 5) мокрица и остатки жуков; 6) клешни ложноскорпиона и остатки Haltica sp.

Сем. AGAMIDAE.

Род AGAMA.

5. Agama sanguinolenta Pall. Агама. Местное: хамелеон; киргизское— ичкемер.

Экземпляры коллекции: № 10. 8 шт. Разные места Семиречья. 1908—1909 г.г. № 42. 1-й Баканас. VI. 2. 08. № 43. 2 шт. Баканасы V. 7. 8. 13. № 47. Или около Дубуна VII. 2. 12. № 55. Кол. Огуз Ульген. V. 7. 08. № 59. Или. Джарк. у. VII. 2. 12. № 130. 2 шт. Баканасы 1909. № 131 3 шт. Между кол. Кийсык и р. Или. V. 10. 13. № 146. 2 шт. Между кол. Тумарча и Кийсык V. 10. 13. № 151. Низовья Или. Начало V. 1913. № 162. 3 шт. Кол. Алча. V. 16 и 17. 13. № 210. Между кол. Алча и Кок Узеком. V. 17. 13. № 211. 4. шт. Между кол. Алча и Кок Узеком V. 17. 13. № 223. 4 шт. Баканас у кол. Тумарча V. 8 13.

«... в пределах Российской Империи водится по берегам Каспийского моря, за исключением южной половины западного берега и южного берега... От восточного берега Каспийского моря область ее распространения простирается на восток до подножия Тарбагатая...» «В Семиреченской области найдена в незначительном количестве по правому берегу р. Или близ Илийского выселка (Никольский 1886). Ак. Шренк добыл на р. Или, Балхаше и горах Хан-Тау (Аленицын 1876), а г. Алфераки (1891) в песках у устья Хоргоса, у Кульджи и выше этого города по р. Или. Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) нашел в сухом русле Баканас на р. Или и на горе Малай Сары там же. Экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909) привезла агаму со станции Чуньджа Джаркентского уезда».

Что касается моих личных наблюдений, то мне не удалось встретить агамы в Лепсинском уезде, и находил я ее только в Копальском, Верненском, Джаркентском и Пишпекском уездах. Да и то в Джаркентском уезде, она своим распространением захватывает лишь небольшой район по левому берегу среднего течения р. Или, да и в остальных уездах распространение ее ограничено гораздо более узкими пределами, чем распространение большинства других видов ящериц, населяющих низменные, пустынные части области. Такая ограниченность района распространения агамы в Семиречье об'ясняется тем, что здесь она оказывается привязанною к району распространения саксаула, вне которого я ее никогда не находил.

Но и район распространения саксаула населен агамою не весь, а преимущественно только в той его части, где саксаул достигает хорошего развития, принимая древесную форму, а не произрастая в виде небольших кустарников по пескам, как это имеет место, например, в Копальском уезде вдоль Каратала и далее к востоку отсюда. Впрочем, на левом берегу Каратала агама, хотя и редко, но еще попадается (ур. Кара-Чингиль), к востоку же от этой реки я ее не видел ни разу. Только по Или агама попадалась мне и в кустарном саксауле, сравнительно, довольно часто, как, например, в окрестностях Дубунской переправы в Джаркентском уезде. Вообще же следует заметить, что так как в Семиречье хороший, крупный сакскаул растет не на песчаных, а на более плотных суглинистых почвах, то и агама у нас не является песчаным видом и чаще является обитательницею мест с более твердым грунтом, хотя, конечно, заходит и в пески, если там есть достаточно саксаула.

В связи с этим граница распространения нашей ящерицы в Семиречье, по моим наблюдениям, определяется, приблизительно, так: в Копальском уезде агама встречается к востоку от Или, приблизительно, до р. Каратала, а к югу—приблизительно, до головы Баканаса; к западу от Или она встречается всюду, где есть хорошие саксаулы; наконец, в виде совершенно

изолированного района является район ее распространения в Джаркентском уезде, в окрестностях Дубуна. По литературным данным отмечено на карте присутствие агамы в Лепсинском уезде около ст. Арганаты.

Как самая крупная из наших ящериц после варана и желтопуза, агама всегда обращала на себя внимание и потому изучена довольно хорошо, так что останавливаться на ее биологии я не буду и замечу только, что она, вместе с Eremias velox, по моим наблюдениям меньше других попадающихся в песках ящериц боится жары, и в то время как в жаркие дни скаптейры и мелкие круглоголовки скрываются среди дня, агама ограничивается, разве, тем, что взберется на саксауловый валежник или даже на вершину кустика саксаула и наслаждается там солнечными лучами, которые при этом уже не обжигают ее ног и брюшка. Прилагаемый снимок, сделанный в песках Прибалхашья, изображает агаму во время такого полуденного кейфа, причем, ящерица позволила расставить штатив, установить аппарат и снять себя на близком расстоянии, даже не пошевельнувшись и только внимательно следя за нами. Спугнутая после этого она с необыкновенною ловкостью и быстротою сбежала со своей вышки и скрылась в песках.

Что касается размножения агамы, то число откладываемых ею яиц, судя по вскрытым мною экземплярам, оказывается наибольшим среди всех наших ящериц. Действительно, тогда как из остальных вскрытых мною ящериц, принадлежащих к 14 видам, ни у одной не было найдено больше 7 яиц (Lacerta agilis), у агам их оказалось 10, 10, 11, 13, 13 и 14. Вместе с тем, агамы у нас нигде не являются особенно многочисленными, так что они, видимо, все-таки оказываются в каких-нибудь отношениях плохо приспособленными к борьбе за существование. Время поимки вскрытых экземпляров—V. 10—17. 913; место—разные пункты Прибалхашья Копальского уезда. Размеры яиц, имеющих то почти круглую (менее развитые), то овальную форму, колебались от 6 mm. в диаметре до 11×25 mm.

Молодые агамы, 116—102 mm. длиною, попадались мне там же в это же время. Замечу здесь же, что мне нигде не пришлось встретить указания на весьма резкое различие по внешнему виду между молодыми и взрослыми агамами и на крайне характерный признак, свойственный первым—присутствие интенсивно-черных, с виду как бы бархатных пятен, расположенных косо по бокам шеи непосредственно впереди плеча, а также на отсутствие у молодых заостренных колючих чешуек и значительно более круглую голову, благодаря чему они по внешнему виду напоминают скорее круглоголовок, чем своих родителей.

В конце сентября агамы мне уже не попадались.

В желудках у этих ящериц я находил жуков (много Tenebrionid'), кобылок, много муравьев, гусениц, личинок, мокриц, а однажды нашел 3 каких-то нематод, причем муравьи почти все оказывались в целом виде, жуки же, наоборот, в виде сильно измельченных хитиновых обломков.

Род PHRYNOCEPHALUS.

6. Phrynocephalus helioscopus. Pall. Круглоголовка такырная.

Экземпляры коллекции: № 24. 2 шт. Лепсинский уезд. 1909. № 126. Тентек, выше Степановки. VII. 15. 14. № 127. 2 шт. Там же. VII. 10. 14 № 128. Там же. VII. 11. 14. № 165. 3 шт. Копальский уезд V. 908. № 166. 2 шт. Между Ащели Узеком и Аксу. V. 3. 09. № 173. 3 шт. Биже IX 7. 08. № 186. 5 шт. Копальский уезд 1909. № 227. Ур. Кара Чингиль VI. 6. 13. № 251. 3 шт. Степь по Тентеку. VII. 10—15. 14. № 258. Между р. Или и Кетменскими горами. VII. 1. 12. № 266. 2 шт. Между р.р. Ргайты и Эмиль-су VIII. 11. 15. № 280. Степь за рекой Чинжилы VII. 3. 15. № 281. 4 шт. Между р. р. Джаманты и Ргайты VIII. 10. 15. № 305.

Между Джанашем и Ашели Узеком. V. 2. 09. № 308. Между р.р. Джайпак и Джаманты VIII. 23. 14. № 309. Степь между горами и рекой Джайпак VII. 27. 14 № 314. 3 шт. Река Лепса между Романовским и оз. Балхаш. IX. 12—17. 15.

«... Водится в юго-восточной России, юго-западной Сибири, Туркестане, Закаспийской области, северной Персии и северной Монголии.... реже по южному берегу [1], где преобладают пески. Акад. Шренк доставил этих ящериц в Музей Академии Наук с берегов Балхаша, с Алатаунских гор и Алакуля. Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) добыл несколько экземпляров на западном берегу Балхаша, на острове Тас Арал, по левую сторону р. Или и между Или и р. Курту. С. Н. Алфераки (1891) находил ее по течению реки Или между Хоргосом и Кульджой, и наконец, Финш (1879) добыл на Ала-куле и близ Май Терека.... Проф. Сапожников (Кащенко 1909) привез эту круглоголовку из урочища Алмалы Копальского уезда, окрестностей озера Ала-Куль.....».

К этим более или менее отрывочным данным, касающимся Семиречья, я могу сделать следующие дополнения по своим наблюдениям.

В Семиреченской области такырная круглоголовка вовсе не встречается в Пржевальском уезде, в загорных волостях Пишпекского, южной-горной части Джаркентского и начиная от полосы предгорий кверху—в остальных уездах. На всем остальном протяжении Пишпекского, Верненского, Джаркентского, Копальского и Лепсинского уездов она может быть встречена везде, где есть подходящие для нее станции, то-есть, прежде всего, каменистая степь, крупно-песчаные или галечниковые прибрежные полосы, сухие русла рек или такыры, расположенные не особенно далеко от гор; в такырах Прибалхашья, отделенных от предгорий обширными пространствами песков и чистых мягких полынных степей, я такырной круглоголовки, безусловно, не встречал. Вообще, эта ящерица получила свое русское название не совсем правильно, так как, по крайней мере у нас, она является типичной жительницей вовсе не такырных пространств, а скорее, каменистой полынной степи. Для последней станции она является, несомненно, вполне характерным представителем, тогда как на чистых такырах она хотя и попадается, но никогда не бывает так многочисленна, как во многих местах на щебневатой степи и на песчаных местах с примесью гальки и даже на чистых галечниках по берегам рек (например—Биже в Копальском уезде, Тентеке в Лепсинском уезде). Как на исключение я могу указать на находку этой круглоголовки VII. 3. 15 среди солонцов в Алакульской долине, к С. от реки Чинжилы, в совершенно неподходящей для нее обстановке; правда, она была встречена всего в количестве 2—3-х экземпляров, но странно, откуда могли взяться и эти несколько экземпляров: к северу от места их находки на десятки верст тянутся кокпековые (Atriplex canum) солонцы, а к югу—небольшая полоса солонцов и затем — полынная и чиевая (Lasiagrostis splendens) степь без малейшей примеси камня.

Возможно, что единичные экземпляры как-нибудь забрели сюда случайно с востока или запада и здесь успели размножиться, хотя и в чуждой им обстановке.

Много такырных круглоголовок встречал я на невысоких изолированных горах Кара-Кой и Бура-Кой Копальского уезда, в степи вдоль Тентека Лепсинского уезда, на каменистой равнине между р. Или и Кетменскими горами в Джаркентском уезде, и во многих других местах, но нигде не видел я их столько, как на песчано-иловатых и галечных берегах р. Биже,

[1] Балхаша.

около Муюн Кумов в Копальском уезде и в щебневатой полынной степи между р.р. Джайпак и Джаманты в Лепсинском уезде. В последнем месте их было так много, что при проезде в экипаже по дороге довольно часто приходилось давить этих ящериц колесами.

У меня нет прямых данных относительно времени появления такырной круглоголовки весною, а также—времени ее размножения, но совсем молодые ящерички, длиною около 60 и даже 56 mm. попадались мне в мае 1913 года в низовьях Или. VII. 15. 14 на Тентеке и VII. 1. 13 между Или и Кетменскими горами, а в самых первых числах мая (V. 3. 09) я в Копальском уезде ловил ящериц уже с значительно развитыми яицами, достигавшими величины 7×11 mm. Число яиц было 4—5.

Осенью я встречал этих ящериц еще во второй половине сентября (IX. 17. 15 по р. Лепсе).

Из всех наших ящериц эта круглоголовка наиболее варьирует в окраске, характере чешуек и даже общем строении тела, так что можно найти экземпляры, настолько мало похожие друг на друга по своей наружности, что с трудом верится, что они принадежат к одному виду. И, вместе с тем, колебания в признаках настолько разнообразны, образуют такое бесчисленное множество переходов между крайностями в различных направлениях, что мне кажется излишними даже попытки устанавливать для этого вида подвиды и разновидности, так как при достаточном материале последних можно установить почти неограниченное количество.

В каменистых местах, где попалаются более или менее крупные булыжники или куски сланца, нашу круглоголовку часто случается наблюдать в комичнейших позах, когда она взберется на камень и, упираясь в верхнюю его поверхность одними вытянутыми передними лапками, свесив иногда почти вертикально вниз по стенке туловище, загнув крючком хвост и подняв высоко голову, важно и внимательно озирается по сторонам.

Если осторожно приближаться к ней, когда она смирно сидит в такой позе, полагаясь на свою покровительственную окраску, то она подпускает иногда совершенно вплотную, так что одну из них мне удалось даже сфотографировать обыкновенным аппаратом со штативом.

Из всех наших ящериц такырная круглоголовка наименее осторожна и подвижна, так как, видимо, все надежды возлагает на приспособленность своего внешнего вида к окружающей обстановке, благодаря чему добыть ее не представляет никакого труда.

Что касается состава пищи нашей круглоголовки, то я приведу здесь данные для нескольких отдельных вскрытых экземпляров: 1) остатки жуков и одного муравья; 2) Coccinellae и 1 неизвестн. жук; 3) 1 гусеница, мелкие жуки и камешки; 4) 1 Coccinella sp., 2—3 тли и остатки жуков; 5) очень много муравьев, мелких жуков, кобылки; желудок переполнен; 6) желудок очень сильно наполнен: муравьи, жуки, кобылки, гусеницы, пауки; 7) большая кобылка почти цельная.

С пойманною крупною кобылкою ящерица расстается очень неохотно и часто долго презабавно таскает их во рту, ковыляя то туда, то сюда перед преследующим ее человеком. При обилии кобылок, последние становятся единственною пищею круглоголовки, как это было в Алакульской долине летом 1915 года.

7. Phrynocephalus mystaceus (Pall.) Круглоголовка ушастая.

Кирг. «батпат».

Экземпляры коллекции: № 8. 3 шт. Разные места Семиреченской обл. 1909 г. № 21. ♂ и ♀ Между кал. Урда бай и Тын Кудук, Коп. у. IV. 7. 08. № 22. 5 шт. Ур. Мын Чурат, Коп. у. IV. 10. 08 № 23. Муюн Кум, Верн. у. VII. 8—10. 07. № 85 Пески

между Ащели Узеком и Аксу. Коп. у. V.2.09. № 86 Лепсинский у. 1909 г. № 149. 2 шт. Низовья Или. Коп. у. Конец V. 913.

«Водится в юго-восточной России..... Персии, на юг до страны Зиркух..... на восток до Семиреченской области включительно».

Распространение ушастой круглоголовки в Семиречье определяется, прежде всего, распределением на территории области обитаемых ею станций, которых она придерживается очень строго, т. е.—настоящих глубоких, мало заросших, иногда даже совершенно лишенных растительности барханных или, по крайней мере, волнистых песков.

Но и при наличии подходящих условий Phrynocephalus mystaceus встречается, повидимому, не во всей области, т. к. мне не удалось найти ее на прекрасных песках на восточном берегу Ала-Куля и по правому берегу р. Лепсы, не говоря уже о расположенных высоко над уровнем моря песках Кум Тыкей, Джаркентского уезда (в которых, впрочем, как я уже имел случай упомянуть выше, нет никаких ящериц). Повидимому, предел ее распространения к востоку в области лежит где-нибудь в низовьях р. Баскана, т. е. около границы Лепсинского уезда, т. к. она мне попадалась еще в песках по р. Аксу, а на Лепсе, отстоящей верстах в 60 к востоку от Аксу (в районе почтового тракта), я ее уже не нашел. Таким образом, распространение ее в Семиречье охватывает низменные песчаные пространства уездов Копальского, Верненского и Пишпекского, причем по р. Или она поднимается высоко, доходя до песков среднего течения этой реки, где я ее нашел в Джаркентском уезде, около Дубунской переправы.

Должен, впрочем, оговориться, что эти данные касаются лишь моих личных наблюдений, по указаниям же в литературе ушастая круглоголовка найдена гораздо восточнее, а именно: Поляковым, в песках по р. Чинжилы и между Арганатами и Джус Агачем, в последнем же пункте—Суворцевым, и, наконец, Шренком—на Ала Куле и Кушакевичем—в бывшем Сергиопольском уезде (к которому относились и все перечисленные пункты).

Такое противоречие между моими личными наблюдениями и литературными указаниями мне пока представляется непонятным, и я надеюсь выяснить его при следующем же посещении Лепсинского уезда, а пока ограничусь указанием на это противоречие и отметкою на карте названных чужих местонахождений.

Весною ушастая круглоголовка появляется очень рано, т. к. у меня в коллекции есть ♂ и ♀ пойманные вместе в песках Копальского уезда уже IV.7, осенью же я их встречал в том же Копальском уезде еще в начале сентября (IX.7. 08 в Муюн Кумах по р. Биже), а в конце этого месяца (IX-27) они мне уже больше, не попадались. Молодая круглоголовка моей коллекции, пойманная в первых числах августа 1916 г. в Копальском уезде, имела в длину 78 m/m. Что же касается количества яиц, откладываемых этой ящерицей, то по этому вопросу данных у меня почти не имеется, и единственная запись касается одного из упомянутых выше двух экземпляров, в котором при вскрытии найдены 2 круглых яйца около 7 m/m в диаметре.

Мало подвижная, неповоротливая и, притом, живущая на лишенной всяких прикрытий поверхности песков ушастая круглоголовка должна была выработать в борьбе за существование какие-нибудь особые средства или приспособления для спасения от врагов, от которых другие наши песчаные ящерицы более или менее легко спасаются благодаря необыкновенной быстроте своих движений.

И, действительно природа не отказала в таких средствах и нашей круглоголовке, наделив ее, прежде всего, весьма совершенною покровительственною окраскою, благодаря которой прижавшаяся к поверхности песков и неподвижно сидящая ящерица совершенно исчезает из глаз, и надо исключительно хорошее зрение, чтобы ее найти, если на минуту потерять из вида.

Затем, общеизвестна также манера этой круглоголовки, не меняя места, при посредстве лишь нескольких быстрых боковых движений всего тела и ног, мгновенно на ваших глазах погружаться в песок, так что вы только с удивлением видите, как она, никуда не убегая, скрылась у вас из глаз под поверхностью песка. Наконец, если и это средство не помогло, и враг продолжает преследование, ящерица прибегает к последним средствам самозащиты и, несомненно, часто с полным успехом, как мне это пришлось однажды наблюдать самому. Спасаясь от нападения собаки, ушастая круглоголовка поднялась на вытянутых ногах, разинула во всю ширину свой огромный рот, выпустила околоушные складки кожи, которые при этом приняли яркую окраску, и приняла, действительно, без всякого преувеличения, прямо-таки, страшный вид.

А когда она в таком виде начала подпрыгивать, бросаясь на собиравшуюся схватить ее собаку, последняя каждый раз в страхе отскакивала назад, не решаясь прикоснуться к своему маленькому, но своим видом явно внушавшему ей ужас врагу. Между тем, эта же собака с необыкновенною ловкостью и неустрашимостью бросалась на каждую встреченную змею, не исключая и крупных Taphrometopon lineolatum (стрела змея) и щитомордников и мгновенно убивала их.

И я не сомневаюсь, что почти всякий, впервые видящий этот способ самообороны нашей ящерицы, невольно отдернет протянутую за нею руку и постарается прибегнуть к палке, щипцам или какому-нибудь другому приспособлению, чтобы овладеть ею.

Впрочем, ящерица не ограничивается одними угрожающими движениями, а часто и действительно хватает за палец, причем без труда прокусывает кожу до крови, и иногда ей приходится разжимать рот силою, т. к. сама она не желает его раскрывать.

Вообще, эта круглоголовка неизбежно гораздо больше остальных наших ящериц обращает на себя внимание всякого, кто ее видит впервые. Как только вы в первый раз попадаете в пески, где она водится, вас на одном из ближайших же барханов невольно поражает крайне забавная фигура ушастой круглоголовки, неподвижно стоящей на вершине чистого песчаного холмика, высоко поднявшись на вытянутых ногах и загнув крючком свой хвост. В таком виде она необыкновенно напоминает как-то одновременно не то собаку, не то изваяние какого-то фантастического животного, не то сфинкса. Эта комичная ее поза, при крайне серьезном выражении физиономии, сразу останавливает на ней внимание путника, заставляя присматриваться к ней и дальше, и делает ее наиболее интересною из наших ящериц. Одна из этих круглоголовок, которую я приготовлялся сфотографировать, предварительно долго забавляла нас, гоняясь за палочкою, которою ее дразнил мой джигит, или же с яростью бросаясь на его сапог и стараясь его укусить.

Свои неглубокие норки она часто делает среди совершенно чистого, лишенного всякой растительности песка. В самое жаркое время дня круглоголовка на глаза не попадается, вероятно, зарываясь глубже в песок или прячась в норы, и только после того, как жара спадет, она опять показывается. После дождя она, как и все остальные песчаные ящерицы, долго не выходит из своих убежищ, хотя, все-таки, показывается раньше мелких круглоголовок и скаптейр.

Вскрытие желудков с целью определения состава пищи дало, главным образом, муравьев и жуков, причем первые проглатываются целиком и в желудке, обыкновенно, попадаются в целом виде, жуков же я всегда находил в сильно измельченном состоянии. Однажды была найдена какая-то волосатая гусеница.

Приведенное киргизское название ящерицы «батпат» является, как, впрочем, большинство киргизских названий, необыкновенно удачным, т. к. в бук-

вальном переводе значит: тони; киргизы говорят, что если к ящерице обратиться с таким приказанием, то она сейчас же погрузится в песок. Снимок погружающейся круглоголовки любезно представлен в мое распоряжение В. А. Дубянским и воспроизводится здесь.

8. Phrynocephalus caudivolvulus (Pall.). Круглоголовка крючкохвостая.

Экземпляры коллекции: № 9 (9) Разн. места Семиречья 1908 г. № 17 (2) Разн. места Семиречья 1907 г. № 24. Копальский у. 1907 № 102 Копальский у. 1909. № 144 (4) Копальский у. 1910. № 152 (4) Низовья Или. V. 5. 13. № 153 (4) Низовья Или V. 13. 13. № 154. Низовья Или V. 13. 13. № 155 Низовья Или V. 13. 13. № 163 (2). Колодезь Алча. V. 16. 13. № 184 (3) Берег Балхаша VI. 1. 13. № 197 Между Айдерлы-Кум и Джар-Чаган.Каратал IV. 30. 08. № 199 (9) Пески вдоль прав. берега Каратала V. 908. № 202. Окр. Урджара 1909. № 203 (3) Голова Баканаса V. 5.13 (3). № 209. Балхаш V. 7. 08. № 219 Между Кок Узеком и Кирсом V. 18—20.13. № 250 (8) Балхаш между Аксу и Караталом V. 10—12.09.

«Водится по восточному, северному и северо-западному берегам Каспийского моря, в сев.-зап. части Закаспийской области, в Туркестане и Семиреченской области..... В восточной половине Турана, именно в Семиреченской области, где водится форма Phr. ocellatus, эта ящерица, повидимому, более обыкновенна, чем в западной.

По моим наблюдениям, она обыкновенна в песках южного берега Балхаша между Аягузом и Лепсою, по нижнему течению последней реки и Или. Г. Поляков привез этот вид из песков по р. Джинджили (=Чинжилы), с Лепсинской станицы, Балхаша, Арганатинских песков. Ак. Шренк добыл в окрестностях Алакуля, Северцов тежду Балхашом и Алакулем..... надо заметить, что некоторые из приведенных указаний могут относиться или к Phr. alpherakii, или к Phr. kuschakewitschi Bedr..... надо думать, что в своем расселении она двигалась с востока на запад из Семиреченских степей северной окраиной Турана вплоть до Волги и вдоль подножия гор до Самарканда».

В частности специально для Семиречья в «Фауне России» приводятся две разновидности: Phr. caudivolvulus ocellatus Licht. и Phr. caudiv. incertus Bedr.

Приступив к определению круглоголовок своей коллекции, я вскоре же наткнулся на такие трудности, которые чавели меня на сомнения в возможности добиться удовлетворительных результатов, т. е.—при существующих условиях разобраться в изучаемом сборе.

Действительно, пользуясь признаками, данными в определительной таблице «Фауны России», я довольно гладко и свободно дошел до определения в числе собранных мною круглоголовок целого ряда видов (Phr. caudivolvulus P. kuschakewitschi, P. acutirostris, P. alpherakii, Ph. kozlowi, P. guentheri..), причем во многих случаях ящерицы, разбившиеся на отдельные виды, были собраны не только в одном уезде, но и одновременно в одном и том же пункте. Это обстоятельство уже одно, само по себе, могло навести на мысль о малой правдоподобности результатов определения, тем более, что, сплошь да рядом, ящерицы, оказавшиеся при определении принадлежащими к яко-бы разным формам, на самом деле по внешнему виду были несомненно идентичными, и результаты определения были обязаны своим происхождением исключительно тому, к какой группе отнесен данный экземпляр по характеру чешуй на верхней стороне тела.

Между тем, строение чешуй у круглоголовок типа Ph. caudivolvulus настолько бесконечно варьирует в зависимости, прежде всего, вероятно, от возраста ящерицы, затем, может быть, от степени ее упитанности, несомненно—от свежести или изношенности чешуи, а, может быть и просто от не поддающихся об'яснению чисто индивидуальных свойств, что иногда у двух

несомненно одинаковых ящериц мы встречаем такую резкую разницу, что не колеблясь должны вести определение их по двум различным группам и, конечно—получить, в результате, два совершенно различные виды в то время, как у вас не может возникнуть и тени сомнения в том, что перед вами просто две Phr. caudivolvulus.

«Изменчивость в форме тела, в чешуе, окраске и рисунке у фриноцефалов столь велика, и аномалии столь часты, что необходимы всестороннее изучение и обдумание для того, чтобы верно отнести туда или сюда экземпляр, находящийся в единственном числе».—Так говорит (стр. 402) Я. В. Бедряга в своей известной работе о рептилиях экспедиции Пржевальского.

Казалось бы, что при этих условиях, т. е.—когда мы имеем налицо огромные колебания целого ряда признаков, на которых приходится основывать подразделение на виды, у нас должен напрашиваться единственный логический вывод, а именно тот, что тут-то и необходима особенная осторожность в описании новых форм, и что такие описания обязательно должны опираться на большой материал; и что уже, во всяком случае, ни под каким видом недопустимо, в указанных неблагоприятных условиях, да еще и при наличности, подчас, крайне незначительного сравнительного материала, описание новых видов по единственному экземпляру, т. к. таких единственных аномальных, уклоняющихся в разных отношениях от того, что мы произвольно приняли за норму экземпляров, как видно из смысла цитированных слов Я. В. Бедряги, среди круглоголовок может оказаться особенно много.

Между тем Я. В. Бедряга из высказанного им положения делает вывод как раз диаметрально противуположный только что сделанному и, говоря о своей Phr. guentheri, поясняет, что единственный известный экземпляр этой ящерицы он нашел более удобным описать в качестве нового вида, чем отнести его к одному из известных, ближайших к нему.

Стоя на этой точке зрения, Я. В. Бедряга, кроме Phr. guentheri, описал и еще целый ряд, а именно 10 видов тоже по единственным экземплярам, да один вид описан также А. М. Никольским, т. ч., в результате, из 42, приводимых в списке на стр. 135 видов круглоголовок, целых 30 % описаны по единственным экземплярам, причем по многим другим тоже имеется более чем скудный материал в виде 3—6 экземпляров, т. ч. и для сравнения-то нет сколько нибудь ценного материала.

Понятно, что, раз допустив в таких условиях описание по единственным экземплярам, мы уже не можем установить никаких границ, и число видов круглоголовок грозит, по мере накопления материала, расти до бесконечности, пока, наконец, запас материала не станет настолько велик, что положение само собою выяснится, и начнется работа в обратном порядке—сведение десятков видов в синонимы сравнительно немногим старым, действительно, хорошо выяснившимся основным формам, как Ph. heliosсopus, Phr. caudivolvulus, Phr. raddei, Phr. interscapularis, Phr. axillaris, Phr. versicolor и др.

Легко можно представить себе, что бы получилось при таком порядке описания видов, если бы, по счастью, такырная круглоголовка (Phr. heliosсopus) не была всюду так обыкновенна, а поступала бы в руки герпетологов от времени до времени единичными экземплярами, в добавление к десятку ранее известных из двух – трех мест. Воображаю, какое бесконечное число «хороших» видов было бы описано по этим отдельным экземплярам, пока, наконец, не накопился бы материал, имеющийся теперь налицо и заполняющий все промежутки между разнородными «видами», наглядно показывая характер этого разнообразия, представляющего из себя, как известно, не что иное, как бесконечные индивидуальные видоизменения.

Я не имею возможности в настоящей работе останавливаться на подробном рассмотрении всех описанных видов, подвидов и разновидностей круглоголовок, да не имею такой возможности и вообще, за отсутствием необ-

ходимого времени, т. к. для этого потребовалось бы много месяцев упорного труда (не надо забывать, какой колоссальный труд затратил на обработку круглоголовок Я. В. Бедряга, посвятивший этому делу три года упорных усидчивых занятий), и скажу только, что собранный мною материал, в значительной части происходящий из одного уезда и потому, в некоторых отношениях особенно ценный, привел меня к выводу, что колебания в признаках, особенно же в характере чешуй, на котором в значительной степени основаны все определительные таблицы, у Phr. caudivolvulus настолько велики, что целый ряд не только разновидностей и подвидов, но и видов безусловно должны быть сведены к одному названному виду.

Чтобы не быть голословным и показать, насколько изменчивы многие из признаваемых весьма существенными признаков у круглоголовок, я приведу здесь результаты исследования мною ряда экземпляров моей коллекции, принадлежащих к двум видами: Phr. kuschakewitschi и Phr. caudivolvulus и нескольких экземпляров последнего вида из коллекций Зоологического Музея, определенных Я. В. Бедрягою.

В третьей графе цифра в числителе показывает число чешуек поперек шляпки, а цифра в знаменателе—число чешуй поперек спины в самом широком месте туловища.

Здесь же необходимо сказать несколько слов в пояснение данных графы об окраске круглоголовок Дело в том, что окраска Phr. caudivolvulus, а также Phr kuschakewitchi, при всем ее разнообразии, сводится к трем основным элементам: 1) общему фону, 2) более или менее тонкому, довольно сложному рисунку из нежных темных линий и 3) системе более крупных и грубых пятен, расположенных попарно вдоль средней линии тела Все эти три основные элемента варьируют в весьма широких пределах, а от сочетания тех или других изменений этих трех элементов, естественно, и получается то огромное разнообразие в окраске, какое мы видим у этих ящериц. При этом основной фон варьирует в том смысле, что он бывает то определенно сероватых тонов, то также определенно желтоватого цвета, то, наконец, представляет разнообразные переходы между этими двумя крайностями.

«Рисунок» то бывает резко выражен, то намечается лишь весьма слабо, очерчивающие его линии бывают крайне различной густоты тона, мелкие же глазки или пятнышки иногда бывают одного цвета с основным фоном, иногда светлее, иногда-темнее. Наконец, пятна то окрашены очень темно, выделяясь на общем фоне очень резко уже издали, то они бывают значительно бледнее, то, наконец, они только обведены темным ободком и как бы лишь намечены или даже места пятен внутри ободка оказываются более светлыми, чем основной фон. В довершение всего, самая форма пятен сильно варьирует, т. к. они бывают то более или менее квадратные, то вытянуты вдоль средней линии тела, то более или менее перпендикулярно к ней.

Из данных, сгруппированных в таблице, видно, насколько мало постоянны решительно все взятые признаки. Отношение длины хвоста к длине всего тела колеблется в пределах от 54 до 64 %, отношение высоты головы к ее длине—от 40 до 50%, число чешуй на шляпке бывает от 18 до 30 (у Phr. kuschakewitschi—от 26 до 35), число чешуй поперек спины – от 46 до 60 (у Ph. k.—до 78), число темных колец на хвосте—от 3 до 7, ребрышки на чешуе как на спине, так и на ногах и на хвосте, то едва заметны, то выражены крайне резко; наконец, окраска варьирует в самых широких пределах, начиная от основного тона и кончая расположением, количеством, цветом, строением и формою пятен и характером тонкого основного рисунка.

Наконец, следует добавить, что ряд признаков, приводимых при описании тех или других видов, меняется в зависимости от таких условий, как возраст ящерицы, большая или меньшая отдаленность времени линьки и других, еще более случайного характера, причин. Так, у взрослых ящериц

	Общая длина	Длина тела от конца морды до заднепрох. отв.	Число чешуй поперек шляпки	Высота головы	Расстоян. от конца морды до горловой складки	Число полос на хвосте	Ребрышки на спинной чешуе	Характер чешуи у основания хвоста и на ногах (по развитию ребрышек)	Характер окраски
Phr. kuschak. № 144	122	47	27/60	6,8	14,5	4 и 1 прерв.	Дов. хор. выражены	У основания хвоста и на ногах ребр. хорошо выраж.	Приблизит. характ. № 145, но неясный рисунок. Экземпляр плохой сохранности.
№ 318	112	43	35/78	6,4	14,0	6	Неособенно резко	На хвосте—слабые ребр., а на ногах—резко выраж.	Крайне яркая, желтоватых тонов.
№ 145	123	48	31/58	7,1	14,5	6	Дов. не резко	На хвосте и на ногах дов. хорошо выраж. ребр.	Очень красивый рисунок; пятна не очень темные, а некоторые только обведены контурами. Сероватого, а не желтого тона.
№ 144	121	50	25/57	7,5	15,5	6+1 неполн.	Очень резко	На хвосте и на ногах—сильно ребристая.	По общ. тону окраски и распределению пятен наиболее походит на тип.
№ 263	121	47	27/60	7,3	15,2	5	Резко	На хвосте—дов. хор. заметны ребр., на ногах—очень сильно	Без резко выраж. узора, но с резк. парными пятнами. Тон желтов.
„ „	110	44	31/57	6,8	14,4	5	Дов. хорошо	Тоже	Тоже.
„ „	101	37	28/52	5,4	11,2	6+1 пр.	Только у средн. линии	Тоже	Тоже.
„ „	86	31	—	4,7	10,1	6+1 пр.	Почти нет	На хвосте—некот. совс. гладкие, на ногах—все слегка ребристые	Очень мелкий и изящный рисунок.
„ „	86	34	26	5,0	10,4	6	Дов. хорошо		Рисунок резкий, пятна очень темные, но неправильно расположенные и немного.

	Общая длина	Длина тела от конца морды до заднепрох. отв.	Число чешуй поперек шляпки	Высота головы	Расстоян. от конца морды до горловой складки	Число полос на хвосте	Ребрышки на спинной чешуе	Характер чешуи у основания хвоста и на ногах (по развитию ребрышек)	Характер окраски
№ 263	89	35	32	5,2	11,3	5+1 пр.	Почти нет		Хор. выраж. парные темные пятна вдоль средн. линии тела, квадр. типа. Хорошо видны также белые пятнышки.
„ „	79	29	27	4,4	9,3	7	Слабо развиты		Темн. парн. пятна хорошо видны, резко поперечного типа.
„ „	83	31	31	4,6	9,8	6	Очень слабо		Пятна тем. резко заметны, но вытянуты в продольн. направлении, расположены попарно.
№ 6839 З. М.[1]	124	47	27/47	7,2	14,6	7	Дов. хорошо	На хвосте ребр.—слабо выраж., на ногах—хорошо.	
Phr. caudiv. № 4993	133	55	19/50	7,9	16,3	5+1 пр.	Едва заметн	На хвосте и на ногах ребр. изредка и то едва заметные.	Пятна едва заметны.
„ „	116	53	18/50	7,2	15,4	4+1 пр.	Едва заметн.	На хвосте и на ногах ребр едва заметные, да и тех мало	Пятнистость расплывчатая.
№ 4902	72	30	19/58	4,5	10,6	5+1	Едва заметн.	На хвосте и на ногах ребрышки едва заметны.	Пятна приближител. как у последн. экз. № 263, но общий фон серый.
„ „	119	51	21/49	—	—	5	Редко и маленькие	На хвосте и на ногах чешуя совсем гладкая.	Пятна того же характера, продольного типа.

[1] Буквы З. М. при № обозначают экземпляры Зоол. Музея Акад. Наук.

	Общая длина	Длина тела от конца морды до заднепрох. отв.	Число чешуй поперек шляпки	Высота головы	Расстоян. от конца морды до горловой складки	Число полос на хвосте	Ребрышки на спинной чешуе	Характер чешуи у основания хвоста и на ногах (по развитию ребрышек)	Характер окраски
№ 4902	115	50	21/53	—	—	4+1 пр.	Чуть заметн.	На хвосте—ребр. нет вовсе, на ногах—заметны.	Пятна есть, но не резко выраж. темные сплошь, а лишь обведенные темными линиями.
„ „	113	49	19/57	—	—	5+1 пр.	Дов. хорошо	На хвосте и на ногах ребрышки едва заметны.	Пятна хорошо выражены, продольного типа.
№ 144	114	49	23/55	6,9	14,1	5	Хор. заметн.	Ребр. и на хвосте и на ногах выражены резко.	Пятен нет, или же нежные, едва намеченные.
„ „	114	44	26/57	6,0	13,0	7	Очень плохо	На хвосте и на ногах ребр. выражены слабо.	Пятна невыраж., рисунок мельчайший, чисто песчаный.
„ „	111	43	26/60	6,3	13,0	5	Оч. хорошо выражены	На хвосте и на ногах выражены резко.	Пятна правильн., ясные, но не оч. темные, без ободков, маленькие, квадратн. типа.
„ „	106	43	24/57	6,3	13,0	5+1 пр.	Едва заметн.	На хвосте ребр. кое-где чуть заметны, на ногах выражены немного лучше.	Пятна хорошо заметн., но не оч. темные, квадр. типа, без ободков.
№ 199	105	46	28/52	6,7	13,7	4+1	Есть	На хвосте—слаб. ребрышки, на ногах—хорошо выраж.	Пятна выраж. некоторые; мелкие, светл. окаймленный узор.
„ „	111	48	25/54	7,0	15,0	2+1+ длинный, темный конец	Дов. хорошо выражены	Ребр дов. хорошо выражены и на хвосте, и на ногах.	Пятна выраж. оч. ясно, но очень уменьшенн. размеров, рисунок менее ясный, чем предыдущ.
„ „	112	43	27/54	5,5	13,0	5	Есть	На хвосте заметны, на ногах—хорошо.	Пятна есть все, но несколько теряются на хорошо выраженном фоне рисунка.

	Общая длина	Длина тела от конца морды до заднепрох. отв.	Число чешуй поперек шлятки	Высота головы	Расстоян. от конца морды до горловой складки	Число полос на хвосте	Ребрышки на спинной чешуе	Характер чешуи у основания хвоста и на ногах (по развитию ребрышек)	Характер окраски
№ 199	93	38	28/53	4,8	10,5	3+1 неясно	Оч. мало	Плохо выражены даже на ногах.	Пятна есть только на хвосте; на туловище — почти неуловимы; рисунок мелкий, нежный, из светлых окаймленных пятен.
„ „	66	27	27/56	4,8	8,7	6	Хор. выраж	Хорошо выраж. и на хвосте, и на ногах.	Рисунок очень мелкий, но пятна заметны все, хотя они тоже очень малы.
„ „	93	37	25/55	4,7	11,2	4+1 оч. узк.	Резко выр.	Хорошо выраж. и на ногах, и на хвосте.	Пятна дов. мелкие, но заметны хорошо, как и рисунок
„ „	79	32	25/52	5,0	10,0	6	Заметны	На ногах—хорошо выр., на хвосте – хуже.	Пятна оч. мелкие, но вполне ясные рисунок тонкий, неясный.
„ „	77	31	27/46	5,0	10,2	4	«	На ногах—хорошо выр. на хвосте—хуже.	Только мелкий рисунок, пятна же почти неуловимы и только на хвосте выражены немного лучше.
№ 197	110	44	30/55	6,3	13,3	4	Оч. хорошо выражены	На хвосте слабо разв., на ногах сильно.	Пятна видны дов. хорошо, рисунок уловим с трудом.
№ 152	109	44	24/55	7,0	14,2	4	Вполне хорошо заметн.	Ясные на хвосте, оч. резкие —на ногах.	Пятна есть, но не резко выделяющиеся; сплошные, иногда отороченные светлым.
„ „	112	47	24/50	6,4	13,8	5	Едва заметн. на редк., отд. чешуйках	На хвосте не видно вовсе, на ногах—намеки.	Пятна есть, но довольно светлые, плохо выделяющиеся и неправильные.

	Общая длина	Длина тела от конца морды до заднепроход. отв.	Число чешуй по перек шляпки	Высота головы	Расстояние от конца морды до горловой складки	Число полос на хвосте	Ребрышки на спинной чешуе	Характер чешуи у основания хвоста и на ногах (по развитию ребрышек).	Характер окраски
№ 152	100	41	$^{22}/_{49}$	5,9	12,3	5	Хорошо заметные	И на хвосте, и на ногах ясно выраженные.	Очень красивый рисунок: нежный, без резких пятен, основного серовато го (а не желтоватого) тона; темные пятна мало заметны, но много неправильных светлых отороченных, частью даже белых пятен.
№ 163	113	42	$^{26}/_{47}$	6,1	13,9	4	Заметны, но неясно	Заметны слабо на хвосте, на ногах—лучше.	Рисунок приблизительно тот же, что у предыдущ., но фон не серый, а желтоватый, благодаря чему нет такой резкости в окраске
„ „	114	41	$^{24}/_{54}$	5,5	11,9	4+1	Вполне хорошо развит.	Ясные на хвосте, на ногах —очень резкие.	Рисунок и тон тот же, и только темные контурные линии выражены резче.
№ 219	107	47	$^{27}/_{54}$	6,8	14,2	5	Хорошо заметны	На ногах очень хорошо выражены, на хвосте—меньше.	Одноцветн песчаного цвета с неправильно раздробившимися крупными темн. пятнами; есть также мелкие тоже темные.
„ „	113	45	$^{23}/_{55}$	6,5	14,6	6	Ясно заметны, но не на всех чешуйк.	Вполне хорошо выражены	Песчаного цвета с небольш. к-вом темных пятен дов. неправ. формы и многочисл. мелкими беловатыми.
„ „	79	33	$^{23}/_{50}$	5,0	11,0	5	Дов. хор. заметны	На хвосте—слабо, на ногах —хорошо развиты.	Приблизит. такая же, как у предыдущего экземпляра.

	Общая длина	Длина тела от конца морды до заднепрох. отв.	Число чешуй поперек шляпки	Высота головы	Расстояние от конца морды до горловой складки	Число полос на хвосте	Ребрышки на спинной чешуе	Характер чешуи у основания хвоста и на ногах (по развитию ребрышек)	Характер окраски
№ 184	127	53	26/53	6,4	16,0	4	Заметны	Дов. хорошо на ногах и очень слабо – на хвосте.	Дов. хорошо заметны темные пятна поперечн. типа, частью квадратн., есть также светлые, мелкие, окаймленные.
№ 250	112	43	24/48	6,2	13,2	5	Вполне хор. выражены	На хвосте—слабо, на ногах —резко выраж.	Пятна намечаются небольшие, но не ясно; преобладает рисунок, довольно отчетливый.
„ „	104	43	24/51	5,6	13,5	4	Дов. слабо выражены	На хвосте—слабо, на ногах —дов. ясно выражены.	Пятна оч. резкие поперечного типа, рисунок тоже виден хорошо.
„ „	111	46	27/57	6,3	13,0	7	Очень резко выр.	На ногах—резко, на хвосте —слабее.	Рисунок виден хорошо; много парных темных, ясно выраж. пятен, но небольших,—как бы раздробившихся обычных.
„ „	105	45	22/50	6,5	13,9	5	Вполне ясно выражены	Вполне ясно и на хвосте, и на ногах.	Рисунок дов. трудно уловим, пятна—вполне ясны; частью квадратного, частью поперечного типа.
„ „	81	34	26/46	4,9	10,0	5	Хорошо заметны	На хвосте и на ногах хорошо заметны.	Видны и рисунок, и пятна; последние – продольного типа.
„ „	94	38	28/47	5,3	11,4	5	Хорошо заметны	Тоже	Исключительно рисунок очень мелкий; пятна видны только на хвосте.

темные кольца на хвосте отличаются большею бледностью, чем у молодых и, вместе с тем, конечные иногда, повидимому, сливаются друг с другом. У свеже перелинявших ящериц «рисунок» виден гораздо отчетливее, чем у давно линявших, у которых он часто в значительной степени скрадывается; точно также, старая шкурка бывает обыкновенно желтее свежей, которая обладает более серым тоном окраски, в чем часто не трудно убедиться, удалив часть шкурки готовой к линьке круглоголовки. Далее, большая или меньшая «жабообразность» зависит не только от беременности и той или другой степени развития яиц, но и просто от той или другой степени наполнения желудка и кишечника. Наконец, ложкообразная выдолбленность чешуек на боках тела не представляет из себя никакого отличительного признака, т. к. сплошь да рядом попадается у очень многих обыкновеннейших Phr. caudivolvulus.

Таким образом, число чешуй, их форма, величина, развитие на них ребрышек, форма тела ящерицы, относительная длина хвоста, отношение высоты головы к ее длине, окраска, характер рисунка, число колец на хвосте, степень яркости этих колец у Phr. caudivolvulus настолько изменчивы, что обуславливают образование огромного количества комбинаций признаков, в своей совокупности дающих настолько мало сходные между собою на первый взгляд формы, что их не трудно, при отсутствии достаточного материала, принять за разные виды.

И только при рассмотрении более или менее значительного материала, притом, заведомо происходящего из одной местности, является возможность выяснить действительное значение этого разнообразия, сводящегося, как и у Phr. helioscopus, по моему, к степени чисто индивидуальных изменений.

Приведенных данных, мне кажется, достаточно для того, чтобы об'яснить, почему я всех имеющихся у меня из Семиречья песчаных круглоголовок, кроме, конечно, Phr. mystaceus и достаточно хорошо отличаемой Phr. kuschakewitschi, отношу к одному виду – Phr. caudivolvulus, не пытаясь даже разбираться в варьяциях, т. к. последних, в добавление к существующим и с таким же основанием, можно было бы создать еще несколько.

Покончив на этом с систематикой, перейду к распространению нашей ящерицы и биологическим данным. Впрочем, долго останавливаться на такой обыкновенной ящерице, как Phr. caudivolvulus, не придется.

Распространение ее в Семиречье более или менее определяется уже вышеприведенной цитатой из «Фауны России», и здесь следует только добавить, что, согласно оказавшемуся совершенно правильным предположению А. М. Никольского, данные о Phr. caudivolvulus для некоторых мест, а именно для Лепсинского уезда, относятся не к ней, а к Phr. kuschakewitschi, т. к. мне и в Алакульской долине, и на берегах Лепсы попадалась только последняя. Кроме того, следует добавить, что наша круглоголовка живет всюду в песках также в Джаркентском, Верненском и Пишпекском уездах и, таким образом, отсутствует только в Лепсинском и Пржевальском. Населяет она настоящие песчаные пространства, поросшие типичною песчаною флорою, и обыкновенно всюду бывает довольно многочисленною, попадаясь на глаза в изобилии. На голых барханах не встречается, но избегает также и мест, слишком густо покрытых растительностью.

Жары не боится и даже в самые жаркие дни, когда около полудня прячутся и ушастые круглоголовки и скаптейры, она продолжает вести деятельную жизнь; но зато после выпавшего дождя не показывается очень долго, и иногда ее не бывает видно, несмотря на прекрасную погоду, еще в течение целого следующего дня.

Как видно из приведенных ниже данных, пищею нашей круглоголовке служат преимущественно муравьи, которыми ее пищеварительные органы иногда бывают совершенно наполнены.

Относительно числа яиц, откладываемых Phr. caudivolvulus и времени ее размножения у меня имеются следующие данные: 1) Балхаш V. 10—12.09—2 очень маленьких яйца. 2) Каратал. Начало V. 908—2 яйца 13×7 m/m. 3) Балхаш VI. 1.13—3 яйца 11×8 m/m. 4) Копальск. уезд - 2 яйца 4.9 m/m в диаметре, 1 яйцо 3 m/m в диам. и 3—4 крошечных. 5) Копальский у.—1 яйцо 4 m/m. в диаметре и штук 10 совсем мелких, неразвившихся. Все, даже самые крупные яйца имели совершенно мягкую оболочку. Самые маленькие ящерички моей коллекции, добытые V. 13,13 в низовьях Или, имели 60—62 m/m. в длину.

Состав пищи: 1) муравьи, преимущественно крылатые, 2) немного муравьев, 3) много муравьев и гусеница, 4) главным образом муравьи, несколько личинок и 2—3 жучка, 5) главным образом муравьи, 6) муравьи и какие то мелкие жучки, 7) почти исключительно муравьи, 8) исключительно муравьи.

На прилагаемых снимках изображена типичная для Phr. caudivolvulus станция и сама ящерица, замершая неподвижно в расчете на свою покровительственную окраску, совершенство которой хорошо передается снимком.

9. Phrynocephalus kuschakewitscki Bedr. Круглоголовка семиреченская.

Экземпляры коллекции: № 144[1](2) Копальский у. 1910. № 145 Лепсинский уезд 1910. № 318 Лепса IX. 12—17. 15. № 363 (8) Ала-Куль VIII. 14 и 15. 15.

«3 экземпляра этого вида были добыты г. Кушакевичем в Сергиопольском округе».

Экземпляры эти значатся в коллекции Зоологического Музея А. Н. под № 6839 «Circul. Sergiopol. Kuschakewitsch. 1881» и были до сих пор единственными известными экземплярами этой круглоголовки, причем А. М. Нисский, как бы несколько сомневается в самостоятельности этого вида, да и сам автор описания последнего, Я. В. Бедряга, предвидит возможность отнесения его в будущем в синонимы описанного Lichtenstein'ом Phr. caudivolvulus ocellatus.

Действительно, сомнение в самостоятельности вида напрашивается невольно, если иметь в руках лишь одни экземпляры Кушакевича, т. к., в сущности, единственным отличительным признаком, указанным для Phr. kuschakewitschi, является сильное развитие ребрышек на спинных чешуйках у этой ящерицы, на основании какового признака в определительной таблице «Фауны России» и подходишь к определению этого вида.

В моем распоряжении имеется уже значительно более обширный материал, собранный мною в том же Лепсинском уезде, из которого происходят и экземпляры Кушакевича, и этот материал, с одной стороны, дает доказательство шаткости только что указанного признака, т. к. показывает, что развитие ребрышек на спинных чешуйках не является чем-нибудь постоянным, и мы встречаем здесь колебания в самых широких пределах, как и у Phr. caudivolvulus (см. выше, таблицу). Но с другой стороны, тот же материал, повидимому, с несомненностью подтверждает самостоятельность описанного Я. В. Бедрягою вида, т. к. дает возможность установить большое постоянство в окраске этой ящерицы, на что автор описания не мог обратить внимания, за отсутствием достаточного материала.

И хотя у ящериц, вообще, а у круглоголовок, в частности, окраска, казалась бы, не может служить сколько-нибудь надежным признаком при описании новых форм, но, во-первых, мы уже в этом же роде имеем виды, для которых окраска является весьма постоянною (Phr. mystaceus, Phr. interscapularis), во-вторых же, коль скоро тот или другой признак в окраске оказывается настолько устойчивым, что встречается у всех без исключения экземпляров из данной местности и коль скоро этот признак отсутствует у всех остальных известных многочисленных видов данного рода, мне кажется,

признак этот без всякой натяжки и риска может быть поставлен в основу выделения обладающих им ящериц в особый вид.

А таким превосходным и резко бросающимся в глаза признаком в окраске, именно, и обладает круглоголовка, описанная Бедрягою под именем Phr. kuschakewitschi. Правда, как раз у типичных экземпляров он выражен не очень резко, но, все-таки, достаточно резко для того, чтобы не остаться не отмеченным на рисунке этой ящерицы, приложенном к работе Я. В. Бедряги о пресмыкающихся экспедиции Пржевальского. И это—несмотря на 25-летнее лежание в спирту между временем добычи ящерицы и временем ее описания.

У живых же экземпляров окраска настолько бросается в глаза, что я невольно обратил на нее внимание, проезжая в экипаже и видя в стороне от дороги разбегающихся при приближении лошадей ящериц.

Характерный признак, который я имею здесь в виду, заключается в присутствии на верхней стороне хвоста резко выраженной светлой (белой, почти белой) полосы, начинающейся на нижней части спины и тянущейся по всей длине хвоста, до самого его конца.

Полоса эта одинаково ярка как у взрослых, так и у совсем молодых и, сравнительно, менее заметна лишь у особей с менее яркою, сероватою общею окраскою тела, но и у них она все же выделяется вполне отчетливо. Ничего подобного этой полосе я не нашел ни на одном из многочисленных прекрасных рисунков в упомянутой уже работе о рептилиях Пржевальского, а также ни у одной из многочисленных просмотренных мною круглоголовок Зоологического Музея, принадлежащих к целому ряду видов и разновидностей, и ни у одной из остальных круглоголовок моей Семиреченской коллекции.

Кроме того, окраска этой ящерицы, вообще, очень красива, как это видно на приложенном фотографическом снимке, т. ч. при первом же беглом взляде на Phr. kuschakewitschi делается почти несомненною ее видовая самостоятельность. Дать же более точные отличительные признаки, повидимому, вряд ли и здесь удастся, т. к. развитие ребрышек, как уже сказано, не является сколько-нибудь постоянным, точно так же, как не у всех экземпляров достаточно резко выражены и сравнительно более мелкие размеры чешуи.

Так или иначе, но по внешнему виду добытые мною на берегах Ала-Куля и на Лепсе ящерицы настолько сильно отличаются от остальных моих круглоголовок, что я отношу их именно к описанному Я. В. Бедрягою из того же Лепсинского уезда виду—Phr. kuschakewitschi.

Кроме 10 лепсинских у меня оказались также 2 экземпляра из Копальского уезда, без более точного указания местонахождения; возможно, что они происходят откуда-нибудь с Баскана, т. е. с границы Лепсинского уезда—по крайней мере, в дневниках у меня оказались отметки о взятых на Баскане круглоголовках, экземпляров же с этикеткою «Баскан» в коллекции не нашлось, и, следовательно, басканские экземпляры фигурируют под этикеткой общего характера «Копальский у.»

Таким образом, насколько я пока могу судить, описываемая круглоголовка в Семиречье живет только в Лепсинском уезде, может быть, заходя в самую восточную часть Копальского—по Баскану.

По избираемым ею станциям она отличается от Phr. caudivolvulus лишь постольку, поскольку пески Лепсинского уезда отличаются от песков остального Семиречья. Отличие это сводится, главным образом, к тому, что пески Лепсинского уезда не так глубоки, менее волнисты, покрыты более бедною по составу растительностью, среди которой отсутствуют или почти отсутствуют некоторые типичные для семиреченских песков виды, как разные Calligonum'ы Ammodendron Siewersi, саксаул и др.

В общем-же Phr. kuschakewitschi такая же типичная песчаная ящерица, как и Phr. caudivolvulus, от которой она не отличается и своими повадками.

Относительно ее размножения у меня данных нет, т. к. в пески я попал уже в конце лета. Самый маленький экземпляр этой круглоголовки, имеющий 79 m/m в длину, из которых 50 m/m. приходится на хвост, пойман на Ала-Куле VIII. 14. 15.

Содержимое желудков вскрытых экземпляров: 1) много муравьев, комар, цикадка, личинка, песок; 2) почти исключительно маленькие розоватые божьи коровки, типичные для песков; в кишечнике—те же божьи коровки, немного муравьев и песок; 3) исключительно муравьи.

Сем. ANGUIDAE.

Род OPHISAURUS.

10. Ophisaurus apus (Pall.). Желтопуз.

Экземпляры коллекции: Ала-Куль (Балхаш) IV. 19. 08.

«...Таким образом, в пределах Российской Империи желтопуз водится в Крыму, а также в степях, примыкающих к северному склону Кавказского хребта, в Закавказском крае, Закаспийской области и Туркестане на восток до западной границы Семиреченской области.» В Зоологическом музее есть два экземпляра из Семиреченской области, а именно № 7478 из Токмака, Пишпекского уезда и № 10430—из Пишпека (III. 16. 04).

Самому мне встречать желтопуза в Семиречье не приходилось, и экземпляр моей коллекции подарен мне известным поставщиком зоологических об'ектов I. E. Неживых, у которого этих ящериц нашлось две. Обе оне были пойманы IV. 19. 08 около балхашского залива Ала-Куль, и их местонахождение, вместе с местонахождением ранее добытых экземпляров, довольно хорошо выясняет распространение желтопуза в Семиречье, как это видно на карте: оказывается, что он уже перешел границу области и занял всю низменную часть Пишпекского уезда, но до Верненского уезда дойти еще не успел.

Сем. LACERTIDAE.

Род LACERTA.

11. Lacerta agilis exigua. Eichw. Ящерица прыткая.

Экземпляры коллекции: № 5 Н. Басканский участок VII. 911. № 30 Окр. Копала IV. 17. 08. № 31 Между Уч-Тюбе и Сарыкулем V. 14. 08. № 32 Лепсинский уезд 1907. № 33 Алтынь Эмель VII. 28. 07. № 34 2 шт. Копальский уезд 1908. № 49 5 шт. Между Ала-Кулем и китайскою границею 1908. № 93 4 шт. Лепсинский уезд 1909. № 110 Копал 1911 (яица). № 119 9 шт. Окр. Копала Начало V. 910 № 133 Талдыбулак VII. 20. 14. № 134. Тентек VII. 10. 14. № 135 3 штуки Копальский у. 1910. № 187 3 шт. Копальский у. 1909. № 232 Копальский уезд (с раздвоенным хвостом). № 246. Между Ак-Су и Караталом V. 909. № 253 Тентек. Начало VII. 914. № 259. Джаркентский уезд VII. 912. № 282 2 шт. Ала-Куль VIII. 10. 15. № 293. 2 шт. Джайпак VIII. 914. № 294 Джайпак VIII. 914. № 312 2 шт. Джайпак VII. 27. 14.

«...Таким образом, северная граница распространения Lacerta agilis в Европейской России, начинаясь в южной Финляндии, приблизительно, под 62° с.ш., по направлению на восток спускается на Урале, приблизительно, до 58° с.ш.; в западной Сибири эта граница, повидимому, спускается еще южнее. Восточной границей этого вида в Сибири надо считать меридиан Забайкалья.» «В Семиреченской области эта ящерица встречается значительно чаще, чем в западной части Турана.»

Приводимых в «Фауне России» семиреченских местонахождений обыкновенной ящерицы я здесь цитировать не буду, так как их очень много, и замечу только, что они относятся ко всем шести уездам области. Это вполне совпадает с моими личными наблюдениями, согласно которым распространение Lacerta agilis в Семиречье не ограничивается какими либо определенными обширными естественно историческими районами, как распространение большинства остальных наиболее обыкновенных наших ящериц, а определяется лишь наличностью или отсутствием в данной местности любимых ею станций. А такими любимыми станциями этой ящерицы являются: сухие или слегка влажные, а иногда даже и мокрые луговые места, свежие зеленые ложки среди степи, покрытые зеленым газоном берега болот, прудов, озер и т п., причем иногда такие покрытые луговою растительностью места бывают населены Lacerta agilis даже в том случае, если имеют весьма ограниченные размеры и оказываются затерянными где-нибудь среди песков или полынной степи. В статье об Eremias arguta мною приведен пример, когда в непосредственном соседстве друг с другом жили такие различные по своим требованиям виды, как Eremias arguta, Lacerta agilis и Phrynocephalus helioscopus; в этом случае Lacerta agilis населяла крошечную луговинку, образовавшуюся на месте впадины среди сухой, безводной равнины и затерявшуюся на фоне обширной полынной степи.

Высота места над уровнем моря для этой ящерицы тоже не играет особенной роли, хотя, конечно, и для нее существуют известные пределы распространения в вертикальном направлении. Но пределы эти гораздо шире, чем для всех остальных наших ящериц; так как обыкновенную ящерицу я встречал, начиная от берегов Балхаша, то есть метров 450 н.у.м. до высоты окрестностей выселка Охотничьего, расположенного на 1800 метр н.у.м., следовательно, уже в зоне распространения наших горных ящериц—Ablepharus alacus и Eremias multiocellata, а в Зоологическом Музее Академии Наук (также и в моей коллекции) имеются многочисленные экземпляры из окрестностей Пржевальска, то-есть с высот еще более значительных (около 2000 метр н.у.м.), где наша ящерица попадается, таким образом, уже фактически в непосредственном соседстве с Eremias multiocellata.

Иногда Lacerta agilis попадается в густых зарослях чия (Lasiagrostis splendens) и бурунца (Sophora alopecuroides), если последние расположены недалеко от места с более свежею растительностью.

Благодаря такой неприхотливости по отношению к условиям жизни, обыкновенная ящерица является одною из двух наших ящериц (вторая—Eremias arguta), встречающихся во всех уездах области, не исключая и Пржевальского, отличающегося исключительным однообразием своей герпетологической фауны.

Будучи широко распространенною в территориальном смысле наша ящерица, кроме того, часто бывает весьма многочисленною в местах обитания, так-что в Семиречье к ней, пожалуй, особенно подходит второе ее название «обыкновенная». Правда, благодаря жизни в густой, часто высокой, зеленой траве она не так уж сильно бросается в глаза и может показаться более редкою, чем есть на самом деле, но в действительности, если принять во внимание район ее распространения, она, вероятно, окажется наиболее обыкновенною из всех здешних видов.

В виду указанного выше характера ее распространения, я именно для нее с наибольшим основанием мог применить обобщающий способ обозначения на карте местонахождений, что я и сделал.

Первая встреча нашей ящерицы весною в окрестностях Копала у меня отмечена IV. 5. 11, относительно же времени размножения имеются следующие данные: в половине июня 1910 г. около с. Лугового на сенокосе найдены на небольшой глубине в земле 8 шт. яиц размером 8×8 mm., еще не

начавших развиваться. Далее, во вскрытых ящерицах этого вида (№ 5, 49, и 119) были найдены яица в количестве 7, 6 и 4 штук, величиною около 15×8 mm. Молодые около 80 mm. длиною попадались в начале июля 1914 года в долине Тентека и на Джайпаке в Лепсинском уезде.

Из других данных биологического характера отмечу здесь, что по берегам Баскапского озера я встречал Lacerta agilis в камышах на сильно влажных местах, а около Ала-Куля нашел ее в довольно большом количестве на совершенно мокрых луговых участках вдоль южного берега озера, причем ящерицы, спасаясь от преследования, не задумывались бросаться прямо в воду, стоящую в промежутках между кочками и более возвышенными местами.

Что касается пищи, то при вскрытии нескольких экземпляров мною сделаны следующие записи относительно ее приблизительного состава: 1) 1 камешек, два чистых, прозрачных как стекло, кусочка кварца, большая личинка, 1 гусеница, крошечная личинка кобылки, остатки мелких жуков; 2) 3 таких же кварцевых камешка и немного растительных остатков; 3) 2 мелких камешка, 2-3 кусочка хитина и какие-то, повидимому, растительные остатки; 4) 1 камешек и остатки, главным образом, кобылок; 5) 3 небольших паука и немного остатков насекомых; 6) 3 личинки кобылки, 2 взрослых, паук и остатки осы.

Род EREMIAS.

12. Eremias velox (Pall.) Ящурка быстрая.

Экземпляры коллекции: № 7 6 шт. Разные места Семиречья 1907. № Верненский уезд, 1907. № 50 Лепсинский уезд, 1908. № 94 Айдерлы Кум IV. 30. 08. № 95 Берег Аксу VIII. 23. 07. № 96 Айдерлы Кум IV. 30. 08. № 142 2 шт. Копальский уезд, 1910. № 117 3 шт. Между Кызыл Агачем и Аксу V. 2. 09. № 143 2 шт. Копальский уезд 1910. № 161 6 шт. между Джанашем и Аксу V. 2. 09. № 164 Окр. кол. Алча V. 17. 13. № 167 Между Ащели Узеком и Аксу V. 3. 09. № 171 берег Или 1009. № 156. Низовья Или Й. 18. 13 № 181 2 шт. Между Чит Баканасом и Караталом V. 30. 13. № 188 5 шт. Копальский уезд 1908—1909. № 201 4 шт. Между Или и Караталом. Конец IX и начало X. 1910. № 205 2 шт. Голова Баканаса V. 5. 13. № 216 3 шт. Между Кок Узеком и Корсом V. 18—20. 13. № 248. Между Аксу и Караталом V. 17. 09. № 262 5 шт. Пески вдоль Ала-Куля VIII. 14 и 15. 15. № 268. Окр. р. Ргайты VIII. 11. 15. № 272 Степь по Тентеку VII. 20. 15. № 278 Чинжила VII. 6. 15. № 302. 2 шт. Между Джапашем и Ащели Узеком V 2. 09. № 306 4 шт. Берег Ала-Куля VIII. 25. 14. № 316 5 шт. Лепса IX. 17. 15. № 322 Копальский уезд 1907.

«... Водится в юго-восточной России, Закавказском крае, Туркестане и Закаспийской области, Персии, Афганистане и ближайших к русской границе частях Монголии, Чжунгарии и Восточного Туркестана». «В Закаспийской области, Туркестане и Семиреченской области эта ящерица водится по всему пространству как с севера на юг, так и с востока на запад... В Семиреченской области описываемый вид встречается реже, чем Eremias arguta».

На основании своих наблюдений над распространением у нас E. velox я должен внести поправку к приведенным данным; по моим наблюдениям она вовсе не водится по всему пространству Семиреченской области с севера на юг, так как вся южная половина области (то-есть весь огромный Пржевальский уезд, южная часть Джаркентского и за-горные волости Пишпекского уезда) совершенно лишены этой ящерицы, не встречающей здесь подходящих условий для жизни. Кроме того, она нигде не поднимается даже до той высоты, до которой доходит E. arguta, так как супесчаные и песчаные

почвы занимают самые низменные части Семиречья и не идут сколько-нибудь высоко. А если кое-где пески, в виде исключения, и поднимаются на довольно значительную высоту, как это имеет место в долине Кегени, Джаркентского уезда, то здесь мы не встречаем вовсе никаких ящериц.

Ящурка быстрая в Семиречье, относительно, может считаться, пожалуй, еще более обыкновенною, чем E. arguta, так как последняя нигде не попадалась мне в таком количестве, в каком иногда встречается в подходящих местах E. velox. Но, вместе с тем, благодаря тому, что любимые ею станции не имеют в области такого широкого распространения, как суглинистые полынные степи, обитаемые E. arguta, последняя охватывает своим распространением большую площадь, так что, в результате, трудно сказать, который из этих двух видов, в конце-концов, должен считаться в Семиречье более обыкновенным.

Что касается любимых станций E. velox, то она в Семиречье избегает, мест с плотными почвами и селится преимущественно там, где почвы принимают супесчаный и даже песчаный характер.

Как только среди полынной степи вы встречаете участок с сильно песчанистым грунтом, на котором серая полынка (Artemisia maritima) или совсем исчезает, или из основного растения становится примесью, уступая главную роль таким видам, как Eurotia ceratoides, Artemisia Scoparia, Rosa berberifolia. Ephedra sp., Atraphaxis sp., Sophora alopecuroides, Kochia arenaria вы можете быть почти уверены, что вместо попадавшейся вам до тех пор E. arguta, вы здесь найдете уже E. velox. С другой стороны, в районе настоящих песков, например, в Прибалхашье, где вы уже имеете дело с чистопесчаными формами круглоголовок, агамами и видами рода Scapteira, вы неизбежно встретите и E. velox, как только приблизитесь к какому-нибудь водоему, и к типичным песчаным растениям вроде саксаула и дюзгена (Calligonum) присоединятся свежие кустики чингиля (Halimodendron argenteum). Заросли последнего в этом случае всегда служат убежищем нашей ящерицы, заменяющей здесь обитательницу настоящих песчаных кустарных зарослей (то-есть зарослей из саксаула, дюзгена, куян сюёка)—сетчатую скаптейру.

Вообще, следует заметить, что E. velox, при наличии основного условия—песчанистого характера почвы—особенно охотно селится в таких местах, где кроме травянистой растительности есть и кустики. А так как в Семиречье к числу кустарников, растущих на легких (не чисто песчаных) почвах принадлежат, главным образом, чингиль, Atraphaxis sp. и иногда еще Nitraria Schoberi, то заросли этих растений обыкновенно бывают населены нашею ящерицею. На почвах переходного характера иногда по соседству встречаются близкие родственники: среди кустиков—Eremias velox, а на открытых местах— Eremias arguta.

Таким образом, супесчаные и песчаные пространства являются главными и любимыми станциями нашей ящерицы, но иногда она попадалась мне и на более плотных почвах, впрочем, обыкновенно в тех случаях, когда участки плотных почв были расположены по соседству или даже среди песчаных пространств. Но в таких случаях присутствие кустарной растительности является уже безусловно необходимым условием, так как без кустов на твердых почвах E. velox совершенно не встречается. Из таких случаев, когда ящерица была встречена на более плотных почвах и, притом, в достаточном количестве, я укажу на нахождение ее в саксауловых зарослях на Корс Баканасе, где она держится даже в настоящем лесу среди саксаулового валежника и под кустиками чингиля и Nitraria Schoberi; на присутствие ее в кустиках на такырных местах у головы Баканаса и в зарослях Tamarix'a и Nitraria Schoberi вдоль Или и Каратала; наконец, на нередкое нахождение ее в нижних частях щелей невысоких гор в кустиках Atraphaxis и

Spiraea, по дну высохших ручьев или на сухих склонах ущелий по соседству с более обширными районами распространения этого вида, как это имеет место, например, в горах, окружающих Алакульскую равнину.

В тех местах Семиреченской области, куда, повидимому, не доходят представители рода Scapteira, последних Eremias velox заменяет и в настоящих песках, хотя надо заметить, что в этих случаях пески эти оказываются лишенными или почти лишенными также многих представителей песчаной флоры Семиречья, как-то саксаула, большинства Colligonum'ов. Astragalus Ammodendron, Ammodendron Siewersi и др., т. е. носят характер несколько иной, чем типичные пески Прибалхашья. Из таких более или менее обширных песчаных районов я укажу на пески вдоль Ала-Куля у реки Эмиль-су и затем—на пески по правому берегу реки Лепсы около селения Романовского и отсюда книзу, в сторону Балхаша. Здесь по пути к последнему иногда многие версты приходится ехать глубокими волнистыми песками, издали вполне напоминающими прибалхашские пески Верненского и Копальского уездов, но здесь я не встретил ни одной скаптейры (а также ни одной Phrynocephalus mystaceus), а вместо них в изобилии попадалась E. velox, которая держалась как около редких кустиков чингиля, тамариска и др., так и среди высоких и густых зарослей преобладающего здесь растения—зеленой полыни (Artemisia Scoparia). Относительно времени появления нашей ящерицы весною у меня нет никаких данных, так как мне никогда не приходилось бывать в поездках раньше последних чисел апреля, что же касается осени, то я встречал E. velox еще X. 4. 10, между Или и Караталом, после того, как ночью t° опускалась иногда до—6½° C. Молодые ящерички этого вида попадались мне в довольно различное время: VIII. 14. 15. на восточном берегу Ала-Куля, длиною 81 mm., в начале мая 1909 г. между Аксу и Караталом, 98 mm. длиною (из них хвост 60m.), тогда же и там же—105mm. V.20. 13 между Кок-Узеком и Корсом—105mm.

Во вскрытых экземплярах я находил яица в различном числе и весьма различных размеров, как видно из следующих данных: № 142—3 яйца 14—15 mm длиною, 7—9 mm. шириною; № 117—3 яйца около 5 mm. в диаметре; № 164—3 яйца около 7 mm. в диаметре; № 216—4 яйца 14×8 mm. № 302—2 яйца 8 mm. в диаметре; № 98—2 экз., у обоих по 4 яйца.

По ловкости и быстроте движений E. velox лишь немного уступает скаптейрам, так что ловля ее представляет большие затруднения и делается почти невозможною в таких местах, где ей легко прятаться, как, например, среди больших кустарных зарослей, а особенно в саксауловом лесу, где ее поймать почти невозможно.

Из числа наших ящериц ящурка быстрая после Lacerta agilis наименее боится близости воды и иногда попадается в непосредственном соседстве с нею, конечно, если река или озеро расположены в песках, и берега их не влажны и не носят лугового характера; в таких случаях Eremias velox не только держится около самой воды, но иногда даже спасается в камыши, как мне это пришлось наблюдать VIII. 23. 07 на берегах реки Аксу.

VI. 1. 13 мною пойманы на берегу Балхаша прямо руками сразу ♂ и ♀, благодаря тому, что первый вошел в такой азарт, что забыл обычную для этой ящерицы осторожность и не только сам не думал убегать, но ни за что не отпускал и ♀, держа ее зубами за хвост у основания последнего.

Среди нескольких десятков этих ящериц моей коллекции из разных мест Семиречья у меня есть 4 экземпляра, заметно отличающихся от всех остальных своею значительно более темною окраскою. Эти 4 экземпляра пойманы VIII. 25. 14 около берега Ала-Куля на дюнах из черного песка, нанесенного ветром с берега озера, где он образовался из темноцветной сланцевой гальки, образующей здесь берег озера. Очевидно, покровительственная окраска оказывается нелишнею даже для этой весьма ловкой и подвижной ящерицы.

Приблизительный состав пищи виден из следующих примеров: 1) уховертка и 3—4 небольших жука; 2) 1 клоп, 1 Agriotes sp. 1 большая личинка, 1 гусеница, 1 маленькая кобылка, 1 оса, 1 клещ и 1 раковинка; 3) 7 пауков. 3—4 жука, 1 комар; 4) 1 паук, 2 гусеницы и остатки разных насекомых; 5) 2 кобылки, 1 паук, несколько мелких жуков; 6) гл. образом перепончатокрылые; 7) 25 муравьев довольно крупных, 1 паук 1 кокон паука; 8) 1 гусеница, 2 жука; 9) 1 жук средней величины; 10) желудок занимает чуть ли не всю брюшную полость: 9 пауков, 1 кобылка, муравей, 1 гусеница, 1 личинка, 1 слоник, 2 еще каких-то жука и еще какие-то остатки; 11) 1 паук клопы, 12) большая гусеница, паук, 2 комара и остатки жуков.

16. Eremias nikolskii Bedr. Ящурка алайская.

Экземпляры коллекции: № 15 2 шт. Арпа VIII. 2. 13. № 195 5 шт. Джумгал VII. 20. 13. № 112 2 шт. Кукумерен VII. 23. 13. № 225 2 шт. Алабуга VII. 29. 13. № 235 Джумгал VII. 20. 13.

«Водится в южной части Алайского хребта (Тенгу бар)».

Эта ящерица, описанная Я. В. Бедрягою по одному экземпляру с Алай Нора и до сих пор оставшаяся известною в этом единственном экземпляре, оказалась в моей коллекции представленною довольно хорошо. По своему внешнему виду она напоминает одновременно и Eremias velox и Eremias multiocellata, представляя как бы нечто среднее между ними, но от первой она отличается почти полным отсутствием зернышек перед первым надглазничным, благодаря чему отношение ширины площадки с этими зернышками к ширине 1-го надглазничного и расстоянию от него до скулового получается, как на это указывает Я. В. Бедряга, совершенно иное, чем у E. velox; от E. multiocellata же хорошим отличительным признаком служит число бедряных пор, которых у E. nikolskii 17, а у E. multiocellata 10—14, причем промежуток между внутренними порами правой и левой стороны, действительно, широкий, и составляет около половины длины ряда пор, тогда как у E. nikolskii он обычно = $^1/_4$ длины этого ряда, а иногда не достигает и $^1/_4$. Но к этим признакам мне удалось присоединить еще один, ставящий вне сомнения видовую самостоятельность E. nikolskii. Признак этот—окраска молодых, которые у E. nikolskii очень резко отличаются как от молодых E. velox, так и от молодых E. multiocellata. Так как отличие это, действительно, очень существенно и наглядно и т. к. рисунок молодых E. nikolskii еще неизвестен, то я даю ниже (см. таблица XII) изображение приблизительно в натуральную величину ящерички, пойманной VII. 20. 13 в долине р. Джумгал. Параллельно даны в том же уменьшении изображения молодых всех остальных наших видов Eremias, из которых изображение E. multiocellata тоже появляется впервые, и которые в своей совокупности представляют большой интерес, т. к. показывают, насколько резко отличаются друг от друга в молодости наши представители р. Eremias, часто делающиеся очень похожими один на другого во взрослом состоянии.

На фотографиях видны три основных типа окраски наших Eremias: E. intermedia, у которой молодые по окраске почти не отличаются от взрослых; E. arguta, у которой молодые имеют резко отличную от взрослых отчетливо выраженную пятнистую окраску и, наконец, E. velox, у которой молодые тоже окрашены совершенно иначе, чем взрослые, но совсем не по тому типу, как у E. arguta, а с так же отчетливо выраженною продольною полосатостью.

Из изображаемых теперь впервые двух молодых Eremias, E. multiocellata вполне подходят ко второму типу, молодые же E. nikolskii обладают рисунком переходного характера. А именно, у них темные продольные полосы хотя и выражены тоже вполне отчетливо, как у E. velox, но они значительно уже и их не 3, как у последней, а 5; светлые же продольные полосы, хотя выделяются тоже вполне отчетливо, но оказываются уже не сплошными, а пре-

рывающимися и образованными из отдельных белых полосок и удлиненных пятен.

Окраска же juv. E. multiocellata, принадлежа к пятнистому типу, как у E. arguta, от окраски последней отличается тем, что светлые пятна у E. multiocellata не такие ярко белые и гораздо более мелкие, благодаря чему общий тон рисунка получается гораздо более темным и тусклым, чем у E. arguta; большей тусклости рисунка способствует также меньшая ясность темных поперечных полос у E. multiocellata по сравнению с E. arguta, у которой эти полосы выражены очень отчетливо.

Что касается распространения E. nikolskii в Семиречье, то эта ящерица найдена мною только в горной части области в том же районе, который является также районом распространения другого нашего горного вида—E. multiocellata,—а именно, в за-горной части Пишпекского уезда и прилегающих частях Пржевальского, как это видно на карте, на которой нанесены все известные мне местонахождения нашей ящерицы.

Держались E. nikolskii по широким долинам рек и, частью, по прилегающим к этим долинам небольшим ущельицам, попадаясь здесь в довольно большом количестве среди бедной растительности, с преобладанием полыни (долина Кукумерена), иногда—в типчаково-полынной степи (Арпа), иногда около кустарных зарослей в боковых ущельях (Джумгал: см. снимок) или же на сильно размытых, изрезанных бесчисленными промоинами и трещинами солонцоватых пространствах (долина Алабуги). Изображенный на рисунке молодой экземпляр, имеющий 90 m/m. в длину, из которых на хвост приходится 54 m/m., пойман VII. 20. 13. В единственном известном мне экземпляре с яйцами последних было 5 штук размерами 12 × 8 m/m., без всяких признаков развития зародыша т. ч. E. nikolskii, в противуположность E. multiocellata, повидимому, является яйцекладущею, а не живородящею. Правда, я не находил ее на такой высоте, как E. multiocellata, и все места, где она встречена мною, несмотря на довольно значительную высоту над уровнем моря, обладают, сравнительно, мягким и сухим климатом. Все наблюдавшиеся мною ящерицы этого вида не отличались особенною быстротою движений, значительно уступая в этом отношении E. velox, которую они так сильно напоминают по наружному виду.

В заключение приведу содержание желудков нескольких вскрытых экземпляров: 1) 1 жук, 1 личинка и несколько мелких семян; 2) 1 кобылка; 3) немного хитиновых обломков; 4) 1 кобылка, несколько муравьев, 1 какое-то зернышко, немного хитиновых остатков; 5) какая-то очень крупная личинка, остатки перепончатокрылых и жуков.

13. Eremias intermedia Str. Ящурка средняя.

Экземпляры коллекции: № 205 Голова Баканаса V. 5. 13 № 188' 5 шт. Разные места Копальского уезда 1908—1909 г.г. № 315 2 шт. Лепса IX. 12—17. 15. № 303 2 шт. Между Джанашем и Ашели Узеком V. 2.09 № 201 5 шт. Между Или и Караталом. Конец IX и начало X 1910. № 247 Прибалхашье между Аксу и Караталом V. 17. 09 № 222 Или ниже Илийска IX. 26. 10. № Джаман Кудук около Биже IX. 8. 08. № 2 шт. Каратал между Уч-Тюбе и Айдерлы Кум V. 3.08.

«Водится в Арало-Каспийских степях, а подвид nigrocellata Nik. в южной части восточной Персии..... найден в Семиреченской области на р. Или, откуда (Калкау) у нас имеется один экземпляр». Добавлю, что в списке экземпляров З. М. А. Н. упомянуты еще два экземпляра (№ 10953) из Копальского уезда, доставленные мною. Для E. int. transcaspica распространение указано таким образом: «этот подвид первоначально я описал, как особый вид

по одному цельному и одному дефектному экземпляру из Бахардена между Асхабадом и Кизыл-Арватом Впоследствии Л. С. Берг (Елпатьевский) нашел несколько экземпляров этой ящерицы в урочище Диркамбай в низовьях р. Или, урочище Малай-Кудук на левом берегу р. Или к северу от р. Курту, в Ак-Тагае Семиреченской обл. и в окрестностях озера Балхаша; г. Молчанов доставил в наш музей с гор Кубетау и Бельтау в устье Аму-Дарьи». Таким образом, мы видим, что почти все экземпляры E. int. transcaspica происходят из той же местности, откуда и экземпляры, доставленные г. Карпинским (№ 7864) и мною (№ 10953), т.е. из Прибалхашья. Уже этого одного обстоятельства достаточно для того, чтобы навести на сомнения в правильности выделения подвида E. int. transcaspica, основанного на таких ничтожных и непостоянных признаках, как число зернышек между лобным и надглазничными и отношение длины 1-го надглазничного к его расстоянию от скулового. Правда, А. М. Никольский считает эти признаки настолько важными, что нашел возможным, основываясь на них, сперва описать эту форму за особый вид; но уже немного ниже он сам говорит, что даже на материале, доставленном из одного места одним г. Молчановым можно установить переходы между обоими подвидами до почти полного исчезновения зернышек, включительно, точно так же, как и такие же колебания в отношении 1-го надглазничного к его расстоянию от скулового; замечу при этом, что ссылка на рисунок 53 ничего не раз'ясняет, т. к. самый рисунок отсутствует.

А еще ниже, в статье о Scapteira transcaspica, А. М. Никольский указывает на большое сходство между последнею и Er. transcaspica (на этот раз трактуемой в качестве вида), наводящее его на мысль о том—не представляют ли эти две формы просто помесей между E. intermedia и Scapteira grammica, при чем получаются то Eremias transcaspica, то Scapteira transcaspica.

Последний вывод, который лично мне кажется весьма правдоподобным, однако, в связи с изложенным выше, довольно наглядно свидетельствует, насколько должны быть непостоянны и шатки признаки, положенные в основу выделения названных форм; впрочем, это должно бы было быть ясным и без этого вывода, т. к. раз число зернышек колеблется в пределах от нуля до полного кольца, то из этого вытекает только одно следствие—что это число не может служить диагностическим признаком, являясь величиною непостоянною.

Просмотрев экземпляры моей коллекции (20 штук), происходящие главным образом из Копальского уезда, я убедился, что число зернышек у них колеблется от полного кольца до полного отсутствия, при чем в некоторых случаях два экземпляра, особенно резко разнящиеся между собою, были пойманы вместе.

Правда, расстояние от скулового до первого надглазничного у моих экземпляров превышает длину этого последнего, но о непостоянстве этого признака свидетельствует и сам А. М. Никольский.

В виду изложенного выше, я говорю о ящерицах данного вида, как об Eremias intermedia Str., оставляя в стороне Er. intermedia transcaspica Nik., как форму, по меньшей мере, сомнительную. Ниже я укажу на некоторые соображения, которые наводят меня на мысль о том, что, может быть, и сама Eremias intermedia не представляет из себя вида.

Из всех наших представителей рода Eremias ящурка средняя является наиболее редкою и нигде не попадается так часто, как подчас попадаются в подходящих для них станциях все остальные виды.

Еще более, чем Er. velox, Er. intermedia может считаться обитательницею местностей с легкими, песчанистыми почвами, причем особенно охотно она селится в таких местах, где есть негустая, мелко-кустарная или полукустарная растительность. Неохотно она, повидимому, держится на настоящих песках, на которых иногда встречается Er. velox. Никогда она не попадалась

также в горных ущельях, и я считаю ее обитательницей, главным образом, той части степной полосы Семиречья, которая составляет как бы переход от суглинистых полынных степей к району типичных песков Прибалхашья.

В этой именно полосе Копальского и Лепсинского уездов пойманы все экземпляры моей коллекции.

В связи с такими требованиями к обитаемым ею станциям, Er. intermedia в Семиречье встречается в соответственной обстановке в Лепсинском, Копальском и Верненском уездах; несомненно должна попадаться в низменной части Пишпекского, на границе с песками; может быть, будет найдена где-нибудь в среднем течении Или в Джаркентском уезде (хотя мне здесь не попадалась), и несомненно совершенно отсутствует в горном Пржевальском уезде.

Таким образом, район ее распространения, приблизительно, совпадает с районом распространения E. velox, но является гораздо более узким, т к. ни в настоящих песках, ни у подножия гор я E. intermedia не видел ни разу.

Подробные местонахождения, приведенные в списке экземпляров коллекции, довольно наглядно указывают положение упомянутой выше промежуточной полосы, являющейся, по моим данным, районом обитания нашей ящерицы.

Такой характер распространения Er. intermedia—как раз в той узкой полосе, где сходятся между собою E. velox и Scapteira grammica – большое внешнее сходство между E. intermedia и последнею сравнительная ее малочисленность и, наконец, отсутствие у нее различия в окраске между молодыми и взрослыми экземплярами, свойственного, кажется, всем представителям рода Eremias, наводят меня на мысль—не представляет ли она из себя помеси между E. velox и скаптейрою, являясь, таким образом, intermedia именно между двумя этими видами, каковою она является по характеру окраски.

Относительно периодических явлений в жизни E. intermedia у меня почти никаких данных нет; наиболее ранняя находка помечена IV. 30.08, а наиболее поздняя—первыми числами октября (1910 г.) уже после бывших морозов, достигавших—$6^1/_2{}^0$. Единственный молодой экземпляр моей коллекции, достигающий 70 m/m. длины, относится, как раз, к последней дате.

Что касается пищи нашей ящерицы, то вскрытие обнаружило следующий ее состав: 1) 1 маленький жук, 2) 1 кобылка, 3) 1 жучек, 1 гусеница и еще немного к-то трудно определимых остатков, 4) полный желудок каких то очень мелких насекомых и 2—3 небольших жука, 5) личинка крупного муравья, 6) паук, 1 мокрица, 7) жуки, муравьи, мухи, какая то личинка, наконец, в желудке одной ящерицы оказалась молодая E. intermedia же, сравнительно мало уступающая в величине той, которая ее проглотила, и представляется совершенно непонятным, как она могла справиться с такою крупною добычею.

14. Eremias arguta (Pall.) Ящурка разноцветная.

Экземпляры коллекции: № 61 Между р. Текес и оз. Бурадо Босун VII. 14. 12. № 82 (2) Между р. р. Аксу и Басканом. Начало V. 911. № 125 Тентек около «Щек» VII. 14 14. № 129 Тентек выше Степановки VII. 10 14. № 141 (2) Копальский уезд 1909. № 189 (2) Побережье Или IX. 25. 10. № 198 Побережье Или, Коп. у. IX. 910. № 252 Тентек VII. 10. 14. № 257 (2) Джаркентский у., долина Или VII. 4. 12. № 267 (3) Вост. берег Ала-Куля между р. р. Ргайты и Эмиль-су VII. 11. 15. № 276 11 штук яиц Чинжила VI. 12. 15. № 279 Лев. берег Чинжилы VII. 3. 15. № 283 (2) Алакульская равнина. Лето 1915 г. № 291 Копальский у. 1908. № 292 (2) ДжайпакVIII. 915. № 304 (2) Между Джанашем и Ащели Узеком V. 2. 09. № 307. (4) Ала Куль VIII. 25. 14. № 310 Между Джайпаком и горами VII. 27. 14. № 319 Джайпак, Копальск. у. IV. 8 08. № 320 (2) Между Каракоем и Бураком IV. 30. 08 и между Уч-Тюбе и Сарыкулем V. 15 08 № 321 (4) Копальский у. 1909.

«Водится в южной России, Закавказском крае, Туркестане и ближайшей к нему части Монголии и Восточного Туркестана..... В Семиреченской области E. arguta многочисленна; во множестве я находил ее в глинистых степях северного берега Балхаша и значительно реже в песках южного берега; Ал. Шренк доставил в музей Академии Наук экземпляры из алакульских степей, с гор Алатау и окрестностей укрепления Бакты; г. Поляков нашел в Каракумах у р. Джинджили [1] и в Усукае (?) на Ала-куле; в степях Сассык-Алакуля, в Майтереке этот вид находил также Финш; Берг (Елпатьевский 1906) привез с зап. берега Балхаша с низовьев р. Или и р. Курту..... г. Педашенко..... из Пржевальского уезда, Матисен из окр. г. Верного и Пишпека.. ... В нашей коллекции, кроме упомянутых экземпляров Шренка и Полякова, имеются еще из Семиреченской обл.: из степи у подножия Тарбагатая..... Сергиополя, Тышкана....., Алтын-Эмеля..... Верненского уезда, окрестн. Иссык-Куля. Экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909) добыла этих ящериц в долине р. Конурулена в Тянь-Шане, в Копальском уезде; в ущелье Катек [2] в Заилийском Алатау, на зап. берегуИссык-куля, на Ала-куле.....»

Уже из приведенных данных видно, что разноцветная ящурка широко распространена в Семиречье. Действительно, она является здесь одною из самых обыкновенных ящериц, охватывая своим распространением всю область. Конечно, не везде она одинаково обыкновенна, и есть весьма значительные районы, где она вовсе не встречается, но отсутствие ее в этих районах об'ясняется исключительно отсутствием здесь подходящих для нее станций. Наиболее обширным из районов сплошного отсутствия E. arguta являются прибалхашские пески Копальского и Верненского уездов и затем—высокогорные части уездов Пржевальского и, отчасти, Пишпекского. Отсутствие здесь нашей ящерицы является вполне понятным, т. к. ни в песках, ни на высокогорных формациях она вообще совершенно не встречается.

Говоря вообще, E. arguta в Семиречье—типичный житель бедной полынной степи, где она является одним из весьма немногочисленных здесь представителей животного царства. Обыкновенно, как бы бедна ни была флора и фауна такой степи, вы, все-таки, хотя изредка встретите эту ящерицу, даже если из остальных представителей фауны вам не попадется ничего, кроме муравьев и нескольких жуков; нередко в таких местах она является единственным представителем позвоночных на протяжении многих верст пути.

В тех случаях, когда полынная степь оказывается поднятою на большие высоты, как мы это видим, как раз, в некоторых местах Пржевальского и Пишпекского уездов, Eremias arguta оказывается замененною другими видами этого рода—E. multiocellata и E. nikolskii и, таким образом, оказывается, что она не поднимается высоко в горы даже при наличности, казалось бы, вполне подходящих для ее жизни условий. Наибольшая высота, до которой она доходит в Семиречье, это высота Иссык-Куля, т е., приблизительно, около 1800 м. н. у. м. На берега этого озера она проникла, несомненно, через Буамское ущелье и здесь столкнулась со своей родственницей и заместительницей на больших высотах—E. multiocellata.

Следующей станцией, на которой держится наша ящерица, являются солонцы, на которых я встречал ее в изобилии в разных местах Лепсинского уезда, очень богатого солонцовыми пространствами. Так, очень обыкновенна E. arguta по солонцам вдоль берегов Ала-Куля, но попадается она также и

---

[1] Чинжилы.

[2] Вероятно Кастек.

в чистых кокпековых (поросших «кокпеком»—Atriplex canum) солонцах другой части Алакульской равнины, тянущейся от низовьев Тентека в сторону Сергиополя, а также и в солонцах Копальскаго уезда (несомненно, и Верненского).

Таким образом, эта ящерица выбирает для своего жительства, главным образом, суглинистые степи, поросшие полынью (Artemisia maritima), эбелеком (Ceratocarpus) и Poa bulbosa. где она является безусловно характерным представителем фауны, а затем—солонцовые пространства различной степени засоленности, до покрытых выцветами солей и даже небольшими пятнами пухлого слоя включительно, лишь бы почва была достаточно покрыта растительностью, а не представляла больших пятен совершенно голых, лишенных растительного покрова мест. Присутствие в почве или на ее поверхности примеси щебня и гальки не служит препятствием для жизни в таких местах нашей ящерицы, но только до тех пор, пока каменистый характер местности выражен не слишком сильно. Конечно, само собою понятно, что определить точно степень каменистости, с которой еще мирится E. arguta, немыслимо, но во всяком случае, несомненно, что сильно каменистой степи она избегает, уступая место типичной для подобного рода станций такырной круглоголовке (Phr. helioscopus). Само собою понятно также, что, при таких условиях, должны попадаться места, где одновременно встречаются обе эти ящерицы, причем преобладающею формою может быть то одна, то другая. Одним из таких мест, встреченных мною, является каменистая степь на восточном берегу Ала-Куля, где преобладающею формою оказывается круглоголовка, но, сравнительно, не редко попадается и E. arguta.

С другой стороны, по мере изменения характера почвы со стороны механического ее состава в сторону большей легкости и рыхлости, условия опять становятся менее благоприятными для нашей ящурки, и она постепенно исчезает, уступая свое место другому представителю рода—ящурке быстрой, совместно с которой она, обыкновенно, уже не встречается, и только на почвах переходного характера попадается иногда то одна из них, то другая.

На чисто же песчаных местах, где E. velox попадается сплошь да рядом, E. arguta безусловно не держится и даже случайно мне здесь никогда не встречалась.

Таким образом, резюмируя изложенное выше, можно сказать, что E. arguta является типичной жительницей полынных степей с более или менее плотными, т. е. глинистыми или суглинистыми почвами, причем не поднимается с этими степями высоко в горы.

Как на исключения должен указать на два случая встречи мною этой ящерицы в условиях, которые для нее, повидимому, должны были бы явиться неподходящими. В первом случае она найдена (VIII. 25. 14) была в большом количестве на голом песчано-галечном берегу Ала-Куля между устьями Джамантов и Джайпака, причем, в виду полного отсутствия здесь какой бы то ни было растительности, ящерицы в качестве убежища пользовались валявшимися на гальке плитами конгломерата, под которыми они прятались и, одновременно, находили пищу в виде многочисленных уховерток, в свою очередь, являвшихся здесь почти единственными представителями насекомых. При малейшей тревоге гревшиеся на солнце ящерицы, с необычною для этого вида быстротою, скрывались под плитки конгломерата и также быстро прятались, перебегая на противоположную сторону, когда я поднимал эти плиты. Интересно, что на непосредственно прилегающей к этому песчано-галечному берегу полосе песчаных дюн, более или менее заросших крупною солонцовою растительностью, E. arguta не было ни одной, и здесь держались уже E. velox. Следует отметить также, что все добытые здесь E. arguta, соответственно очень темной окраске песка и гальки, образовавшихся из обычных местных сланцев, имели исключительно темную окраску, заметно отличавшую

их от всех остальных ящериц этого вида моей коллекции. Упомяну здесь же кстати об одном экземпляре нашей ящерицы, обладающем настолько интенсивно-темной окраской, что на общем почти черном фоне лишь с трудом можно рассмотреть рисунок; экземпляр этот хранится в Семиреченском Областном Музее и добыт V. 8.09 около сопки Куйген-Тюбе, Верненского уезда.

Второй случай встречи E. arguta тоже в несвойственной ей обстановке имел место (VIII. 29. 14) около того же Ала-Куля, где я нашел ящериц на берегу озера в уроч. Чубар Тюбеке на сыром месте, у самой воды; впрочем, здесь к самому озеру подходили солонцы, из которых, вероятно, ящерицы и выбегали к воде поискать насекомых или напиться.

Во всех остальных случаях встречи E. arguta она попадалась мне только на солонцах и полынной степи.

Что касается периодических явлений в жизни нашей ящерицы, то самое раннее появление ее весною для окрестностей Копала у меня отмечено IV. 14. 10 и еще раньше этого срока, а именно IV. 8 ее встретил Н. В. Ураев в среднем течении Каратала в 1908 году; осенью же они держатся, в зависимости от погоды, до конца сентября и даже до октября; так, в первых числах сентября 1910 г. я встречал их вдоль Или книзу от Илийска еще в достаточном количестве, хотя питаться они в это время должны были, вероятно, одними муравьями, т. к. никаких других насекомых в степи уже не было.

Живя на более плотных почвах, эта ящерица не так резко реагирует на атмосферные осадки, как песчаные виды, и после дождя показывается, как только погода исправится, и земля немного успеет обсохнуть.

Что касается времени размножения E. arguta и числа откладываемых ею яиц, то 1) VI. 12. 15 на р. Чинжиле в Лепсинском уезде были найдены в земле 11 штук яиц этой ящерицы 16×10 m/m, правильной формы, с мягкою оболочкою, заключавших в себе зародышей с уже сформировавшимися ножками, пальцами, хвостом, огромными глазами на безобразно больших размеров голове, но еще без заметной чешуи и с желтком, занимающим в яйцах значительную часть их об'ема; 2) во вскрытой ящерице найдено 4 еще маленьких яйца, около 5 m/m. в диаметре; 3) в ящерице с берегов Иссык-Куля— 4 яйца 11.5×7 m/m.; 4) оттуда же 3 яйца 12×8 m/m.

В конце июля и в августе 1914 и 1915 г.г. в Алакульской долине попадались в изобилии молодые ящерички около 70 m/m. длиною.

Питается E. arguta, конечно, главным образом насекомыми, причем иногда забавно спасается, волоча за крыло какую-нибудь крупную кобылку с от'еденною уже головою и ни за что не желая расстаться с пойманною добычею. А однажды мне пришлось наблюдать, как одна из этих ящериц долго лакомилась сочными кусочками дыни, которые я бросал около палатки, и которые она высасывала один за другим, оставляя выжатую и высосанную ткань. Более подробные данные о составе пищи дало вскрытие нескольких ящериц: 1) оса, остальное—жуки; желудок и кишечник настолько переполнены, что ящерица совершенно раздулась; 2) две кобылки; 3) мокрица, крупный муравей, жук, 2 личинки муравьиного льва, кобылка, какое-то перепончатокрылое; 4) остатки жучков; 5) кобылка, слоник, 2 паука, кокон паука, небольшой жук; 6) жуки и много одинаковых личинок в трубочках; 7) большой паук, кобылка и какие то трудно определимые остатки; 8) 1 гусеница и мелкие жуки; 9) уховертка, многоножка, комар, 3 личинки, много мелких камешков.

В заключение, для иллюстрации того, насколько строго многие виды ящериц придерживаются определенных станций, приведу одну выдержку из путевого дневника. V. 1.09 на общем фоне полынной степи между р. р. Кызыл-Агач и Аксу, Копальского уезда, в одном месте попалось небольшое понижение с влажною почвою и лугового характера флорою, и тут-же, в нескольких шагах от этой луговинки, оказался небольшой участок почти голого такыра; и вот здесь, на протяжении нескольких сот квадратных саженей, были

найдены рядом три вида ящериц, требующих совершенно различных условий для своего существования: Lacerta agilis, Phrynocephalus helioscopus и Eremias arguta, причем все эти ящерицы жили непосредственно рядом одна с другою, но отнюдь не смешивались, и нигде их нельзя было встретить вместе, т. к все они строго придерживались границ свойственных им станций Lacerta agilis пряталась в свежей зелени луговинки, Eremias arguta держалась около кустиков полыни, а круглоголовка, со своею превосходною покровительственною окраскою, никуда не стремилась с почти лишенного растительности такыра.

15. Eremias multiocellata Gnthr. Ящурка глазчатая.

Экземпляры коллекции: № 12 (2) Долина р. Тот-Куй VII. 31. 13. № 13 Тот-Куй VIII. 1. 13. № 14 (2) Каракоюн VIII. 3. 13. № 15 (3). Арпа VIII. 2. 13. № 16 (2) Окр. Нарына VIII. 5. 13. № 99 Каракол, Пишпекск. уез. VII. 7—10. 12. № 111 Окр. Тогуз Торау VII. 26. 13. № 207 (5) Нарын VII. 28. 10. № 234 (4). В. Каракол VII. 13. 13.

«Водится в предгорьях Алтая и Тянь-Шаня, в Монголии, Забайкальском крае, Джунгарии, Восточном Туркестане, китайской провинции Ганьсу, в Цайдаме и Нан-Шане. В нашей коллекции имеются..... 4 экземпляра от г. Куценко из окрестностей озера Иссык-Куль, оттуда же огромное количество экземпляров от г. Педашенко, особенно много их собрано было в урочище Кутемалды; там же нашла их экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909); по словам г.г. Елпатьевского и Сабанеева (1906), в Московском музее имеется один экземпляр описываемого вида из Репетека в Закаспийской обл. и из Гульчи. Нахождение этого вида в Закаспийской области мне, однако, кажется сомнительным.» К перечню русских экземпляров З. М. А. Н. следует добавить еще 2 экземпляра из Нарына от г. Фетисова (№ 9122).

Eremias multiocellata, являясь в Семиречье, вместе с E. nikolskii, обитательницею горных местностей [1], захватывает вместе с последнею своим распространением, в общих чертах, как раз тот район, в котором отсутствуют остальные наши представители рода Eremias, т.-е.—Пржевальский уезд и загорную часть Пишпекского, и только на берегах Иссык-Куля она встречается с пробравшеюся сюда E. arguta. Совершенно не найдена она мною в уездах Лепсинском, Копальском, Джаркентском, Верненском и в низменной части Пишпекского.

В районе же своего распространения она попадалась мне и была обыкновенною во многих местах, по характеру своему напоминающих станции E. arguta, т. е., главным образом, в полынных и полынно-типчаковых степях по широким долинам рек (Арпа, Каракоюн, З. и В. Караколы, Нарын, Джумгал), а также в сухих ущельях и на склонах гор ниже границы леса, т.-е. в местах с еще сравнительно умеренным и в этом районе довольно сухим климатом. Очень обыкновенна она на побережье Иссык-Куля, где в виде исключения, как уже упомянуто, сталкивается с E. arguta, зашедшею сюда через Буамское ущелье.

Попадалась также и в ковыльной степи на Тогуз-Торау и в бедной солянковой по Алабуге, где полынь играла вполне подчиненную роль, а основу растительности, благодаря сильной засоленности почвы, составляли разные солянки. В широкой долине Каракоюна я находил их в чие (Lasiagrostis splendens) на верхней террасе и на каменистой и галечниковой 1-й террасе, а также и внизу, на сенокосе. Точно также в долине Тот-Куя они поднимаются настолько высоко (до 3000 м. н. у. м.), что я нашел их в местах, уже утративших степной характер и носящих скорее, характер луга. Таким образом, в этом отношении они отличаются от E. arguta, которая

[1] В виду этого я вполне разделяю сомнение А. М. Никольского в возможности нахождения E. multiocellata в Закаспийской области, особенно же в Репетеке.

никогда не заходит на местность с зеленою растительностью, носящую луговой характер. Наконец, в горных ущельицах, например, в боковых ответвлениях долины Джумгала, эти ящерицы попадались мне также и среди редких кустарных зарослей.

Что касается высоты обитаемой ими местности над уровнем моря, то следует иметь в виду, что в указанном выше районе обитания E. multiocellata, являющемся целиком горным, нет мест ниже 1500—1700 м. н. у. м. и, следовательно, в Семиречье наша ящерица ниже этих пределов не спускается. Кверху же она идет до той высоты, до которой доходят указанные выше обитаемые ею станции, т. е полынная и ковыльная степи и сухой луг, а т.к. в Пржевальском и Пишпекском уездах даже чистая полынная степь поднимается иногда до высоты 2500 м., а луговые пространства идут еще выше, то и E. multiocellata может быть встречена до высоты не менее 3000 м.

Как уже упомянуто в общей части работы, мною установлен факт несомненного размножения E. multiocellata путем рождения живых детенышей. Правда, процесса появления на свете ящерок я не видел, но, во-первых, у меня есть молодые, родившиеся в неволе во время однодневного отсутствия из дома их владельца, а, во-вторых, вскрытием ряда экземпляров этой ящерицы я нашел, что зародыши внутри организма матери достигают полного развития, как это видно и на приложенной фотографии одной из таких еще не родившихся ящеричек.

Относительно размножения у меня имеется довольно много данных, но, к сожалению, большею частью, без хронологических дат, т. к. записей относительно времени добычи при экземплярах академического музея не сказалось: 1) упомянутые выше молодые, родившиеся в неволе у ящерицы, пойманной в долине Нарына, появились на свет в числе 4 штук, VII. 28,10. 2) VII. 7-10. 12. Долина Каракола Пишпекского у.—3 яйца с совершенно сформировавшимися, до нормальной пигментации включительно, зародышами+1 яйцо без признаков развития, но нормальной величины, видимо неоплодотворенное. 3) № 10580 Пржевальский у. Крошечный экземпляр, всего 72 m/m. длиною—3 яйца 6.5 m/m в диаметре+2 маленьких. 4) № 10579 Пржевальский уезд 7 экземпляров с 2—3 яйцами различной степени развития. 5) № 10580 Пржевальский у.—3 яйца с довольно мало развитыми, но уже хорошо разбираемыми зародышами. 6) № 10580 Пржевальский у.—2 яйца около 8 m/m. в диаметре без заметных признаков развития и третье—совсем маленькое.

Таким образом, мы видим, что E. multiocellata носит в своем организме яица до полного развития молодых, которые, вероятно, и родятся вполне сформировавшимися и готовыми к самостоятельному существованию. Яиц бывает от 2 до 5, но развиваются из них обыкновенно лишь три и только в одном случае мне известно появление на свет четверых молодых. Неоплодотворенные яйца продолжают расти и достигают нормальной величины, как это имеет место у экземпляра с Каракола.

По словам I. E. Неживых, передавшего мне родившихся у него ящеричек вместе с их матерью, молодые с момента появления на свет заметно увеличились в росте, хотя он ничем их не кормил. Размеры ящеричек этого выводка 59—60 m/m., длина же еще неродившегося экземпляра с Каракола—46 m/m.

Что касается пищи E. multiocellata, то вскрытие обнаружило следующее содержимое желудков: 1) муха, маленький муравей; 2) крупный муравей, кокон паука, паук, гусеница, растительные остатки, кокон, много остатков жуков, красный маленький клещик; 3) гусеница, жучек, кобылка, хитиновые остатки; 4) муравей, бабочка, растительные остатки, хитиновые части насекокомых; 5) только побег какого-то растения; 6) 3 крупных крылатых муравья, много тлей и немного хитиновых остатков; 7) 5 муравьев, жук и несколько тлей; 8) тли, муравей, оса, остатки Coleoptera.

По своим повадкам, а именно малой подвижности и, сравнительно, большой доверчивости, E. multiocellata напоминает E. arguta, т. ч. добывать этих ящериц не представляет особых затруднений. Особенно же легко ловить их утром, когда они еще прячутся под камнями, куда забираются на ночь, и когда они, благодаря утреннему холоду иногда даже не пытаются убегать.

Род SCAPTEIRA.

17. Scapteira scripta Str. Скаптейра полосатая.

Экземпляры коллекции: № 160 (2) Аксу, Копальск. у. V. 509. № 182 (2) Между Чит-Баканасом и Караталом V. 27.13. № 190. Между Или и Караталом. Конец IX. 910. № 204. Ниже Илийска V. 2.13. № 208 Копальский у. 1909 № 249 (2) Прибалхашье между Аксу и Караталом V. 17.09. № 301 (3) Балхаш. Начало V. 908.

«Водится в Туркестане и в Восточном Туркестане..... ак. Шренк находил ее на Балхаше, а г. Поляков в Каракумах на р. Джинджили [1] в Семиреченской области; в таблицах Северцова этот вид отмечен для степной зоны Семиречья; в Британском музее имеется экземпляр с р. Лепсы; в нашем музее имеются экземпляры..... с берега оз. Балхаша, пустыни Каракум близ р. Джинджили, степи близ р. Лепсы».

Таким образом, по литературным данным, восточная граница распространения полосатой скаптейры в Семиречье находится в Лепсинском уезде, в западной части Алакульской долины, но мне она здесь не попадалась, и дальше Баскана я ее не находил, т. ч., повидимому, к востоку от последнего она становится уже крайне редкою.

Общий район ее распространения, таким образом, совпадал бы с районом распространения Sc. grammica, если бы она не пред'являла к природным условиям каких-то особых, мне непонятных требований и не отсутствовала иногда в таких местах, где есть Sc. grammica и где, повидимому, должна была бы встречаться и она. В дневниках моих поездок несколько раз попадаются отметки о том, что в том или другом месте почему-то вовсе не видно этой ящерицы, тогда как Sc. grammica вполне обыкновенна.

Так, из района распространения последней, повидимому, приходится исключить обширные песчаные пространства по Или в Джаркентском уезде в окрестностях Дубуна, где Scapteira scripta мне ни разу не попалась, несмотря на то, что здесь живут и Sc. grammica, и Phrynocephalus mystaceus, и Phr. caudivolvulus и даже Agama sanguinolenta, т. е. все типичные обитатели песков Семиречья, кроме одной Scapteira scripta.

Затем такие-же отметки об отсутствии полосатой скаптейры имеются у меня относительно песков вдоль нижнего течения Или (наприм. около мог. Байоттё—Богуты), где она перестала мне попадаться, приблизительно, начиная от гор Кулан Басы книзу, тогда как была довольно обыкновенна между этими последними и Илийском.

Этими данными определяется район обитания нашей ящерицы в Семиречье: она живет, вообще говоря, в полосе настоящих песков, за исключением, повидимому, песков Джаркентского уезда и затем—некоторых отдельных мест на остальном пространстве песчаного района и, таким образом, совершенно отсутствует в Пржевальском, Джаркентском и, вероятно, Пишпекском уездах; занимает, сравнительно, небольшую площадь в Верненском; крайне редка в Лепсинском и вполне обыкновенна среди обширных песков Копальского уезда.

Будучи, подобно Sc. grammica, типичным песчаным видом, Sc. scripta, однако, требует для жизни несколько иной обстановки, чем та, и выбирает

[1] Чинжилы.

в песках преимущественно такие места, которых избегает Sc. grammica, а именно—она не нуждается в кустарных зарослях и песчаных барханах и охотно селится на слабо волнистых и даже более или менее ровных песках, более или менее густо поросших травянистою или полукустарною песчаною флорою, как тескен (Eurotia ceratoides), изень (Kochia arenaria), джусан (Artemisia Scoparia), ак-таспа (Astragalus Ammodendron), теке-сакал (Dodartia orientalis), Eremurus anisopterus, Carex physodes, Astragalus longiflorus и др. Здесь эта необыкновенно изящная и, безусловно, самая проворная и ловкая из наших ящериц с изумительными быстротою и искусством скрывается от преследования, иногда исчезая из глаз так быстро, что не успеваешь заметить даже направления, в каком она скрылась. Мне случалось, осторожно и медленно приближаясь, поднести руку к сидящей на песке ящерице на растояние $^1/_4$ аршина, и когда я затем быстрым движением опускал руку на песок, иногда оказывалось, что скаптейра все-таки, успела исчезнуть, причем я даже не имел понятия—в какую сторону. Из всех наших ящериц труднее всего добыть, именно, эту.

Размножается Sc. scripta, вероятно, очень слабо, т. к. в двух вскрытых мною самках я нашел всего лишь по одному яйцу, причем в одном случае яйцо было уже крупных размеров, в другом же—значительно менее развито; обе эти ящерицы были пойманы V. 17.09 в Прибалхашье, Копальского уезда. Маленькие скаптейры мне как то ни разу не попадались. Молодые скаптейры, добытые мною в Копальском уезде, имели следующие размеры: 1) V. 5.09—90 m/m; 2) VIII. 1—12.16—85 m/m.

Результаты вскрытия желудков: 1) немного остатков муравьев, 2) 4 комара, 3) 5 тлей, столько же мелких мух, остатки насекомых и мельчайшие песчинки. 4) остатки жука, 5) остатки кобылки, 6) 17 комаров и 4 тли.

18. Scapteira grammica (Licht). Скаптейра сетчатая.

Экземпляры коллекции: № 118 (2) Между Кызыл-Агачем и Аксу V. 2.09. № 140 Копальский у. 1910. № 157 Муюн-Кум, Верненский у. VII. 8.07. № 158 Ур. Джангыз-Туранга, Копальск. у. V. 2.08. № 159 (2) Балхаш V. 7.08. № 183 Между Чит Баканасом и Караталом У. 27.13 № 185 (6) Копальский у. 1909. № 218. Между Кок-Узеком и Корс Баканасом V. 18—20. 13.

«Водится в Арало-Каспийских степях и в Семиречье.... в Семиреченской области ее находил акад. Шренк по р. Или и Балхашу (Strauch 1867), г. Поляков в Каракумах у р. Джинджили (Никольский 1887), Л. С. Берг в урочище Малай Кудук по левому берегу р. Или к сев. от р. Курту (Елпатьевский 1903), проф. Сапожников в урочище Кангай, Копальского уезда и на станции Илийской (Кащенко 1909). В нашей коллекции имеются экземпляры..... с берегов озера Балхаша, пустыни Кара-кум у р. Джинджили, пустыни по р. Лепсе и р. Или у Борохудзирской переправы».

Наша большая скаптейра, как об этом можно сразу заключить даже по ее окраске, является типичнейшею жительницею песков. Наличностью настоящих глубоких песков обусловливается присутствие в данной местности этой ящерицы, и вне их она никогда не попадается, и таким образом, приблизительно уже определяется распространение ее в Семиречье: безусловно отсутствует она в Пржевальском уезде и, по моим наблюдениям, более или менее обыкновенна во всех остальных—всюду, где встречает подходящие для себя условия, исключая Лепсинского уезда, где мне она не попадалась. Впрочем, по приведенным выше данным, заимствованным из «Фауны России» в Лепсинском уезде она тоже имеется и, вероятно, здесь, где-нибудь в средней части уезда, встречает северо-восточную границу своего распространения

в области. Думаю, что в Лепсинском уезде она не должна быть особенно обыкновенной, т. к. мне не попалась ни на Лепсе, ни на Чинжиле (Джинджили).

Любимым местом жительства этой скаптейры являются глубокие волнистые пески, поросшие редкою травянистою растительностью, в том числе типичным песчаным злаком «селеу» (Aristida) и кустиками саксаула (Arthrophytum acutifolium), дюзгёна (Calligonum), куян-сюёка (Ammodendron Siewersi), ак-тыкена (Atraphaxis) и джингыла (Tamarix). Песков ровных, заросших одною травянистою или невысокою полукустарною растительностью, как тереskен (Eurotia ceratoides), изень (Kochia), джусан (Artemisia Scoparia) и т. п. она, по возможности, избегает, а на совершенно лишенных растительности барханах сыпучего песка вовсе не встречается, т. к. в случае опасности привыкла прятаться под кустами, где устраивает и свои норки. Сетчатая скаптейра принадлежит к числу самых ловких и проворных наших ящериц, уступая в этом отношении только своей родственнице—полосатой скаптейре, т. ч. ловить ее представляет весьма неблагодарный труд, и иногда приходится долго промучиться прежде, чем поймаешь хоть одну.

Записей относительно появления нашей ящерицы весною у меня не имеется, осенью же она иногда держится очень долго, и я ловил ее в Копальском уезде еще в первых числах октября (X. 4. 10) после 6½ градусных ночных морозов.

У самки, пойманной V. 2. 09 в Копальском уезде, яичник был сильно развит, но заметных яиц еще не было; в другой же (без точной даты) оказалось 2 крупных яйца 13×9 m/m.

Содержание желудков: 1) 4 гусеницы, комок слипшихся песчинок, остатки скорпиона, 2) гусеница, крупная личинка жук, 3) муравей, плод какого-то растения, 4) паук, жук, 2 гусеницы, много тлей, 5) 2 жука.

19. Scapteira grum-grzimailoi Bedr. Скаптейра Грум-Гржимайла.

Экземпляры коллекции: № 143 Копальский у. 1910. № 161. Между Джанашем и Аксу V. 2. 09.

«Я. В. Бедряга описал этот вид по экземпляру из Ак-Кургана на Аму-Дарье на зап. от Бухары. Впоследствии г. г. Елпатьевский и Сабанеев (1906) указывают его для Кушки в Закаспийской обл.; Н. А. Зарудный нашел его в Термезе, Кокайты-Баше и Ходжа-Мильне в восточной Бухаре (Никольский 1911); г. Павловский привез ее в наш музей из Репетека, а г. Молчанов в большом количестве из отдельных гор, разбросанных в устье реки Аму-Дарьи».

Каких-либо более подробных данных о распространении в Семиречье этой ящерицы мне собрать не пришлось, т. к. я своевременно не отличал ее и не обращал на нее соответственного внимания. И только при обработке коллекции я наткнулся на два экземпляра этого вида, повидимому, принятых мною при поимке за полувзрослых Er. velox, которых они на первый взгляд, действительно, довольно сильно напоминают.

Один из этих экземпляров пойман V. 2. 09 в песках между Джанашем и Аксу, в Копальском уезде, а другой не имеет точной даты и пойман летом 1910 г. где-то в том же Копальском у. Первый экземпляр не имеет вовсе зернышек вокруг надглазничных щитков, у второго же зернышки образуют полное кольцо, как в описании, данном в «Фауне России».

В виду того, что до сих пор Sc. grum-grzimailoi была известна только для значительно более к югу и западу расположенных мест, находка ее в Семиречье, да еще в Копальском уезде, представляет известный интерес, т. к. очень сильно расширяет область распространения этого вида.

Кроме упомянутых выше экземпляров моей коллекции я имел в руках еще один семиреченский экземпляр этой ящерицы, добытый VI. 22. 07 в Верненском уезде и хранящийся в Семиреченском Областном Музее.

Вскрытие этого экземпляра обнаружило в яйцеводах 2 небольших (5m/m. в диаметре) яйца, а в желудке—пауков, клопа, комаров, личинку муравьиного льва и еще какие-то трудно определимые остатки.

Сем. SCINCIDAE.

Род ABLEPHARUS.

20. Ablepharus alaicus. Elp. Аблефар или гологлаз алайский.

Экземпляры коллекции: № 97 (3) З. Каракол VII. 17. 13. № 213 Окр. Верного VIII. 912. № 242. Теплые ключи по В. Алматинке VII. 27. 07. № 243. Горы около р. Темерлик VI. 28. 12. № 236 (7) Б. Каракол VII. 13. 13.

«Водится в Алайских горах и в Тянь-Шане..... мы получили этот вид от г. Куценко из Кизыл-Белеса близ Иссык-Куля...; Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) привез из г. Верного..... Экспедиция проф. Сапожникова привезла этот вид из нескольких мест Пржевальского уезда»....

Всех имеющихся у меня в коллекции ящериц р. Ablepharus, за исключением одной, я отношу, именно, к этому виду по основаниям, на которых приходится остановиться более подробно.

Для определения аблефаров мне, естественно, пришлось обратиться к определительной таблице, даваемой А. М. Никольским в «Фауне России», при чем с первых же строк пришлось убедиться, что определять по этой таблице, не имея перед собою для сравнения достаточного материала, в виде соответственной коллекции, совершенно немыслимо.

С целью более или менее разобраться во всей путанице, с которой мне пришлось столкнуться при попытке пользоваться таблицею, я должен был обратиться к просмотру богатого материала З. М. А. Н. по роду Ablepharus.

Сперва я тщательно просмотрел 89 экземпляров, результаты просмотра которых сгруппированы в помещенной ниже табличке и которые принадлежат (для музейских экземпляров я принимаю определения А. М. Никольского) к следующим видам: Abl. bivittatus, Abl. alaicus, Abl. deserti, Abl. brandti, Abl. kucenkoi и Abl. tenuis; а затем дополнительно исследовал еще 167 экземпляров Abl. deserti из числа огромного количества доставленных Руссовым из Чиназа. Этот дополнительный просмотр дал особенно наглядную картину, т. к. показал, что целых 12% экземпляров этих ящериц обладают теми или другими уклонениями от нормы, указанными ниже, в статье об Abl. deserti, иногда, казалось бы, довольно существенными и, во всяком случае, совершенно не подходящими под данные определительной таблицы.

Для детального просмотра мною были взяты, кроме моих экземпляров и экземпляров Abl. deserti, собранных в этом году С. Ф. Царевским, следующие экземпляры Зоол. Музея (список по определениям А. М. Никольского):

Ableph.	bivittatus	№№ 565, 566, 567, 6522, 564, 5036, 10703 и 10542
«	deserti	5198, 8195 и 8570
«	alaicus	9427
«	kucenkoi	9542, 10423, 10424, 10539 10540 и 10541
«	brandti	2414, 2415, 10188, 10189, 10197, 10209, 10210, 10211 и 10208.
«	tenuis	10531.

Возвращаясь к определительной таблице в «Фауне России» и пробуя ею пользоваться, мы сразу же убедимся, что если первое и второе подразделение на группы, основанные на характере лоботемянного щитка и на положении надглазничного по отношению к глазу еще оказывается правильными, то уже следующее затем подразделение (B и B_2), основанное на числе верхнересничных щитков, оказывается правильным и применимым далеко не всегда. Так, один из экземпляров Зоол. Музея (№10424), определенный А. М. Никольским как Abl. kucenkoi и под этим названием упоминаемый в «Фауне России», на одной стороне имеет 5 щитков, на другой же лишь 4, но и ряд, состоящий из 5 щитков оказывается прерванным посредине, т. ч. надглазничные касаются кольца зернышек, чего не должно было бы быть у представителя группы B; вместе с тем, экземпляр этот, определенный А. М. Никольским за Abl. kucenkoi и, таким образом, относимый им к группе B_2, не подходит и к последней, т. к. верхнересничных у него не три, а больше.

Далее, среди несомненных Abl. deserti, привезенных С. Ѳ. Царевским, есть 1 экземпляр, у которого на одной стороне верхнересничных 5, а на другой—всего 4, и такой же экземпляр попался мне среди экземпляров Зоол. Музея; точно также среди моих Abl. alaicus (т. е. принадлежащих к группе B_2) из Семиречья есть как такие, у которых верхнересничных два и три, так и такие, у которых можно рассмотреть по 4 соответственных щитка с каждой стороны.

Таким образом, даже этот, как будто бы, наиболее стойкий признак при большем количестве материала становится не вполне надежным.

Но уже следующее подразделение (C и C_2) на виды, у которых предлобные щитки не касаются друг друга (Abl. deserti и Abl. bivittatus) и такие, у которых эти щитки соединены швом (Abl. tenuis), является окончательно непригодным, т. к. дальше, в описании Abl. bivittatus, совершенно правильно говорится, что у этого вида предлобные не только **касаются** друг друга, но даже соединяются длинным швом, равным длине лобоносового щитка; между тем, присутствие такого шва является единственным отличительным признаком, даваемым в таблице для якобы особого вида, описанного А. М. Никольским под именем Abl. tenuis (по одному экземпляру из окрестн. Верного). Замечу, что и у Abl. bivittatus этот шов имеется в большинстве случаев, но не всегда, а из помещенной ниже таблички будет видно, что признак этот вообще ни у одного вида ни малейшим постоянством не отличается.

Точно также не может служить отличительным признаком и число расширенных в ногтевидную чешуйку зернышек в окружающем глаз кольце, т. к. даже на небольшом материале весьма не трудно убедиться, что этот признак не является сколько-нибудь существенным, т. к. у **всех** видов можно найти экземпляры с различным числом таких ногтевидных чешуек, причем часто число это не одинаково на обоих глазах, т. ч. если при определении мы будем смотреть на ящерицу с правой стороны, то получим Abl. alaicus, а определение по левому глазу даст Abl. kucenkoi.

Мало того, вскрытием беременных самок мне удалось установить, что число чешуек бывает различным у отдельных зародышей, причем иногда ни у одного из них не совпадает с числом чешуек у матери. Так, у одного из Abl. alaicus с Иссык-Куля (№ 6765, неправильно определенного как Abl. deserti) чешуек 2 и $2^1/_2$ (т. е. третья такой величины, что трудно решить, считать ли ее за третью чешуйку или же за зернышко), у зародышей же их 2—2, 2—3, 3—2 и 3—$2^1/_2$. Во втором случае у матери чешуек 3—3, а у зародышей 3—3 и 2—3.

Сказанного, мне кажется, уже достаточно для того, чтобы увидеть, что определительная таблица, данная в «Фауне России» для рода Ablepharus, совершенно не пригодна для определения этих ящериц.

Однако, чтобы покончить с вопросом систематического характера я хочу сказать несколько слов еще о двух описанных А. М. Никольским видах р. Ablepharus—Abl. kucenkoi и Abl. tenuis—т. к. оба эти вида описаны по экземплярам из Семиречья и представляются, как бы, эндемичными для последнего, т. к. из других мест экземпляров этих видов не известно.

Что касается первого из них, то все указываемые А. М. Никольским отличия его от Abl. alaicus, в действительности, совершенно не существуют, т. к. первый из признаков—существование некоторого промежутка между предлобными, занятого внедряющимся сюда лобным щитком— и в действительности и согласно описанию Abl. alaicus, данному в «Ф. Р.» самим А. М. Никольским, точно также сплошь да рядом имеет место и у этого вида; следующий признак—3 крупных чешуйки над глазом в кольце зернышек у Abl. kucenkoi вместо 2 таких чешуек у Abl. alaicus, как видно из выше приведенных данных, отпадает сам собою, точно так же, как отпадает и последний признак—якобы значительно более короткие ноги, т. к такие же, а иногда и еще более короткие, чем у осмотренного мною типичного экземпляра Abl. kucenkoi, ноги сплошь да рядом мы можем встретить и у Abl. alaicus. Здесь же можно добавить, что у упомянутого в «Ф. Р» экземпляра Зоол. Музея № 10424 расположены на одной стороне головы 4 верхнересничных, а на другой даже 5, вместо трех и что по этому признаку (5 верхнересн.) этот экземпляр приближается скорее к Abl. bivittatus.

Ablepharus tenuis описан по единственному известному экземпляру, в действительности представляющему из себя обыкновенного Ablepharus deserti с несколько поврежденною—вероятно, придавленною ногою при поимке—головою, и все отличия от последнего, приводимые А. М. Никольским, исчезают, как только мы возьмем для сравнения более или менее хорошую серию Abl. deserti.

В самом деле, даже главное отличие—существование шва между предлобными, как уже упоминалось выше, в действительности, никакого значения не имеет, т. к. сравнительно не редко наблюдается и у Abl. deserti; из надглазничных щитков 1-й больше 2-го в длину и меньше в ширину, как у Abl. deserti; вытянутые навстречу ноги у Abl. tenuis не доходят друг до друга на довольно значительное расстояние, но длина ног у ящериц р. Ablepharus настолько непостоянна, что А. М. Никольский сам обращает на это обстоятельство особое внимание (стр. 494), высказывая оказавшееся совершенно верным предположение, что факт изменения относительной длины ног, установленный им у Abl. bivittatus, должен иметь место у всех видов этого рода. Следующий отличительный признак—отношение наибольшей ширины головы к расстоянию от конца морды до заднепроходного отверстия, равное, по Никольскому, у Abl. tenuis $^1/_{8.5}$, а у Abl. deserti $^1/_{6.5}$, в действительности тоже отпадает, т. к у типичнейших Abl. deserti из Чиназа от Руссова я находил его равным $^1/_9$ и даже $^1/_{10}$; то же можно сказать и о киле на пальцах задних ног у Abl. tenuis и о меньших размерах ушного отверстия, т. к. у тех же чиназских Abl. deserti мне попадались ушные отверстия относительно даже меньшие, чем у Abl. tenuis, причем не следует забывать, что последний представляет из себя дефектный экземпляр, т. ч. о нормальных размерах ушного отверстия у него мы можем делать только предположения; точно также среди чиназских аблефаров мне попадались такие, которые ничем не отличались по устройству пальцев от типа Abl. tenuis.

В виду изложенного выше, я прихожу к выводу о необходимости отнести оба эти в свое время описанные А. М. Никольским, а ныне приводи-

мые им в «Фауне России» для Семиречья вида в число синонимов, причем Ablepharus tenuis Nik. является синонимом Ablepharus deserti Str., а Ablepharus kucenkoi Nik. есть не что иное, как Ablepharus alaicus Elp.

Вообще же, пересмотрев большое количество экземпляров русских представителей р. Ablepharus, я пришел к убеждению, что описывать новые виды этого рода по одному экземпляру совершенно немыслимо, т. к. колебания в большинстве признаков настолько велики, что я не буду удивлен, если, по мере накопления материала, попадутся экземпляры, которые вызовут сомнение даже в основательности ныне существующего подразделения на две основные группы—с одним цельным и с двойным, то-есть разделенным на правую и левую половины лоботемянным щитком. Да уже и на экземпляре, описанном под именем Abl. persicus заметно как бы начало перехода от одной из этих групп к другой, так как у него имеются хорошо заметные продольные надрезы и на переднем и на заднем концах лоботеменного щитка, как-бы намечающие разделение его на два.

Добавлю, что и этот единственный известный экземпляр Ablepharus persicus Nik. я тоже не считаю особым видом, а вижу в нем обыкновенного Abl. brandti Str., так как отличительные признаки, в виде соприкасания между предлобными и более длинных ног, входят в ту же категорию обычных в роде Ablepharus аномалий.

Приведенный ниже, в статье об Abl, deserti, материал покажет, насколько разнообразны те уклонения от нормы, которые мы встречаем у этого вида, и как легко по отдельным экземплярам сбора Руссова можно было бы описать целый ряд хороших новых видов.

Насколько шатки признаки, взятые А. М. Никольским в основу при описании им обоих названных видов, можно судить хотя-бы по тому, что у целого ряда экземпляров рода Ablepharus, побывавших у него в руках, определенных им и перечисленных в списке экземпляров Музея Академии, подчас совершенно отсутствуют те самые отличительные признаки, на основании которых был выделен тот или другой вид. Так, у одного из экземпляров, приведенных под № 10539 в статье об Abl. kucenkoi предлобные щитки с х о д я т с я, у другого вполне свободно сходятся передние ноги с задними, у третьего ногтевидных чешуек над глазами по 2, у четвертого их над одним глазом 2, а над другим 3; у № 10540 и чешуек по 2 и ноги сходятся, у № 10423 чешуек по 2, у другого под этим же № чешуек всего по 1; у № 10424 предлобные почти сходятся, чешуек над одним глазом 2, а над другим—сомнительное число; кроме того, у этого экземпляра, как уже сказано выше, верхнересничных не по 3, а 4 и 5.

Не могу обойти молчанием и того факта, что в списках экземпляров некоторых других видов часто оказываются экземпляры, явно неверно определенные и потому показанные совсем не там, где им следует быть.

Так, под №№ 6753, 6765, 8570 и 8195 показаны Abl. deserti, тогда как в действительности это—Abl. alaicus, который даже по характеру окраски резко отличается от Abl. deserti. Под № 10542 показаны Abl bivittatus, тогда как на самом деле это—те же Abl. alaicus, если признавать выделение этого вида, сделанное Елпатьевским, ибо у них тоже по 3 верхнересничных, а не по 5, как должно быть у Abl. bivittatus.

Для лучшей иллюстрации сказанного выше о непостоянстве признаков, положенных в основу выделения новых видов, я составил приводимую здесь табличку, в которой показаны колебания этих признаков у целого ряда видов, при чем распределение по видам для экземпляров Зоол. Музея я оставляю такое, какое им дано в «Фауне России».

Название вида	Ablepharus bivittatus	Ablepharus alaicus	Ablepharus deserti	Ablepharus brandti	Ablepharus kucenkoi	Ablepharus tenuis
Число просмотренных экземпляров . .	13	16	30	19	10	1
Предлобные щитки сходятся, то есть касаются друг друга . . .	10	5	5	2	1	1
Предлобные не сходятся, будучи разделены лобным	3	11	25	17	9	
Передние ноги сходятся с задними . .	8	12	5	3	2	
Ноги более или менее далеко не доходят друг до друга	5	4	25	16	8	1
Ногтевидных чешуек в кольце вокруг глаз 1—1		1	24		1	1
2—2	3	9	3	14	3	
3—3	7	1			3	
1—2		2	1	2		
1-3		1	1	2		
2—3	2	2	1	1	3	

Цифры, сгруппированные в этой таблице, показывают насколько пестрый характер имеют данные, касающиеся интересующего нас вопроса. И хотя мы на основании этих данных можем сказать, что, напр., у Abl. deserti в преобладающем большинстве случаев имеет место отсутствие соприкасания между предлобными, существование значительного расстояния между передними и задними ногами и присутствие всего лишь по одной ногтевидной чешуйке в кольце над каждым глазом, у Abl. alaicus того же рода преобладание в соотношении между предлобными выражено не так резко, соотношение между передними и задними ногами наблюдается обратное, а принимаемое для этого вида за типичный признак число ногтевидных чешуек встречается всего немного более, чем в половине случаев,—но, тем не менее, мы должны видеть, что изменение любого из этих признаков не может служить основанием для выделения экземпляра с таким измененным признаком в качестве нового вида, а, наоборот, дает только лишний материал для доказательства изменчивости данного признака и отсутствия возможности класть его в основу для каких-либо разделений на виды или иные категории.

Мне кажется ясным до очевидности, что раз из 5 видов, взятых для сравнения и составляющих собою почти всю совокупность русских видов данного рода, мы не находим ни одного, у которого данный признак являлся бы постоянным, всякое описание нового вида опирающееся на этот признак, должно рушиться само собою, а к таким, именно признакам, как мы видим, относятся все те, на которых основано выделение A. kucenkoi и A. tenuis.

Раз упомянув выше о характере окраски у Ablepharus, я должен сказать, что у наших ящериц этого рода замечается всего два типа окраски,

которые различаются весьма резко на первый же взгляд. Один тип свойственен Abl. deserti, Abl. brandti, (и A. persicus) и A. pannonicus, другой же мы видим у Abl alaicus и Abl. bivittatus. Окраска ящериц последней группы характеризуется присутствием по верхней стороне тела более или менее многочисленных очень коротких продольных черточек беловатого цвета, иногда в своей совокупности образующих более или менее ясно выраженные светлые полосы, иногда же расположенных настолько редко, что слияния их в полосы не наблюдается. Но, во всяком случае, в том или ином числе, эти черточки всегда имеются налицо, тогда как у ящериц типа A. deserti они совершенно отсутствуют, или бывают заметны только на хвосте (особенно регенерировавшем), и окраска спины бывает совершенно однородною.

На основании присутствия или отсутствия названных черточек я нахожу очень удобным разделить всех описанных в «Фауне России» ящериц р. Ablepharus на две группы: I—с окраской типа A. deserti и II—с окраской типа A. alaicus, у которого она выражена особенно хорошо.

Руководствуясь этим подразделением и наиболее постоянными из признаков, предложенных А. М. Никольским, я составил следующую табличку для определения русских видов р. Ablepharus.

I. Окраска спины без мелких вытянутых в линии продольных беловатых черточек.

A. Кольцо зернышек, опоясывающих глаз, цельное; первый надглазничный щиток не касается глаза.

B. Лоботеменной щиток двойной, то-есть разбит на правую и левую половины.

A. deserti Str.

B_2. Лоботеменной щиток один, цельный.

A. brandti Str.

A_2. Кольцо зернышек, опоясывающих глаз, сверху прервано; первый надглазничный касается глаза.

A. pannonicus Fitz.

II. На спине имеются более или менее многочисленные, вытянутые в линии, короткие продольные черточки беловатого цвета, иногда почти сливающиеся в ясно выраженные светлые полоски.

C. Верхнересничных щитков не менее 5.

A. bivittatus Men.

C_2. Верхнересничных щитков 3.

A. alaicus Elp.

Покончив на этом с отступлением в область чистой систематики, в которой я, в силу указанных обстоятельств, по необходимости, должен был покопаться, раз причявшись за обработку собранных материалов, возвращусь к моим семиреченским Ablepharus alaicus.

Как видно из списка экземпляров коллекции, почти все находки приурочены или к окрестностям Верного или к Пржевальскому и Пишпекскому уездам, и ни одного экземпляра нет из Копальского и Лепсинского уездов, к которым, между тем, относится большая часть моих герпетологических сборов. Просмотрев, по проверке определений, экземляры З. М. А. Н., я убедился, что и среди них нет таких, которые давали бы что-нибудь новое по своим местонахождениям, так как все они происходят или из окрестностей Иссык-Куля, или из Верненского и Пишпекского уездов.

Об'ясняется это тем обстоятельством, что в Семиречье ящерицы рода Ablepharus проникли, несомненно, из Ферганской и Сыр-Дарьинской областей, причем основались в горном районе, не спускаясь в низменности. Благодаря этому, являясь довольно обыкновенными, а кое-где даже и многочисленными в юго-западной части области, они становятся довольно редкими уже в окрестностях Верного, очень редкими в Джаркентском уезде (я встре-

тил лишь однажды) и, повидимому, совершенно отсутствуют в обоих северных уездах.

Что касается станций, избираемых Abl. alaicus в Семиречье, то относительно моих экземпляров из окрестностей Верного у меня есть данные только относительно одного, который был пойман в комнатах, будучи внесен сюда из сада вместе с соломою для упаковки (о таких условиях добычи аблефаров уже есть указания в литературе). Экземпляр из Джаркентского уезда пойман на сухом, сильно каменистом, пологом склоне гор около Темерлика, что же касается моих экземпляров из Пишпекского уезда, то они все пойманы на дне горных долин В. и З. Караколов, на довольно значительной высоте н. у. м. (до 2800 м.), и здесь эти ящерицы держались в большом количестве частью среди заросших травого каменных осыпей у берега реки и на склонах (В. Каракол), частью же просто в зарослях крупной и сочной, но неособенно густой луговой растительности на сыроватых местах (З. Каракол). На сухие, степного характера террасы долины, где таковые имелись, ящерицы не поднимались, придерживаясь ближайшего соседства с рекою. Должен заметить, что долины обоих названных Караколов почему-то оказались каким-то Эльдорадо для этих ящериц, так как больше нигде в той же загорной части Пишпекского уезда я не встречал их в таком количестве.

Особенною быстротою движений ящерицы не отличались, но нельзя было их назвать и мало подвижными, а так как, при этом, их спасению способствовало присутствие в населенных ими местностях большого количества крупных камней, собранных в виде куч и осыпей, да еще к тому же хотя и травянистой, но хорошей растительности, то ловля их представляла большие затруднения и была почти невозможна без посторонней помощи.

При этом ящерицы оказались довольно пугливыми и не подпускали к себе близко, так что все добытые были пойманы после того, как они успевали скрытья под камнями и затем были вторично обнаружены путем разборки куч камней, причем за некоторыми экземплярами пришлось погоняться довольно долго, так как они при поднимании камня часто успевали удрать раньше, чем их удавалось схватить.

Те же экземпляры, которые на З. Караколе были встречены в месте, почти лишенном камней, добывались без особого труда. В горы A. alaicus поднимается не менее, чем до 3 т. м. н. у. м.

Самый маленький экземпляр моей коллекции, достигающий всего 50 m/m. длины, добыт на Темерлике VI. 28. 12.

Как уже говорилось в общей части работы, мне удалось установить у Ablepharus alaicus факт полного развития зародышей еще в организме матери, так что эта ящерица, наравне с Eremias multiocellata, должна принадлежать к числу живородящих.

Приведу здесь все имеющиеся у меня данные, полученные путем вскрытия беременных самок, так как таким образом выясняется как вопрос о времени размножения в Семиречье этой ящерицы, так и вопрос о числе рождаемых молодых, их размерах и др.

1) Пишпек	VI. 905.	3 яйца с мало развитыми зародышами и 1 без признаков развития, вероятно, неоплодотворенное.
2) Пржевальск	1906.	4 яйца со средней величины зародышами.
3) »	»	5 яиц с такими же зародышами.
4) Талгар	1881.	4 яйца с совершенно большими, уже нормально пигментированными зародышами; хорошо заметны даже белые черточки. Длина зародышей 44 m/m.
5) »	»	3 яйца с большими уже тоже пигментированными зародышами, но еще без заметных белых черточек. Длина зародышей 38 m/m.

6) З. Каракол VII 17. 13. 5 яиц с хорошо развитыми зародышами, но покрытыми еще мягкою и белою, не пигментированною чешуею. Длина – около 32 m/m.

7) В. Каракол VII. 13.13. 2 яйца с немного менее развитыми, но все-таки хорошо сформировавшимися зародышами около 30 m/m. длиною.

8) » » » » » 3 яйца с более слабо сформировавшимися зародышами, у которых чешуя еще плохо заметна. Длина—около 28 m/m.

Таким образом, мы видим, что число рождаемых Abl. deserti молодых колеблется между 2 и 5, причем время появления их на свет, вероятно, в значительной степени в зависимости от высоты местности над уровнем моря, приходится на разные числа июля месяца, а иногда, может быть, и на конец июня. Состав пищи нашей ящерицы виден из следующих записей: 1) много тлей, муха из сем. Asilidae, гусеница, бабочка; 2) 3 тли, овод, мушка; 3) целая зоологическая коллекция—2 моллюска (Pupa и ?), 2 личинки, 2 мухи, личинка кобылки, личинка какого-то двукрылого, 3 гусеницы, 2 яйца, червяк, поденка, 2 цикадки и еще какие-то неопределимые, частью хитиновые остатки; 4) 7 мух маленьких, личинка кобылки, комар и раковина моллюска.

21 Ablepharus deserti Str. Аблефар пустынный.

Экземпляры коллекции: № 224 Окр. Чортова Моста на р. Нарын VII. 30.13.

«Водится в пределах Турана на восток до Семиреченской области включительно..... в нашем музее имеются эти ящерицы..... из Семиреченской области из Верненского уезда и из Кизыл-Белеса Пржевальского уезда».

В списке экземпляров Зоол. Музея неправильно помещены №№ 6753 и 6765, т. к. в действительности, это не Abl. deserti, а Abl. alaicus, и только два семиреченских экземпляра в Музее принадлежат к этому виду: № 9523 из Кизыл-Белеса Пржевальского уезда и № 10538 из Токмака Пишпекского уезда.

Ни одного экземпляра этой ящерицы не оказалось в Семиреченском Областном Музее, т. ч. не подлежит сомнению, что она в Семиречье довольно редка. Мне она попадалась только в Пишпекском и Пржевальском уездах, в пограничном между ними районе, вдоль течения р. Нарына, ниже устья р. Алабуги, причем везде—в небольшом количестве. Держалась среди сухой полынной или ковыльной волнистой степи преимущественно по ложкам и сухим руслам ручьев, в таких местах, где растительность получше, есть мелкие кустики и попадаются камни. Высота над уровнем моря мест, где я ее встречал—около 1500 метров.

Единственный экземпляр моей коллекции имеет очень правильно раздвоенный на конце хвост и лишен одной из передних ног. Здесь, пожалуй, кстати будет отметить одну особенность, сопровождающую регенерацию хвоста у одноцветных Abl. deserti и Abl. brandti, заключающуюся в том, что на отросшем хвосте всегда бывают хорошо выражены упомянутые выше, в статье об Abl. alaicus, светлые продольные черточки, нормально отсутствующие у названных двух видов.

Раз коснувшись уклонений от нормы, я приведу здесь перечень тех аномалий, которые найдены мною у целого ряда Ablepharus deserti, доставленных Руссовым из Чиназа. Всего этих ящериц доставлено Руссовым огромное количество, и мною просмотрена лишь незначительная часть материала, но и этой части оказалось достаточно для получения приводимых ниже результатов просмотра:

1) 3 сильно развитых темных полосы на спине, с белыми пятнышками между ними (но не черточками)

2) лобоносовый, предлобные и лобный сходятся в одной точке

3) лобный сросся с правым предлобным
4) 3 предлобных
5) 2—2 ногтевидных чешуйки; лобный снизу с надрезом
6) лобный разделен поперек на два
7) как № 2
8) лобный особой неправильной формы
9) как № 2
10) длинный шов между предлобными
11) 3 предлобных
12) как № 2
13) тоже
14) шов между предлобными
15) как № 2
16) 1—2 ногтевидных чешуйки
17) как № 2
18) 3 предлобных
19) тоже
20) шов между предлобными
21) 2—2 чешуйки над глазами.

Очевидно, ящерицы рода Ablepharus отличаются особою склонностью к тем или другим уклонениям от нормы в развитии щитков, почему при описании новых форм этого рода нужны исключительное внимание и обилие материала, и уже совершенно недопустимы никакие описания по одному экземпляру.

Abl deserti, в отличие от Abl. alaicus, должна откладывать яица, которые, затем, развиваются вне организма матери, т. к. мне не попалось ни одного экземпляра, в котором оказались бы яица со сколько-нибудь заметно развившимся зародышем. И в этом факте нет ничего удивительного, т. к. Abl. deserti не принадлежит к числу видов горных, а потому и не нуждается в том специальном приспособлении для жизни в суровых климатических условиях, которое необходимо Abl. alaicus. Самая большая высота, на которой пока найден A. deserti в Семиречье—берега Иссык-Куля—достигает всего лишь около 1800 м., и здесь господствует еще весьма мягкий климат, нетребующий никаких особых приспособлений для охраны потомства, без которых не может обойтись A. alaicus, идущий до 3000 м., а, вероятно, и выше.

Что касается числа яиц, откладываемых A. deserti, то оно видно из следующих данных: 1) 3 яйца $8^1/_2 \times 3^1/_2$ m/m. 2) 3 яйца 4 m/m. в диаметре, 3) Ходжентский уезд VI.17.05 4 яйца еще очень маленьких, 4) 6 яиц 8×5 m/m. 5) 5 яиц 8×4 m/m.

Подотряд Ophidia. Змеи.

Сем. BOIDAE.

Род ERYX.

1. Eryx miliaris miliaris (Pall.) Степной удав.

Экземпляры коллекции: № 2. Нижне-Басканский участок, Копальский у. VII. 911. № 29. 2 штуки. Низовья Аксу, Копальский уезд V. 6.09. № 35. 4 штуки. Между озерами Уч-Куль и Копалом. Конец V. 909. № 53 Окр. Маловодного, Верн. у. V. 16.12. № 105 Копальский у. 1913. № 148. Между Илийским и Кос Кудуком V. 2.13 № 168 Кол. Алча, Копальск. у. V. 17.13. № 270. Между ст. Чингильды и Карачек, Копальск. у. V. 30.15.

«Водится в Туране, Монголии, Тибете, сев.-вост. Персии и между Волгой и Уралом..... В Семиреченской области степной удав встречается, повидимому, реже. Мне нечасто случалось находить его по северному и южному

берегам оз. Балхаша; экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909) нашла удава на станции Чунджи, Джаркентского уезда и на горе Барлык; Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) привез с зап. берега Балхаша; ак. Шренк добыл в горах Алатау и на берегах Ала-Куля, а г. Поляков доставил в Музей Академии Наук из Казак-Пая на р. Лепсе (Никольский 1887); С. Н. Алфераки (1891) находил эту змею между низовьями р.р. Текеса и Кунгеса [1]; в нашем музее, кроме упомянутых экземпляров Полякова и ак. Шренка, из Семиреченской области имеются еще экземпляры с верхнего течения р. Или [1] и нижнего Кунгеса [1], с р. Текеса [2], из Верненского Округа».

Область распространения степного удава обнимает, кроме Пржевальского, все уезды Семиречья до крайних северо-восточных пределов Лепсинского включительно. При этом свое название змея эта у нас заслужила вполне, т. к. в Семиречье она наиболее обыкновенной является в низменных степях с обычною полынною растительностью и совершенно неизвестна во всей горной части области, т. е. во всем Пржевальском уезде и в высоких частях остальных. Что же касается полынной степи, то здесь она иногда бывает настолько многочисленной, что, например, V. 2.13, следуя верхом по дороге вниз от Илийска, я в течение дня встретил 7 штук удавов, а V. 30.15 на почтовом тракте между Чингильдами и Карачеком я из почтового экипажа наблюдал их целый ряд, т. ч. даже бросил считать. Следует, впрочем, заметить, что в таком большом количестве змеи эти мне попадались исключительно в мае месяце и позже они встречаются значительно реже, т. к. начинают вести более скрытный образ жизни и часто, например, прячутся днем в норы.

Кроме суглинистой полынной степи степной удав попадается на супесчаных почвах и даже в настоящих песках, хотя в Семиречье он в последних не может считаться обыкновенным и мне лично попался здесь всего раза три-четыре. Впрочем, один из этих случаев встречи степного удава в песках имел место на балхашском побережье между устьями Или и Каратала, т. е. среди огромных песчаных пространств, куда удав не мог попасть случайно, т. ч. не подлежит сомнению, что он здесь живет нормально, хотя и является более или менее редким. Между прочим, мне никогда не приходилось наблюдать оставляемых удавами на поверхности песков валиков, столь обыкновенных, по словам разных наблюдателей, в песках коренного Туркестана.

Относительно времени размножения степного удава у меня имеются лишь косвенные, да и то весьма скудные данные. Так, V. 6.09 в песках по р. Аксу Копальского у. поймана пара довольно крупных удавов, лежавших рядом, вероятно, in copulo. VI. 19.15 на р. Чинжиле Лепсинского у. пойман молодой экземпляр 225 m/m. длиною; другие молодые экземпляры моей коллекции имеют уже более крупные размеры. В одном из экземпляров с Аксу, пойманном в конце июня, оказалось 10 штук более или менее круглой формы яиц около 14 m/m. в диаметре и два маленьких. Никаких признаков развития зародыша еще не заметно. Наиболее ранний весенний экземпляр коллекции помечен IV. 15.09 (уроч. Муллалы, Копальск. у.); записей же, относящихся к концу лета, у меня вовсе не оказалось.

Пищей степному удаву служат, повидимому, разные грызуны, между прочим тушканчики. Трудно представить, как эта мало подвижная змея умудряется ловить таких быстроногих зверков и между тем их находят в желудке удавов довольно часто.

---

[1] Т. е. в Кульдже, а, следовательно, не только вне пределов Семиречья, но и вне пределов б. Российской Империи. А. М. Никольский почему-то везде цитирует кульджинские местонахождения, как семиреченские.—Прим. автора.

[2] Следовательно, тоже вне пределов России, т. к. в своем нижнем течении Текес расположен в Китае, в верхнем же течении этой реки удавы, по природным условиям, водиться не могут.—Прим. автора.

Степной удав, как известно, представляет из себя довольно вялое, мало подвижное существо, неумеющее спасаться бегством, да и не делающее особенных попыток к этому. И только встреченный в песке удав с необыкновенным уменьем уходит в него, как в воду, причем делает самые резкие и крутые повороты; да успевшего частью уйти в нору удава не только вытащить обратно, но обыкновенно даже и удержать не удается и приходится его откапывать.

Лично мне особенно крупных экземпляров удавов не попадалось, и наиболее крупный из добытых мною имеет всего лишь 600 m/m. в длину при ширине лба между глазами равной 6.2 m/m., но один замечательно крупный экземпляр было передан мне Г. И. Эйнбергом, который поймал его в степи по р. Чу, книзу от ст. Константиновской; этот удав был найден после того, как он поймал и проглотил взрослого суслика (Spermophilus rufescens?), из чего одного можно уже судить о размерах змеи; к сожалению, она не была своевременно измерена, а ко мне попала уже в таком виде, что сохранить ее было нельзя, и у меня осталась только ее голова, которая дает некоторое понятие о величине ее хозяина, т. к. ширина лба между глазами оказалась равною 10 m/m.

Сем. NATRICIDAE

Подсем. Natricinae.

Род NATRIX.

2. Natrix natrix (L.) Обыкновенный уж.

Экземпляры коллекции: Нижне-Басканский уч., Копальск. у. VII. 911. № 79 Лепсинский у. 1909 г. № 175. 2 шт. Окрестности г. Копала. VI. 16.09. № 214 Лепсинск. у. 1909. № 279 2 шт. Джайпак, Лепсинск. у. VII. 30.14.

«Водится в Европе, Алжире, западной и центральной Азии..... Внутри Закаспийской области и в Туркестане обыкновенный уж не найден,—повидимому, его там совсем нет, но он снова появляется в Семиреченской области, где, по словам Штрауха (loc. cit.), его находил ак. Шренк, именно на р. Или, Саркане и у Каркаралинских гор; я (1887) добыл там эту змею единственный раз близ Илийского выселка на р. Или. Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) нашел ужа в уроч. Авин-Арал [1] на зап. берегу Балхаша и на берегу Или в ее низовьях. В нашем музее, кроме того, имеются экземпляры с р. Саркана, Или, Лепсинской станицы, Сергиопольского округа, Алтын-Эмеля, Джаркента..... В Семиреченской области уж водится в бассейне озера Балхаш, где поднимается в горы Алатау, повидимому, довольно высоко.»

Последняя фраза А. М. Никольского для меня представляется не вполне понятной, т. к. для нее не дает оснований ни одно из перечисленных выше местонахождений ужа в Семиречье, как и местонахождения всех, вообще, экземпляров Музея Академии, ибо все эти местонахождения приурочены к небольшим высотам (максимальная—Копал 1200 м.).

«Обыкновенный» уж для Семиречья совершенно не заслуживает этого названия, т. к. он здесь не только несравненно менее обыкновенен, чем его ближайший родственник, но и, вообще, не может считаться обыкновенным видом, т. к. попадается значительно реже всех остальных змей, исключая конечно, Zamenis rawergieri. И в мою коллекцию первый экземпляр этого ужа попал очень поздно, а именно тогда, когда у меня уже были представлены все виды змей, кроме того же равергьерова полоза. Точно также весьма слабо обыкновенный уж представлен и в весьма недурной герпетологической коллекции Семиреченского Областного Музея.

[1] Следует «Мын-Арал».—Прим. автора.

В виду этого я приведу здесь все известные мне местонахождения в Семиречье этой змеи, как это приходится делать для видов редких. Из списка экземпляров коллекции видны некоторые местонахождения ужа, но к ним я могу добавить еще несколько. Так, V. 4.10 я видел ужей в довольно большом количестве в камышах около Баскансkаго озера, Копальского уезда; VII 20.14 видел одного в ущелье гор, ограничивающих Алакульскую равнину с юга, к востоку от ущелья р. Тентек; VII. 30.14 пойман один около лагеря в низовьях р. Джайпака, а другой—около пашен под горами, в той же Алакульской равнине; VIII. 25.15 наблюдал 2-х ужей, которые постоянно держались на ключе между сел. Майским и Чистопольем (Алакульская равнина), причем в случае опасности прятались в естественную трубу, образованную выходящим из обрыва ключем; наконец, летом 1916 года я раза два встречал ужей по р. Караталу, верстах в 100 ниже почтового тракта.

Таким образом, все мои данные относятся к Лепсинскому и Копальскому уездам, причем в первом из них уж, несомненно, значительно более обыкновенен, чем во втором. Добавив к моим данным все данные, имеющиеся в литературе, а также относящиеся к экземплярам Зоологического Музея Академии Наук, мы увидим, что и в этом случае только одна находка (Мын-Арал, на зап. бер. Балхаша) приходится на Верненский уезд, т. е. на левый берег Или, и, таким образом, приблизительная западная и южная граница распространения ужа в Семиречье определяется течением реки Или, за которую уж заходит лишь недалеко к западу. Отсюда становится само собою ясным, что в Семиречье обыкновенный уж проник с северо-востока, соответственно чему и оказывается наиболее обыкновенным в Лепсинском уезде и становится все более и более редким по направлению к югу и западу с тем, чтобы около границы Верненского уезда исчезнуть окончательно.

Таким образом, область распространения ужа в Семиречье имет вид как бы языка, отходящего по направлению к юго-западу от области его распространения в Западной Сибири.

Что касается условий, в которых живет у нас обыкновенный уж, то он селится по берегам различных водоемов, поросших более или менее свежею растительностью, независимо от того, в какой обстановке лежит водоем, т е. расположен ли он в предгорьях, полынной степи или супесчаной полупустыне, и только высоко в горы не идет, значительно отставая в этом отношении от своего родича—водяного ужа. В двух экземплярах коллекции оказались яица: 1) Кок Дала, Коп. у. VII. 16—10 шт. 34×14 m/m. 2) Лепсинский у. 14 шт. 18×6 m/m.; экземпляр змеи—длиною 800 m/m

3. Natrix tesselata (Laur.) Водяной уж

Экземпляры коллекции: № 19 2 шт. Лепсинский уезд 1907 г. № 63. З. Каракол VII. 17. 13. № 81 Предгорья в окр. Копала 1909. № 103. З. Каракол VII. 17. 13. № 123 З. Каракол VII. 17. 13. № 132. 2 шт. Тентек, Лепсинск. у. VIII. 16. 14. № 174 Абакумовское V. 910. № 176. Баскан, Копальск. у. VI. 911. 215 Лепсинский уезд 1909. № 317. 2 шт. Лепса между Романовским и Балхашом IX. 12. 15.

«Водится в средней, южной и юго-восточной Европе, юго-зап. и центральной Азии..... В Семиреченской области водяной уж встречается, сравнительно, реже, нежели в западной части Турана; ни ак. Шренк, ни г. Поляков, ни Финш, равно как и я не находили его там, но Северцов в своих таблицах отмечает его для степной зоны Семиречья, а Л. С. Берг (Елпатьевский 1906) нашел его на зап. берегу Балхаша;..... ... [1] экспедиция пр. Сапожникова добыла этого ужа близ оз. Иссык-Куля и на речке Чеган-Тогой

[1] Выпущены данные, относящияся, в действительности, к Кульдже, т. е. к Китаю.

в горах Барлык; в нашем музее имеются экземпляры из Токмака, верхнего и среднего течения р. Или,..... и Верненского уезда, Джаркента, Пржевальского уезда»[1].

Не знаю, чем об'яснить то обстоятельство, что водяного ужа не оказалось в Семиреченских сборах Шренка, Полякова, Финша и Никольскаго, т. к., по моим наблюдениям, это—одна из наиболее обыкновенных, если не самая обыкновенная змея в Семиречье. Не говоря о широком распространении в широтном и долготном направлениях, обнимающем собою всю область, водяной уж и в вертикальном направлении распространен гораздо шире всех остальных наших змей, т. к., живя на берегу Балхаша, он, вместе с тем, поднимается в горы на такую высоту, до которой не доходит ни один из остальных видов, кроме щитомордника.

Наконец, в подходящих условиях он подчас бывает настолько многочисленным, что в некоторых местах их можно бывает наблюдать сколько угодно, одного за другим, и что кое-где местные жители даже боятся купаться из-за обилия змей в воде. Правда, водяного ужа далеко не всегда удается поймать, т. к. при малейшей опасности он спасается в воду и оказывается за пределами досягаемости, отходить же далеко от воды он большею частью избегает, но наблюдать его удается очень часто, да и в моей коллекции он представлен лучше большинства змей, занимая третье место (после Coluber renardi и Ancistrodon halys).

Как уже сказано, распространен водяной уж в пределах всей области, причем в вертикальном направлении вместе с A. halys идет выше всех остальных наших змей, т. к. я его находил, например, на Западном Караколе на высоте 2300 м. н. у. м., в связи с чем общая площадь, занятая областью его распространения в Семиречье, очевидно, значительно увеличивается по сравнению с площадью, занятою остальными видами змей.

Таким образом, в двух словах распространение водяного ужа в Семиречье можно определить так: вся область в пределах от самых низких мест на побережьях Балхаша и Ала Куля до высоты не менее 2300 м. н. у. м., а кое-где, вероятно, и еще несколько выше.

Что касается любимых водяным ужом станций, то ему, конечно, прежде всего, необходима близость воды, причем предпочтительно текущей, хотя не избегает он и стоячей. Так, я наблюдал его в Балхаше, причем самый крупный из виденных мною экземпляров был встречен, именно, здесь; экземпляр этот несомненно порядочно превышал в длину 2 аршина, но мне не удалось его добыть, т. к. я, к сожалению, был без ружья, а змея лежала на торчавшей из воды коряге, т. ч. к ней нельзя было подойти, и при моем приближении нырнула и уплыла прочь.

Попадаясь в самых разнообразных водоемах, этот уж, однако, решительно предпочитает быстро бегущие горные реки, речки и ручьи, и в массовом количестве мне приходилось наблюдать его только в такой обстановке.

Так, особенно много ужей я встретил в р. Тентек, Лепсинского уезда, при выходе ее из гор (т. наз. „Щеки"), где эта, действительно, бешеная („тентек" по киргизски значит бешеный) река со страшным шумом вырывается из ущелья и с огромною быстротою мчится по камням. И в этом бурном потоке, который, казалось бы, должен уничтожить каждое попавшее в него живое существо, совершенно свободно чувствует себя водяной уж, спокойно охотящийся здесь за османами (Diptychus dybowskii) и изредка показывающийся на каком-нибудь камне среди водоворота, чтобы затем опять быть смытым водою и снова выплыть иногда уже с добычею во рту.

Другое место, где мне пришлось видеть ужей, может быть еще больше, это—р. З Каракол, в западной части Пишпекского уезда. Река это хотя

[1] А также—окрестностей г. Копала и селения Гавриловки.

Прим. автора.

и не так велика, как Тентек, и не так стремительно мчится, как тот, но тоже представляет из себя настоящую быструю горную ледниковую реку с ледяною водою, несущуюся по каменному ложу. И здесь водяной уж, несмотря на очень низкую температуру воды, видимо, чувствует себя превосходно, ловко ловя османчиков и усачей [1] (Diplophysa) в совершенно мутной ледниковой воде реки; первый же встреченный мною здесь уж спасаясь выбросил только-что проглоченного им и еще живого османа, который, будучи пущен в воду, быстро уплыл.

По словам рыбаков, в горных реках водяной уж питается почти исключительно рыбками, вообще же он не брезгает и сухопутными животными, т. к. мне приходилось находить у него в желудке тушканчиков; кроме того, в долине Тентека я несколько раз встречал ужей на пашнях под сложенными снопами, куда они, по всей вероятности, являлись за державшимися здесь в изобилии мышами; встречал я их также на прибрежных сенокосах в копнах сена, под которыми в большом количестве жили полевки.

Маленькие экземпляры водяных ужей 283 и 296 m/m длиною в моей коллекции из Лепсинского уезда от IX. 12—17. 15 и еще меньший—235 m/m от VII. 16. 14 с Тентека. Осенью я находил этих змей по р. Лепсе еще в начале второй половины сентября (IX. 17. 15).

Наиболее крупный экземпляр коллекции имеет в длину немного более 1000 m/m.

Подсем. Coronellinae.

Род ZAMENIS.

4. Zamenis rawergieri (Mènètr.) Полоз Равергьера.

Экземпляры коллекции: Каратал, Копальск. у. 1909 г.

«Водится в Закавказье, Персии, Афганистане, Туркестане, Закаспийской и Семиреченской областях..... Водится этот полоз и (в) Семиреченской области и в Алатау, откуда у нас имеются экземпляры с низовьев Кунгеса, Сергиопольского уезда. По словам Кащенко (1909), эксп. проф. Сапожникова привезла эту змею из Буамского ущелья в Семиреченской области.»

Взятая, отдельно, приведенная выписка из «Фауны России» не дает правильного понятия о распространении полоза Равергьера в Семиречье по данным работы А. М. Никольского, т. к., во-первых, в ней допущена обычная в этой работе ошибка, и низовья Кунгеса, находящиеся в Китае, отнесены к Семиречью, а на этот раз даже почему-то, в частности, к Сергиопольскому уезду, а во-вторых, как видно из списка экземпляров коллекции Зоологического Музея Академии Наук, пропущено одно местонахождение. В виду крайней редкости этой змеи в Семиреченской области и указанных ошибок в цитированном резюме А. М. Никольского, я перечисляю здесь все экземпляры З. М. А. Н.: № 4337 Usun-Agatsch—Sewertzow 1876. № 6843 Circulus Sergiopol—Kuschakewitsch 1881. № 10440 Semiretschje—Abramow et Begak 1904.

Самому мне наблюдать эту змею не пришлось ни разу, и единственный экземпляр моей коллекции доставлен мне Н. К. Федосеевым с побережья р. Каратала Копальского уезда. В довольно большой и собиравшейся много лет коллекции пресмыкающихся Семиреченского Областного Музея я нашел тоже всего лишь 2 экземпляра полоза Равергьера, причем и эти оба были пойманы в одном месте (in. copulo), а именно V. 10.09 в ур. Андракай Верненского уезда, уже не далеко от границы с Сыр-Дарьинской областью, в которой эта змея, как известно, вполне обыкновенна.

---

[1] Местное название.

Таким образом, хотя случаи находки Z. rawergieri обнимают всю область, т. к. относятся к Пишпекскому, Верненскому, Копальскому и даже Лепсинскому [1] уездам, но везде змея эта попадается крайне редко, в виде чисто случайных экземпляров, и только у границы с Сыр-Дарьинскою областью она должна оказаться несколько более обыкновенною, т. к., в противуположность обыкновенному ужу, зашедшему в Семиречье с северо-востока и становящемуся все более и более редким по направлению к юго-западу, полоз Равергьера проник сюда с юго-запада—из Сыр-Дарьинской области.

Род ELAPHE.

5. Elaphe dione (Pall.). Полоз узорчатый.

Экземпляры коллекции: № 4. 2 штуки. Нижне-Басканский участок VII. 911. № 27. Урочище Кок-Тума, Копальский уезд. IV. 27. 08. № 48. Копальский уезд. № 106. Копальский уезд VI. 913. № 107. Лепсинский уезд 1909. № 120. Копальский уезд 1909. № 137. Арал-Тюбе, Лепсинский уезд IX. 8. 14. № 172 Берег Или, Копальский уезд 1909. № 177 Алакульская долина 1910. № 178 Арал-Тюбе IX. 6. 14. № 298 Окрестности Урджара 1909.

«Водится в юго-восточной России, Закавказье, умеренной Азии на восток до берегов Великого океана..... В Семиреченской области эта змея встречается, повидимому, чаще. Академик Шренк, по словам А. А. Штрауха, нашел ее в Бахтах, в Тарбагатае, в Алатау, на реке Или..... А я нашел ее по северному берегу Балхаша близ Аягуза; Поляков—между Сайканом и Сассык-Кулем, а Финш (1879)—между Урджаром и укреплением Бахты; на берегу Балхаша и в низовьях Или ее нашел Л. С. Берг (Елпатьевский 1906). Кроме упомянутых экземпляров академика Шренка и Полякова у нас имеются еще экземпляры из Алтын-Эмеля в Алатау..... Верненского уезда, из окрестностей Джаркента и города Пржевальска близ Иссык-Куля;[2] экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909) нашла эту змею в Терскей-Алатау, в долине Конурулена.....»

Узорчатый полоз в пределах всей области является вполне обыкновенным, попадаясь чаще многих других змей. Впрочем, частые находки его об'ясняются, главным образом, тем, что он особенно многочислен, повидимому, как раз именно в культурном районе и, следовательно, имеет особенно много шансов попадаться на глаза человеку.

В противоположность гадюке и, особенно, стреле-змее, узорчатый полоз избегает местностей, покрытых скудной, редкой, полупустынною флорою и населяет места с более высокою и густою растительностью, свойственною предгорьям в районе богарной (без орошения) культуры, а также—всю ближайшую к предгорьям земледельческую полосу, то-есть, приблизительно, полосу между 800 и 1800 м. н.у.м. Встречается он, впрочем, и ниже указанных пределов, уже в районах полынных степей и даже солонцов, но здесь его местопребывание имеет аналогию с местопребыванием Lacerta agilis, то-есть приурочено к свежей и густой растительности, сопровождающей водоемы.

Просматривая свои записи, я даже нашел, что в чисто степной полосе Elaphe dione попадался мне довольно часто, но все случаи находок приурочены к местам, расположенным в непосредственном соседстве с камышевыми зарослями по берегам рек или озер, так что не подлежит сомненью, что змея эта весьма охотно селится в камышах, где находит обильную пищу в лице многочисленных здесь грызунов.

---

[1] Сергиополь теперь Лепсинского уезда.

[2] Так же из Токмака, Копала и ст. Отарской.—*В. Ш.*

В большом количестве я нашел узорчатого полоза в волнистой степи в окрестностях Сары-Куля, Копальского уезда в высокотравной степи с ковылем, сассык-сасыром (Ferula) и другими соответствующими растениями, и в большом же количестве он попадается на культурных землях у подножия Копальских гор. Судя по большому количеству экземпляров узорчатого полоза в З. М. А. Н. с берегов Иссык-Куля, змея эта должна быть там тоже весьма обыкновенною.

Как уже упомянуто выше, E. dione в низменных частях Семиречья придерживается берегов рек и озер. Здесь она не только ищет спасения в случае опасности, но прекрасно плавает и ныряет и, вообще, чувствует себя в воде настолько свободно, что помимо всякого преследования, самостоятельно уходит в воду и живет здесь вдали от берега, вылезая для отдыха на плавающие кучи торфа или камыша.

Одна эта змея, между прочим, добыта мною в то время, как она была занята пищеварением, лежа на небольшой плавающей кочке среди камышей на большом расстоянии от берега и на глубине 3-4 саженей Заметив ее с лодки, я, с целью определить, кого она проглотила, так как видно было, что добыча ее довольно крупных размеров, хотел убить ее веслом; но она оказалась настолько осторожною, что не подпустила близко лодки и ушла в воду, и только когда я немного погодя, вернулся к этому месту—змея опять лежала на прежней кочке и была добита из ружья; в желудке у нее оказалась крупная водяная крыса, видимо, только что с'еденная и вполне хорошо сохранившаяся, так что я взял ее в свою маммологическую коллекцию. Кроме этой крысы мне случалось находить в желудке полоза остатки грызунов.

Особенно молодых экземпляров мне не попадалось, и самая маленькая змея этого вида моей коллекции, добытая IX. 8. 14 на Арал-Тюбе имеет 305 mm. в длину.

В одном из экземпляров коллекции при вскрытии оказалось 6 шт. яиц 54×17 mm. с весьма слабо развитыми зародышами около 40 mm. длиною.

Среди экземпляров узорчатого полоза у меня имеется один, отличающийся почти одноцветною окраскою, без обычного для этого вида рисунка. Экземпляр этот доставлен мне с берегов Ала-Куля, и такой же точно экземпляр мне пришлось наблюдать VIII. 16. 14 в той же Алакульской равнине, на берегу Сассык-Куля, причем добыть не удалось, так как змея быстро ушла в воду.

Подсем. Boiginae.

Род TAPHROMETOPON.

6. Taphrometopon lineolatum Bdt. Стрела-змея. «Ок-джилан».

Экземпляры коллекции: Нижне-Басканский участок VII. 911, № 26 Копальский уезд 1909. № 89 Копальский уезд 1909. № 90. Между р.р. Кок-су и Биже IX. 8. 08. № 91. Копальский уезд 1909. № 92. Низовья р. Ак-су. Копальский уезд V. 6. 09. № 147 Между кол. Кийсык и р. Или V. 11. 13. № 264. juv. Окр. с. Рыбачьего, Лепсинский уезд. VIII. 15. 15. № 269. Окр. Карабулакского тамож. кордона, Лепсинский уезд. VIII. 12. 15.

«Водится в Монголии, Восточном Туркестане, Арало-Каспийских степях, Туркестане, Семиречье, Афганистане и восточной Персии.... очень обыкновенна эта змея и в Семиречье. Академик Шренк (Strauch) находил ее на берегах Балхаша, р. р. Или, Кок-су (в истоках р. Каратала), Биона, на Алакуле; Поляков привез ее с восточного берега Балхаша; мной она найдена как по северному, так и по южному берегам Балхаша (Никольский 1887).... из Семиреченской области кроме того, у нас имеются экземпляры из Верненского уезда, с нижнего течения р. Кунгеса [1], верхнего течения

[1] Находится в пределах Китая.—*В. Ш.*

реки Или; в низовьях Или нашел ее Л. С. Берг. (Елпатьевский 1906); на ур. Алмалы Копальского уезда в степи нашел ее проф. Сапожников (Кащенко 1909)... »

Из всех наших более или менее обыкновенных змей «ок-джилан» киргиз имеет наиболее ограниченный район распространения, так как наиболее строго придерживается определенных станций, не выходя за их пределы.

Такими станциями у нас являются полынные степи, солонцоватые пространства, заросшие пески, главным же образом, супесчаные и даже суглинистые площади, поросшие негустыми кустами саксаула. Именно в последнего характера местности—в долине реки Каратала я встречал стрелу-змею в наибольшем количестве, при чем кое-где она была прямо-таки многочисленна.

Вообще говоря, можно сказать, что эта змея любит сухие с негустою растительностью и преимущественно легкими почвами пространства, соответственно чему в вертикальном направлении не поднимается выше 1000—1100 м. н.у.м. В связи с такими требованиями, из области распространения T. lineolatum в Семиречье исключается весь Пржевальский уезд и вся южная часть Пишпекского, Верненского, Джаркентского, Копальского и Лепсинского, при чем эта горная часть должна быть принята в более широких пределах, чем даже для Coluber renardi, так как последняя идет метров на 200 выше.

Очень осторожная и необыкновенно быстрая в движениях стрела-змея попадается на глаза значительно реже, чем могла бы попадаться при иных условиях, но и теперь она кое-где настолько многочисленна, что мне лично, не принимая никаких мер для их отыскивания, в течение дня случалось встречать их до 7 штук. Правда, в таком количестве они попадались только в одном месте—по левому берегу Каратала, верстах в 100 ниже почтового тракта, но природные условия этой местности не представляют чего-нибудь исключительного для Семиречья. Да и в других местах стрела-змея попадалась мне тоже в достаточном количестве, как, например, на восточном берегу Ала-Куля, на обширных равнинах частью бедной полынной степи, частью супесчаных и даже песчаных пространств.

Крайне осторожная эта змея при приближении человека обращается в бегство (если нет кустов, где бы она могла спрятаться), причем мчится настолько стремительно, что в применении к ней как-то не хочется употребить слово «ползет». Быстрота ее движения такова, что за крупной змеею человеку приходится бежать с большим напряжением, и она нередко успевает спастись даже на открытом месте.

При этом на меня лично передвижение крупной стрелы-змеи производит такое впечатление, как будто оно производится силою какого-то скрытого механизма, а не силами самой змеи,—настолько не соответствует быстрота движения тем едва заметным изгибам тела, которые его в действительности вызывают. Кажется, что змея, выпрямившись, скользит по земле совершенно независимо от себя, и особенно понятным становится киргизское название, перешедшее и в русский язык: ок-джилан значит стрела-змея. Название это соответствует и исключительной быстроте движения, и тонкости змеи, и ее прямой, с почти незаметными изгибами фигуре и странному характеру движения, как бы вызываемого постороннею силою.

Киргизы обычно настолько боятся этой змеи, что даже уверяют, будто она бросается на человека, пробивает его насквозь и в этот момент кусает, так что от нее спасения нет никакого, почему большинство киргиз не решается убивать «ок-джилана», а предпочитает дать ему уйти. Конечно, не везде и не все киргизы верят таким басням, но боятся ее все, и только один раз мне пришлось встретить старика киргиза, который принес мне стрелу-змею и при этом пояснил, что она «чикпайде», то-есть не кусается, безвредна.

Мне никогда не случалось видеть, чтобы стрела, действительно, бросалась на человека, но однажды я наблюдал, как эта змея после того, как у нее ударом нагайки был перебит позвоночник, так что она больше не могла бежать, обвилась вокруг ветки саксаула задним концом тела, а передний резкими движениями как бы бросала ко мне, причем сильно и далеко вытягивалась в воздухе.

Скрываясь от преследования, а, может быть, и подстерегая добычу, змея охотно прячется в кусты саксаула, причем обвивается вокруг ветвей и так замирает, надеясь на свою покровительственную окраску, которая, действительно, делает змею с трудом заметною на светлом фоне саксауловых ветвей. Такая взобравшаяся на маленький кустик какого-то растения и неподвижно замершая стрела сфотографирована мною и изображена на прилагаемом снимке.

Самый ранний весенний экземпляр моей коллекции относится к тому же IV. 15. 09 и добыт около оз. Сары-Куля Копальского уезда, самый же поздний добыт тоже в Копальском уезде IX. 8. 08.

Молодые стрелки длиною 273 и 276 mm попадались мне VIII. 12.15. на восточном берегу Ала - Куля, а наименее крупный экземпляр, 250 mm. длиною, добыт на Каратале в июле 1916.

Что касается пищи нашей змеи, то ею служат, главным образом, ящерицы, по преимуществу Eremias velox, при преследовании которой змее, вероятно, хорошую услугу оказывает свойственная ей быстрота движения.

Наиболее крупный известный мне экземпляр стрелы-змеи значительно превышает предельные размеры, приводимые в «Фауне России» (1050 mm.), так как достигает 1245 mm. длины. Хранится он в Семиреченском Областном Музее и добыт V. 9. 09 между низовьями р.р. Чу и Или.

Сем. COLUBRIDAE.

Род COLUBER.

7. Coluber renardi (Christ). Гадюка степная.

Экземпляры коллекции: № 3. Нижне-Басканский уч. VII. 911. № 28 2 шт. Копальский у. 1909. № 44. р. Эмиль-су, Лепсинский уезд 1908. № 71. Копальский у. 1909. № 72 Копальский уезд 1909. № 73. Копальский уезд 1908. № 74 Заимка Скударнова, Копальский уезд. IV. 29. 09. № 75. Между ст. Ак Ичке и мог. Сексембая IV. 15. 909. № 76 Уч-Тюбе IV. 30. 08. № 77. Копальский у. 1909. № 83 Между Аксу и Басканом. Начало VII. 911. № 136. Джайпак VIII. 914. № 138 Между Саркаком и Н.-Басканс. уч. V. 3. 10. № 271. 2 шт. Степь по Тентеку VII. 20 15. № 273. (4 яйца и 3 зародыша) Чинжила VII. 4. 15. № 274 Чинжила VII 4. 15. № 275 Чинжила VI. 16. 15. № 285 Чинжила VI. 26 15. № 286 Чинжила VI. 18. 15. № 297 Джайпак VIII 914. № 311 Джайпак VII. 28. 14.

«Водится в южно-русских степях от Херсонской губернии на восток через Киргизские степи до подножия Алтая, а также в Туркестане и Семиреченской области..... В Семиреченской области степная гадюка встречается, без сомнения, чаще, чем в Туркестане. В нашем музее имеются экземпляры с берегов р. Урджара, из степи около Алатау..... Верненского уезда..... и берегов оз. Иссык-Куля;.... Поляков нашел ее в окрестностях Сассык-Куля..... экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909) нашла степную гадюку в горах Барлык.....»

Из приведенной выдержки следует исключить указание на присутствие в Музее Академи Наук экземпляров с берегов Иссык-Куля, т. к. в действительности таких экземпляров в музее нет, в чем не трудно убедиться из ознакомления с помещенным несколько выше в той же статье о гадюке полным списком экземпляров Музея.

По моим наблюдениям, область распространения степной гадюки охватывает все Семиречье, за исключением, опять-таки, всей той его части, где, благодаря высокому положению над уровнем моря, мы, вообще, змей не встречаем, т. е.—всей южной части Пржевальского уезда, большей части Загорья Пишпекского уезда и южной части Джаркентского. Но для Coluber renardi только что указанный район должен быть еще расширен, т. к. она, по сравнению со щитомордником, имеет гораздо более узкое распространение, не поднимаясь так высоко в горы как последний и не заходя в пески Вообще говоря, попадаясь во всех уездах, кроме, повидимому, Пржевальского, степная гадюка населяет, главным образом, полосу полынных и чиевых степей и солонцов, лишь более или менее редко заходя даже в район предгорий, вероятно, не выше 1200—1300 м. н. у. м., не говоря уже о самых горах.

В связи с этим, занятая ею область по своей площади значительно уступает области распространения большинства других видов змей, а именно—щитомордника, водяного и обыкновенного ужа, узорчатого полоза и, пожалуй, даже степного удава, и только стрела-змея и полоз Равергьера имеют у нас еще более ограниченный район распространения.

Но зато в пределах обитаемой ею области, особенно в средней густоте чиевых зарослях, гадюка бывает не только вполне обыкновенна, но подчас может считаться даже многочисленною, т. ч. в течение дневной поездки их можно встретить несколько экземпляров.

Обыкновенно днем гадюка лежит, то свернувшись в клубок, то вытянувшись где-нибудь под кустом чия (Lasiagrostis splendens) или в самом центре его, большею частью около какой-нибудь норки, в которую и стремится спастись, увидев приблизившегося человека. Сравнительно редко случается встретить эту змею ползущею или лежащею на совсем чистом месте без прикрытия в виде хотя бы маленького кустика полыни или терескена (Eurotia ceratoides).

По всей вероятности, она ведет, по преимуществу, ночной образ жизни, хотя не безусловно, т. к. мне самому пришлось застать гадюку среди дня в то время, когда она была занята проглатыванием добычи. Да и постоянное ее пребывание на солнышке около норок, а не в последних, свидетельствует о том, что она не чисто ночное животное и лишь охотится она, повидимому, все-таки, преимущественно ночью.

Время весеннего появления гадюки мне точно неизвестно, но в коллекции есть экземпляр, пойманный в Копальском уезде в средине апреля (IV. 15 09). Думаю, однако, что это—не из первых и что, в действительности, она появляется несколько раньше.

Относительно времени размножения у меня сохранились следующие записи: 1) VII. 6. 15 на р. Чинжиле Лепсинского у. была добыта гадюка, в которой оказалось 7 штук яиц с зародышами, настолько хорошо сформировавшимися, что был отчетливо виден весь рисунок. Длина змеек равнялась 93 m/m. 2) Начало VII. 911 между Аксу и Басканом—3 яйца с совершенно не отличающимися от взрослых, нормально окрашенными зародышами около 123 m/m длиною. 3) VII. 20.15 Тентек—4 яйца 22,5×14 m/m с зародышами около 90 m/m длиною.

Что касается пищи степной гадюки, то, несомненно, эта змея питается всем, что только ей под силу поймать и проглотить, причем, по личному наблюдению, могу сказать, что она не брезгает и насекомыми, а, подчас, даже и мертвыми животными. Так в желудке только что упомянутого, т. е. вполне взрослого экземпляра оказались исключительно кобылки, а VII. 9.15 я поймал гадюку, на половину заглотавшую мертвую, полусухую и частью уже с'еденную муравьями ящерицу. В желудках двух других—тоже одни кобылки.

Сем. CROTALIDAE.

Род ANCISTRODON

8. Ancistrodon halys Pall. Щитомордник.

Экземпляры коллекции: № 25. Окр. оз. Сары-Куля Коп. у. IV. 15.09. № 46 Окр. Дубуна VII. 2.12. № 51 2 шт. Каратал V. 7—15. 11. № 52 Между Джаланашем и Ак Тогоем, Джарк. у. VI. 21. 12. № 54 Окр. с. Маловодного VI. 16. 12. № 70 Долина р. Коры 1908. № 78 4 шт. Копальский у., Сары-Куль V. 15.08. № 100 Лепсинский у. 1909. № 104. Между ст. Джаксы Джартас и Тесек-Тас, Лепс. у. 1908. № 108 Пер. Борунду, Пишпекск. у. VII. 17 12. № 150 Низовья Или. Конец V. 913. № 221 Побережье Балхаша, Коп. у. V. 30.13. № 299. Окр. Уржара 1909.

Когда я делал попытки разобраться в щитомордниках своей коллекции раньше, до появления тома „Фауны России", посвященного змеям, я каждый раз приходил к заключению, что единственный признак для отличия Ancistrodon halys от Ancistrodon intermedius, даваемый А. М. Никольским в Herpetologia Rossica—характер верхней поверхности морды—настолько неуловим и неопределенен, что пользоваться им совершенно немыслимо, а, следовательно, немыслимо и отличить эти два вида змей один от другого.

Теперь, познакомившись с новыми данными, я увидел, что и А. М. Никольский отказался от возможности определения по прежним признакам, как и по всем другим, в том числе и вновь предложенным Я. В. Бедрягою.

Однако, вместо того, чтобы прийти к единственному логическому выводу о тождестве этих обоих видов щитомордника, А. М. Никольский ограничивается тем, что низводит их на степень подвидов и для отличия между ними пробует отыскать еще какие-нибудь новые признаки. Эти признаки он видит в числе продольных рядов чешуй и в относительной величине двух носовых щитков; но число рядов чешуй дается такое, что этот признак сразу отпадает сам собою, т. к. в одном случае оно определяется цифрами 21—23, а в другом 23—25, и, следовательно, все экземпляры с 23 рядами чешуй могут быть с одинаковым правом отнесены в любую группу.

Таким образом, все сводится к относительной величине носовых щитков, но я решительно не в состоянии понимать этот признак, как доказательство различия между двумя подвидами, и смотрю на него, как на чисто индивидуальное различие, подобно бесчисленному множеству других индивидуальных различий, к которым теперь отнесены и самим А. М. Никольским некоторые из прежних диагностических признаков.

Мне кажется совершенно ясным, что раз мы имеем из одной местности длинный ряд змей (а такой случай мы, как раз и видим, т. к. из одной и той же местности - берега оз. Иссык-Куль в Музее есть и A. h. h. и A. h. int), совершенно по внешнему виду не отличимых друг от друга, и находим по детальном рассмотрении, что у одних морда вогнута сильно, у других слабо, у третьих совсем не вогнута; у одних 8 верхнегубных, у других 7; у одних «ширина верхней части межчелюстного щитка на высоте шва между межносовыми и носовыми щитками равна половине длины шва между передним носовым и межчелюстным», у других она его превосходит; у одних продольных рядов чешуй 21, у других 22 и т. д до 25; у одних передний носовой щиток немного больше заднего, у других-же много больше—единственный логичный вывод, который мы можем сделать, это признать все перечисленные признаки чисто случайными, колеблющимися в таких-то и таких-то пределах, и сказать, что все змеи, с которыми мы имели дело, принадлежат к единственному виду Ancistrodon halys Pall., за отсутствием между ними каких-бы то ни было постоянных и уловимых отличий.

Возможно, что такие отличия когда-нибудь и будут найдены, но тогда и можно будет вернуться к разделению Anc. halys на подвиды или, хотя бы, даже виды, теперь же мне такая настойчивость в сохранении неразличимых одна от другой форм кажется непонятною.

Сомневаюсь, впрочем, чтобы и в будущем были найдены ясные признаки, т. к. если их не мог найти такой опытный, внимательный, добросовестный и педантичный герпетолог, как Я. В. Бедряга, то вряд-ли их удастся найти кому-нибудь другому.

Таким образом, не видя различия между Ancistrodon halys halys (Pall.) и Ancistrodon halys intermedius (Str.), я рассматриваю их как один вид Ancistrodon halys Pall., к каковому и отношу все сведения о распространении щитомордника в Семиречье, хотя данные «Фауны России», для точности, выписываю в виде двух отдельных цитат из статей об Anc. halys halys и Anc. h. intermedius.

Ancistrodon halys halys (Pall.) «Водится от нижнего течения Волги и берегов Каспийского моря на восток до верхнего течения р. Енисея..... В Семиреченской области описываемая змея найдена ак. Шренком на берегах Балхаша, в степях при Алатау, в песках Ала-куля и в Тарбагатайском хребте (Strauch); из сбора Шренка в нашем музее находятся еще экземпляры с гор Джабык (предгорья Алатау, р. Атагай-Ассу и с Каркалинских гор: кроме того, у нас имеются экземпляры из Верненского уезда, из Тышкана в Семиреченской обл.; экспедиция проф. Сапожникова (Кащенко 1909) нашла эту змею в сел. Нарын-гол в Тянь-Шане в долине р. Конурулен (там же)..... в вост. части Джунгарского Алатау и близ оз. Ала-куля; Педашенко (Никольский 1908) прислал большое количество экземпляров из ур. Кутемалды на оз. Иссык-куле».

Кроме того, доставленные мною из Копальскаго уезда (№№ 11196 и 11197).

Ancistrodon halys intermedius (Str.) «Водится в восточной Сибири на запад до Семиреченской области, в восточном Китае и Монголии. В Семиреченской обл. эта змея найдена мною по южному берегу Балхаша близ устья Аягуза, а г. Поляковым около Лепсинской станицы; кроме того, в нашем музее имеются экземпляры из Аксуна (?) (Семиреченской обл.), берегов Иссык-куля и Сергиопольского уезда». Сюда же следует добавить ряд экземпляров из других мест Семиречья, а именно с Тышкана от Кореева, с зап. берега Балхаша от Л. С. Берга, Копальского уезда, Пржевальска и Кутемалдов.

Сравнивая приведенные данные, мы увидим, что распространение в Семиречье A. h. h. ничем не отличается от распространения A. h. int.

По моим наблюдениям, распространение щитомордника в Семиречье обнимает всю область, за исключением высокогорной южной части Пржевальского с прилегающими частями Джаркентского уезда и всех вообще мест, лежащих на той высоте, дальше которой пресмыкающиеся в Семиречье не поднимаются, т. е. приблизительно, 2500—3000 м. н. у. м. Являясь в Семиречье довольно обыкновенным, щитомордник в выборе станций оказывается наименее прихотливым из всех наших змей, т. к. я его находил, с одной стороны, в песках побережья Балхаша, т. е. на высоте около 500 м., а с другой—в холодной горной долине р. Коры на высоте около 1900 м., в суровой обстановке богатой осадками и бедной теплом горной местности, а один экземпляр, доставленный мне А. И. Петренко, пойман, по словам последнего, на трети под'ема из дол. Ой Каин на перевал Борунду, т. е. на высоте около 2800 метров! Вероятно, приблизительно, такова же высота, на которой добыты экземпляры Семир. Обл. Музея, доставленные В. В. Бейком и пойманные у верхней границы елового леса.

Конечно, и пески и высоты выше 2000 м. являются крайними этапами, на которых можно встретить щитомордника, и на которых он уже редок, при-

чем в настоящих песках я его встретил всего один раз, но на протяжении остального пространства Семиречья он нередко попадается в самых разнообразных условиях, т. е. и в полынной степи, и в культурном районе, и на лугах предгорий, и на бедных растительностью щебневатых и каменистых нижних частях гор, и даже в лесу, где я его нашел в долине р. Чаманды.

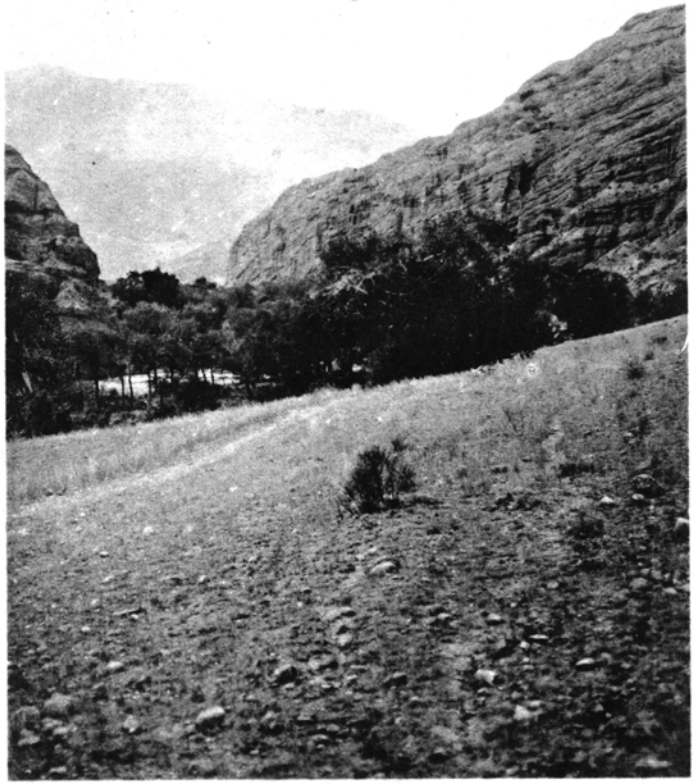
Наиболее-же обыкновенен он, пожалуй, в районе предгорий, на высоте 1000—1500 м. Очень часто он встречается в окрестностях Верного, не редок в окрестностях Копала, особенно-же много его, повидимому, на хребте Чатырбай Лепсинского уезда и, вообще, около выселка Тополевского. По словам местных жителей, ядовитых змей не Чатырбае так много, что там нельзя пасти скот, и великолепное горное пастбище пропадает даром. Содержатель земских лошадей в Тополевке рассказал мне, что у него на заимке в течение мая месяца 1915 г. погибло от укушения змеями 8 шт. баранов и лошадь, и было два случая укушения людей; последние кончились благоприятным исходом, благодаря применению в качестве противоядия опиума.

Конечно, во всех этих случаях вид змей не был установлен, но установить его не трудно, т. к. в районе высоких предгорий у нас держатся только щитомордник, водяной уж и узорчатый полоз, из которых ядовит только первый.

Не могу точно указать, когда у нас показываются щитомордники весною, но у меня в коллекции есть экземпляр, добытый в степной части Копальского уезда в средине апреля (IV. 15.09). Относительно размножения у меня имеются следующие записи. В экземпляре, пойманном в начале мая 1909 в Верненском у. к северу от ст. Отар (уроч. Андракай), при вскрытии оказалось 3 яйца. В другом экземпляре, добытом VIII. 7.08 в горах по М. Алматинке выше Верного, было 8 яиц, из которых одни заключали в себе уже вполне сформировавшихся и даже нормально окрашенных змеек, в других-же зародыши были несколько менее развиты. При этом в яйце, ближайшем к выводному отверстию, зародыш был менее развит, чем в самом дальнем яйце; длина этого менее развитого зародыша—115 m/m., наиболее развитые были несколько длиннее. Судя по полному развитию зародышей, щитомордник должен принадлежать к числу живородящих змей, если только живорождение не свойственно лишь экземплярам, обитающим горы, и если мы не имеем здесь картины, аналогичной способу размножения у Lacerta vivipara, у которой, в зависимости от климатических условий обитаемых ею местностей, т. е. в зависимости от географической широты, наблюдается, с одной стороны, откладывание яиц, а с другой—живорождение, со всеми промежуточными стадиями.

Интересно проследить за размножением таких видов, которые, как Ancistrodon halys, населяют как низменные пространства с жарким климатом, так и горные районы с уже весьма суровыми климатическими условиями, и у которых, по аналогии с Lacerta vivipara, мы можем ожидать подобного-же сложного способа размножения, приспособленного к разнообразию климатических условий обитаемых ими местностей. Впрочем, в Семиречье кроме щитомордника широко распространен в вертикальном направлении только водяной уж, на которого тоже следовало бы обратить внимание, тем более, что я его, как и Ancistrodon halys, встречал в таких местах, где местные ящерицы (Ablepharus alaicus и Eremias multiocellata) уже принадлежат к числу живородящих.

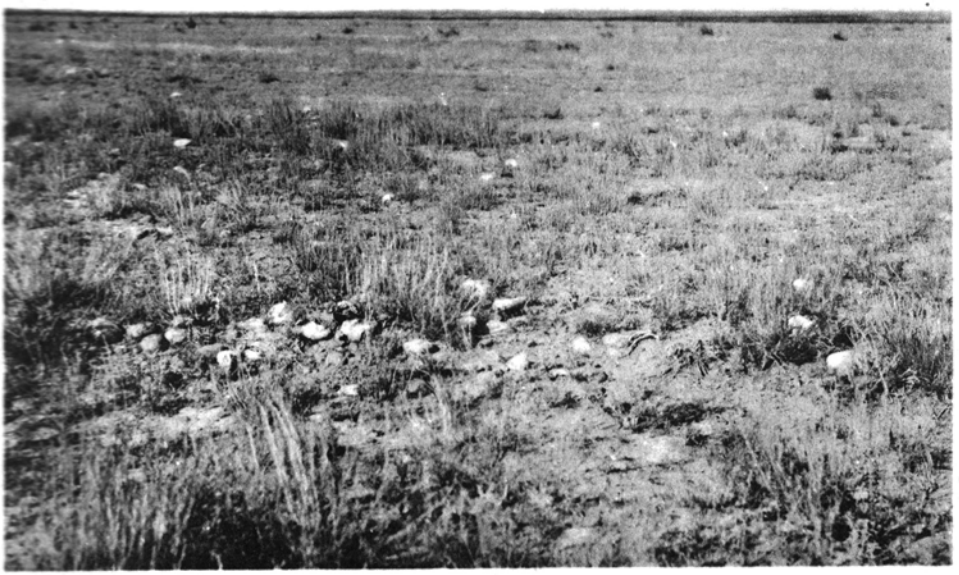
Весною часто попадаются щитомордники с ярким кирпичным тоном окраски. Таких щитомордников местные жители обыкновенно считают за медянок.



1. Дол. р. Чаманды. 1700 м. н. у. м. Gymnodactylus russowi. На конгломератовыхъ скалахъ.

2. Прибалхашье. Копальскій уѣздъ. G. russowi kopalensis. Подъ саксауловымъ валежникомъ.

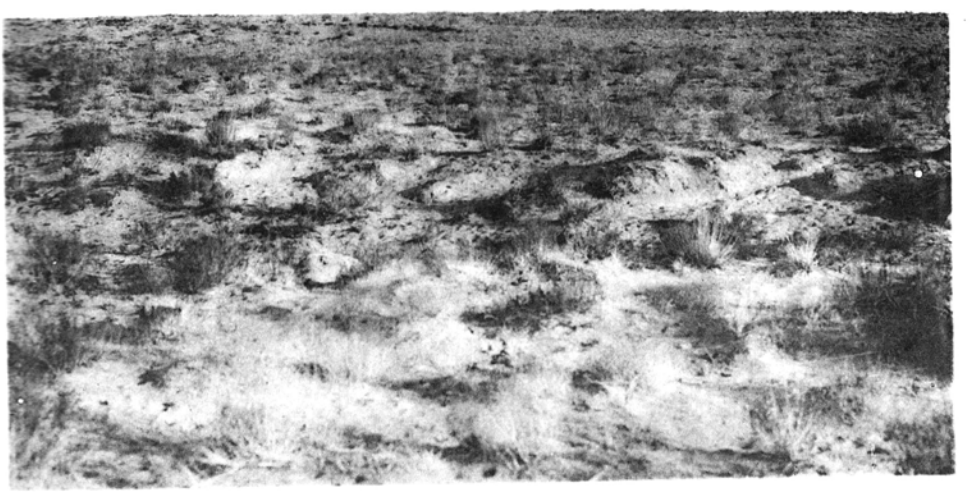
Фототипія и тип. А. Ф. Деркосова



1. Алакульская равнина. Phr. helioscopus и Eremias arguta.

2. Долина р. Джумгала. 1900 м. н. у м. Eremias multiocellata.

1. Прибалхашье. Копальскій уѣздъ. Phrynocephalus caudivolvulus.



2. Р. Лепса. Phrynocephalus kuschakewitschi и Eremias velox.

1. З. Караколъ. 2600 м. н. у. м. Пишпекскій уѣздъ.
Ablepharus alaicus.

2. Ручей Корнтöръ. 2000 м. н. у. м. Eremias nikolskii.

Фот. В. С. Воротниковa

1. Прибалхашье. Копальскій уѣздъ. Scapteira scripta.

Фот. В. С. Воротникова.

2. Прибалхашье. Копальскій уѣздъ. Scapteira grammica.

1. Прибалхашье. Копальскій уѣздъ. Phrynocephalus mystaceus.

Фот. В. А. Дубянскаго.

2. Ушастая круглоголовка, Phr. mystaceus. Полу-зарылась въ песокъ.

Фот. В. А. Дубянскаго.

3. Ушастая круглоголовка. Phr. mystaceus. У норки.

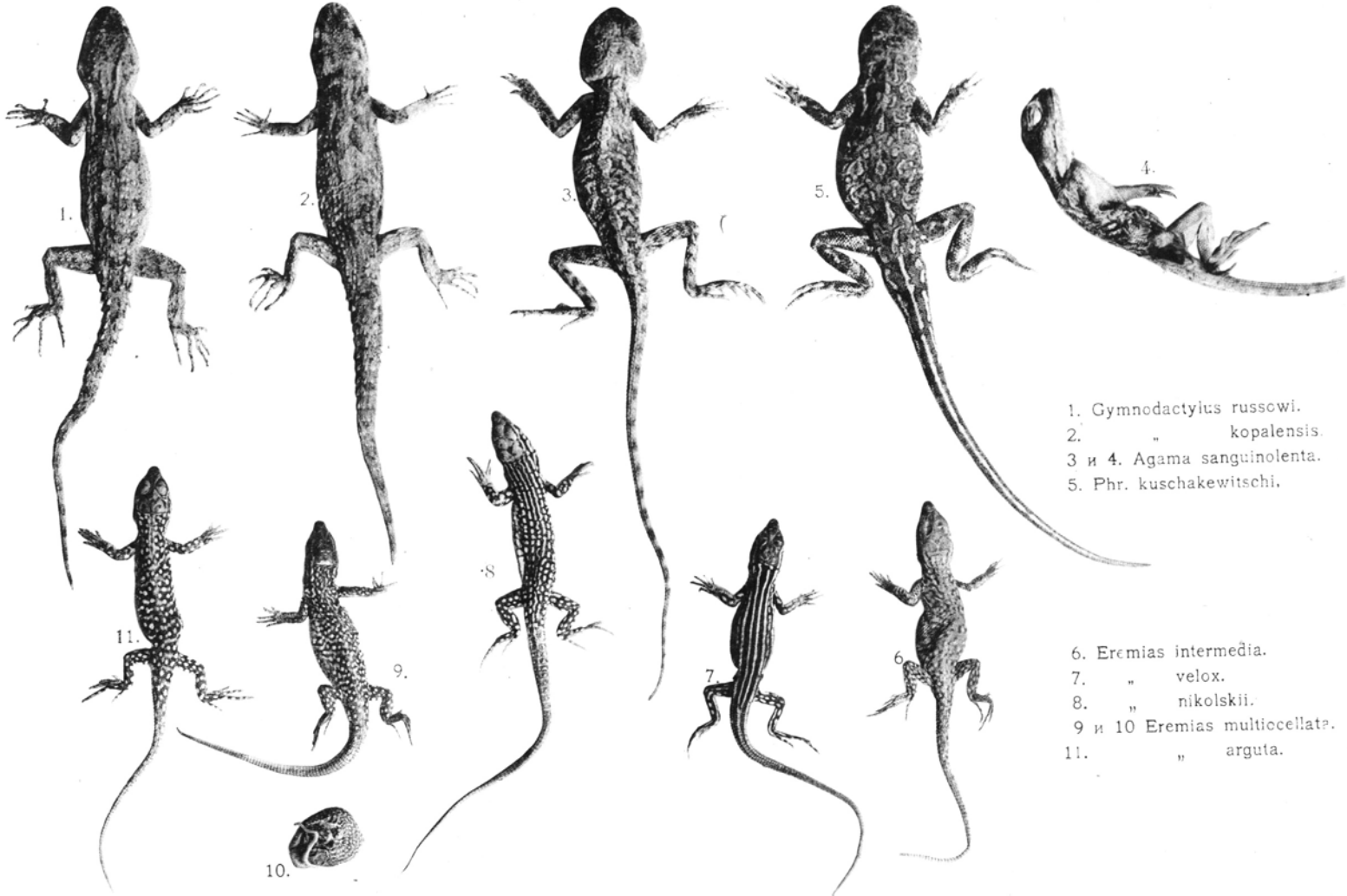
Фот. В. А. Дубянскаго.

1. Агама. Agama sanguinolenta.
На мертвомъ саксаулѣ.

2. Агама. Agama sanguinolenta.
На вершинѣ куста саксаула.

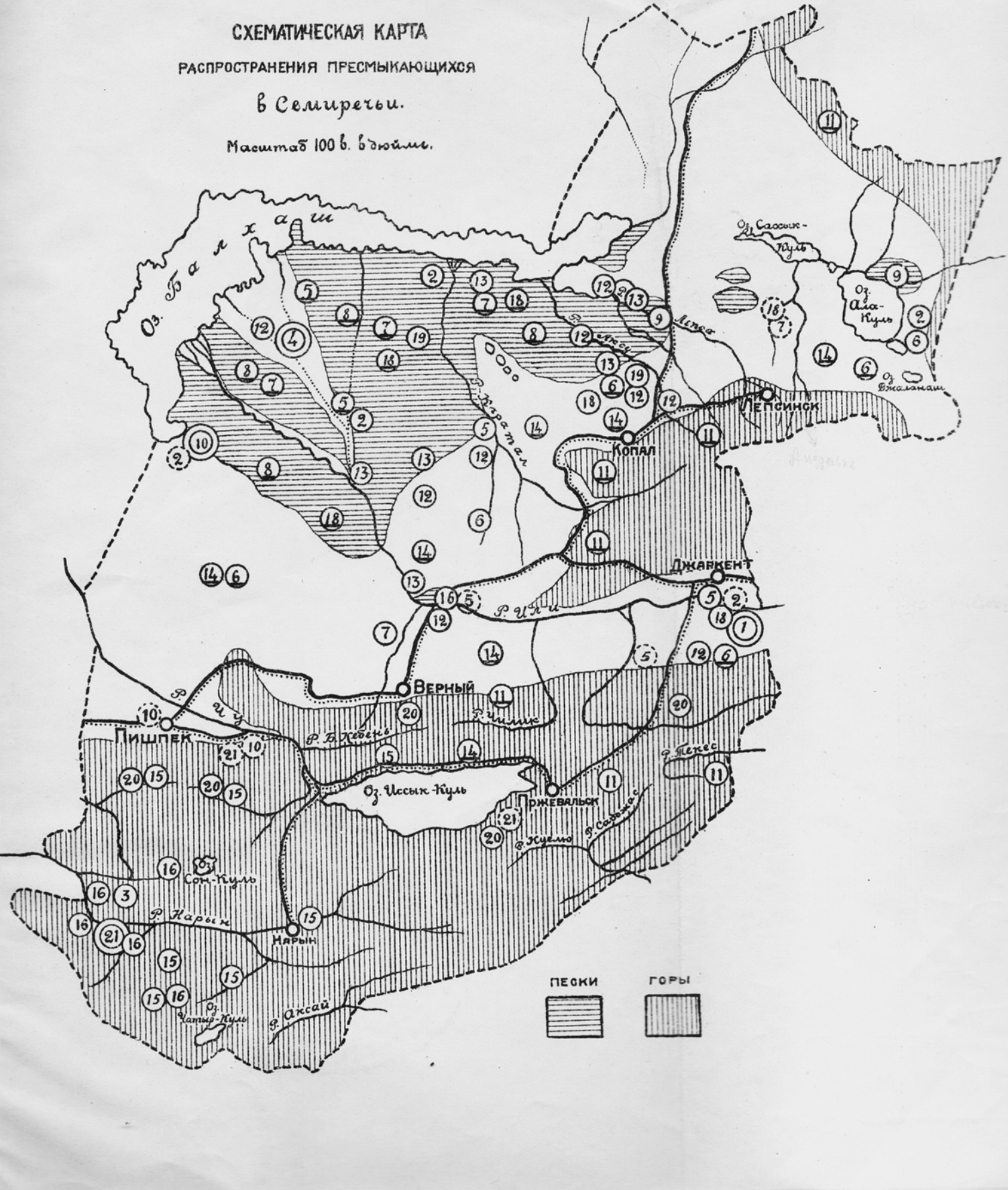
Круглоголовка крючкохвостая. Phrynocephalus caudivolvulus.

Стрѣла-змѣя. Taphrometopon lineolatum.



1. Gymnodactylus russowi.
2. „ kopalensis.
3 и 4. Agama sanguinolenta.
5. Phr. kuschakewitschi.

6. Eremias intermedia.
7. „ velox.
8. „ nikolskii.
9 и 10 Eremias multiocellata.
11. „ arguta.


СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ
в Семиречьи.
Масштаб 100 в. в дюйме.
Оз. Балхаш
Оз. Сасык-Куль
Оз. Ала-Куль
Оз. Джаланаш
Р. Аксу
Р. Лепса
Р. Каратал
Р. Или
Р. Чилик
Р. Б. Кебень
Р. Текес
Р. Сарджаз
Р. Усек
Оз. Иссык-Куль
Оз. Сон-Куль
Оз. Чатыр-Куль
Р. Нарын
Р. Аксай
Лепсинск
Копал
Джаркент
Верный
Пишпек
Пржевальск
Нарын
ПЕСКИ
ГОРЫ